

972
В-20
11817

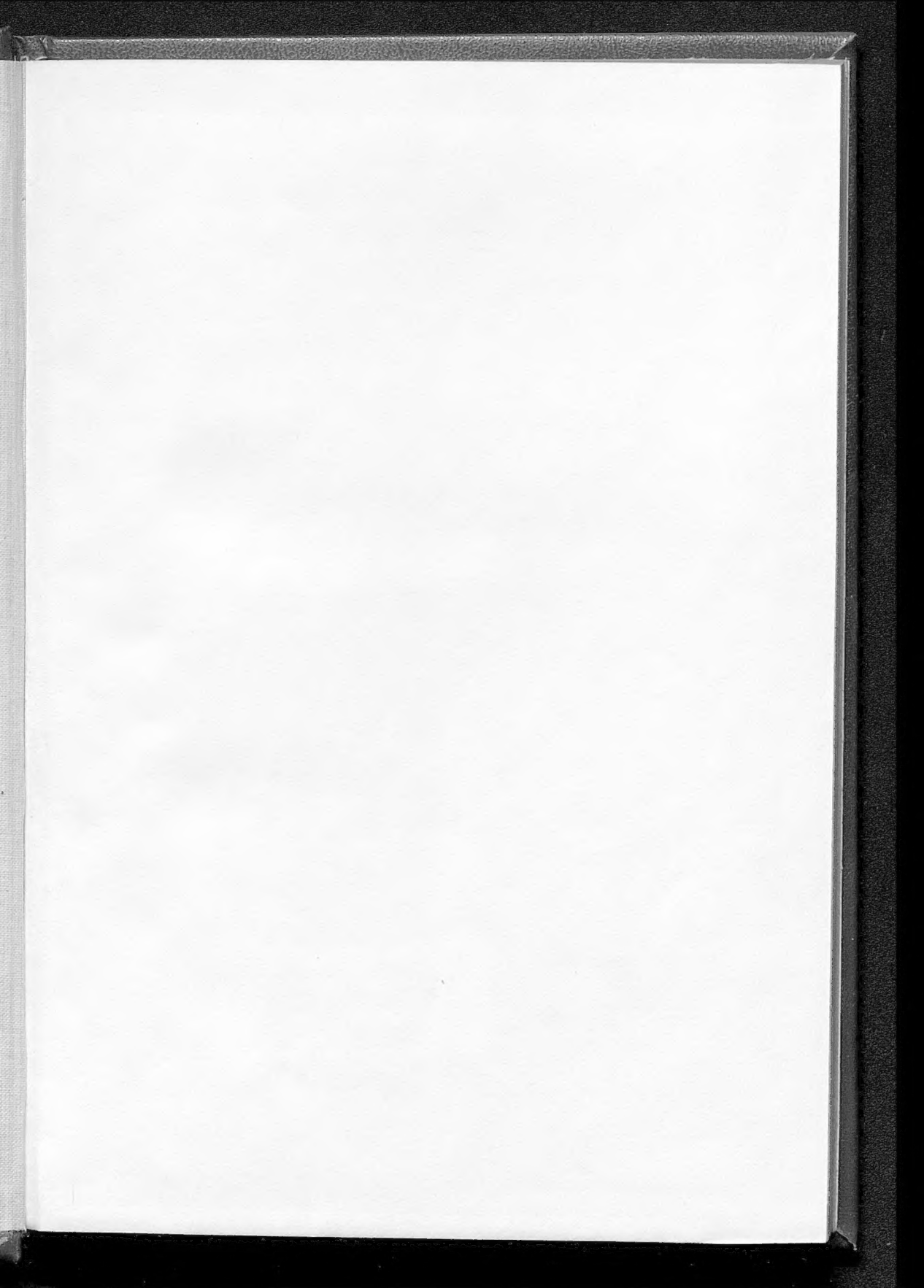
А. ВАСЮТИНСКИЙ

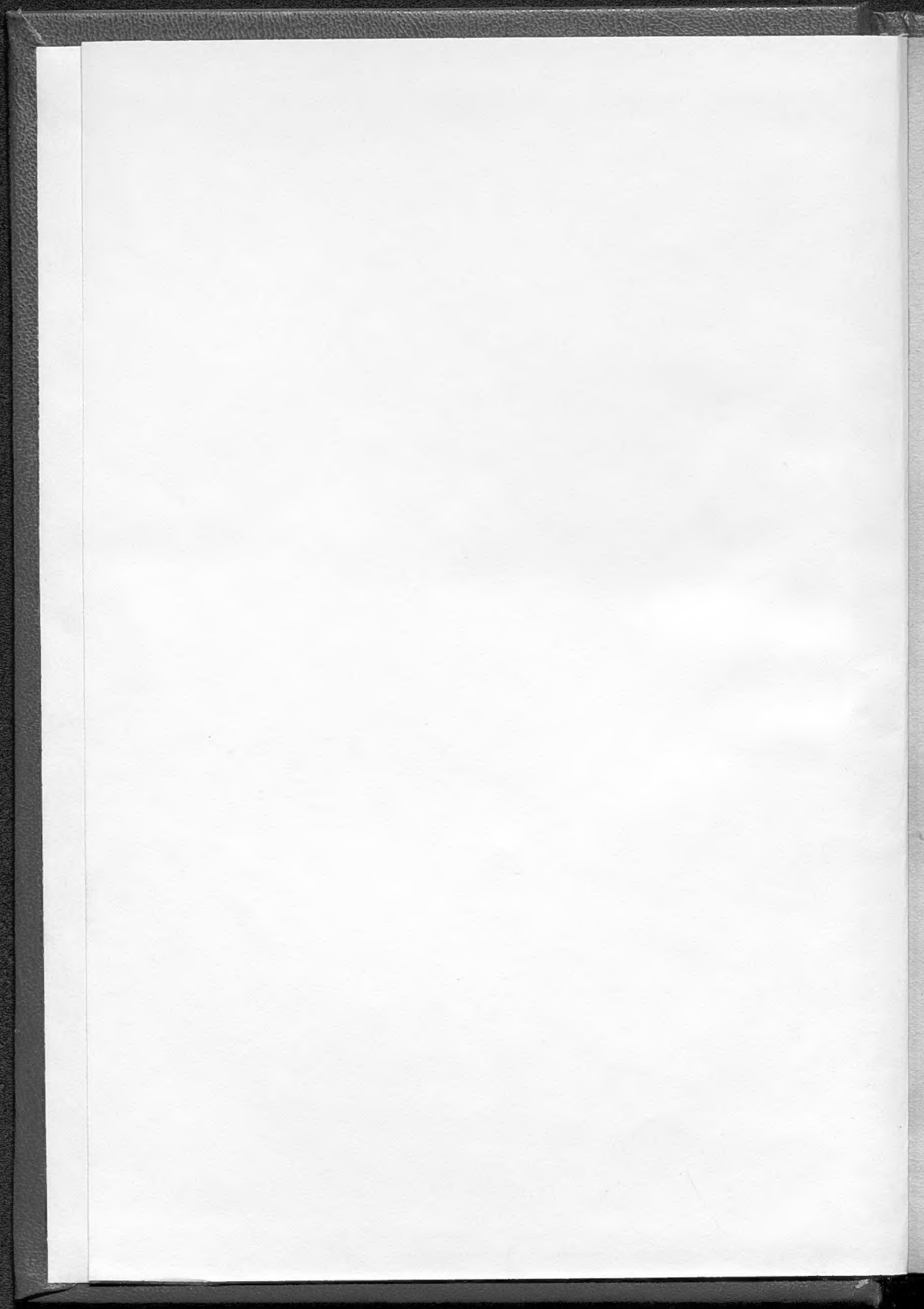
РАЗРУШИТЕЛИ МАШИН В АНГЛИИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

00105914

КС 112
В 20

КС

В. А. ВАСЮТИНСКИЙ

942 ✓
В 20

9 (42)
В 20

РАЗРУШИТЕЛИ МАШИН В АНГЛИИ

(Очерки истории
луддитского движения)

11807

2/1/25

1-й Лен. Гос. Пед. Ин-т
БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

~~БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИНДУСТРИАЛЬНО-ДЕЛАТЕЛСКОГО
ТЕХНИКУМА им. Н. А. Некрасова~~

00106914

ЭФ СПБГУ

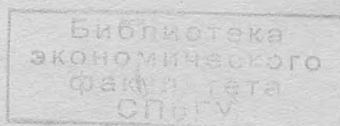
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Каталог

ПРОВЕРКА
1950

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Введение	5
I. Рабочее законодательство в начале XIX века	7
II. Рабочие союзы	26
III. Технический прогресс и его социальные последствия в трикотажной промышленности	42
IV. Технический прогресс и его социальные последствия в суконной промышленности	54
V. Технический прогресс и его социальные последствия в хлопчатобумажной промышленности	69
VI. Ноттингемские луддиты	84
VII. Йоркширские луддиты	99
VIII. Ланкаширские луддиты	121
Заключение	132
Приложения I. Таблицы	143—146
II. Текст тайной клятвы луддитов	147

ОТ АВТОРА

Вопрос о разрушителях машин до последнего времени совсем не затрагивался в русской историографии, и моя работа является в этом отношении первой попыткой. Этот период рабочего движения даже в Англии еще мало исследован, и только труд Гаммондов—«Квалифицированный рабочий»—положил начало его серьезному изучению. Несмотря на все достоинства упомянутой книги, ряд моментов остался в ней незатронутым. Естественно, при скудости имеющихся у нас материалов, осветить во всей полноте это движение для русского историка—задача нелегкая. Поэтому моя работа, хотя и написана, главным образом, на основании первоисточников, не претендует на значение исследования. Я стремился познакомить нашего вузовца или профработника с неизвестным, но, думаю, небезынтересным для них, в связи с последними событиями в Англии, вопросом.

Заглавие моей работы несколько шире ее содержания, так как она останавливается только на луддитском или предшествующем ему движению, связанном с разрушением машин. Конечно, столь сложное движение трудно рассмотреть детально на ограниченном количестве страниц, тем не менее все вопросы, не нашедшие должного освещения в литературе, я попытался или объяснить, или, по крайней мере, наметить. Ряд проблем остался, естественно, незатронутым. Я поэтому буду весьма обязан всем, кто укажет на упущения и недостатки моего очерка, и с радостью воспользуюсь всеми указаниями.

В заключение я считаю своим долгом выразить свою глубокую благодарность проф. Е. А. Косминскому, ценными советами и указаниями которого я руководствовался при составлении настоящего труда.

Выражаю также свою признательность Институту Маркса и Энгельса, любезно предоставившему в мое распоряжение богатое собрание материалов по истории рабочего движения в Англии, и проф. С. М. Моносову, любезно согласившемуся просмотреть мою работу.

ВВЕДЕНИЕ

Начало XIX века представляет, пожалуй, самую мрачную эпоху в истории английского рабочего движения, когда рабочему приходилось выбирать между тюрьмой и голодной смертью. Это один из важнейших моментов той промышленной революции, которой заканчивается эпоха так называемого первоначального накопления.

Уже в 1845 г. молодой тогда Фридрих Энгельс писал об Англии: «Шестьдесят, восемьдесят лет назад это была такая же страна, как и другие, с неразвитой и несложной промышленностью и редким, но сравнительно большим, земледельческим населением; а теперь—это страна, совершенно отличная от всех прочих, со столицей в два с половиной миллиона жителей, с огромными фабричными городами, с промышленностью, которая снабжает своими изделиями весь мир и почти все продукты выделяет с помощью сложных машин, с деятельным интеллигентным густым населением, две трети которого занято в промышленности, и которая состоит совсем из других классов, даже, можно сказать, представляет собою совсем иную нацию, с иными нравами и иными потребностями, чем прежде. Промышленная революция имела для Англии такое же значение, как политическая—для Франции или философская—для Германии, и расстояние между Англией 1769 г. и Англией 1844 г. по меньшей мере столь же велико, как между Францией старого порядка и Францией июльской революции*)». Однако, расцвет английской культуры и промышленности был достигнут дорогой ценой, ценой многих жертв со стороны рабочего класса. В рассматриваемый нами период происходило рождение этой новой цивилизации—в это время начи-

*) Ф. Энгельс.—Положение рабочего класса в Англии, стр. 30.

нает оформляться современный промышленный пролетариат, тогда же идет борьба старого рабочего класса за право на существование, делаются судорожные усилия спасти свою жизнь. Капитал в эти годы разворачивает наступление по всему фронту. Старое рабочее законодательство, бывшее могучим орудием в руках торгового капитала, тормозило быстрое развитие промышленного капитализма, и он стремился возможно скорее его ликвидировать, чтобы юридически закрепить экономическое подчинение рабочего класса.

I. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Вопрос об ученичестве

В XVIII веке английская промышленность и рабочий класс находились под действием системы регламентации, существовавшей еще с эпохи средних веков. Непрерывный рост техники, производства и торговли с середины этого столетия создал новые классы. «Общей чертой этого времени, по словам современного ученого, был рост класса богатых предпринимателей и создание большого и обездоленного пролетариата»¹⁾. Все это не могло, конечно, не отразиться на законодательстве. Тогдашние «капитаны индустрии» не могли примириться со старыми порядками: «индустриальная революция широко открыла двери для предприимчивости и авантюры», а елизаветинские статуты ставили границы их жажде обогащения и наживы. Стремление порвать эти законодательные путы выразилось раньше всего в нарушении законов об ученичестве.

Согласно закону Елизаветы от 1563 г., устанавливался обязательный ученический стаж—7 лет, количество учеников у каждого предпринимателя было ограничено, определялся и круг лиц, имевших право на занятие мастерством²⁾. Нарушение этих постановлений каралось штрафом, причем подвергались наказанию как предприниматели, так и лица, не удовлетворявшие требованиям закона. Уже в 1718 г., как сообщает одна прокламация против коалиции, чесальщики шерсти жаловались на то, что хозяева держат большее количество учеников, чем это следует, а союз чесальщиков шерсти не раз энергично протестовал против этих злоупотреблений³⁾. В 1742 г. суконщики-хозяева жаловались на конкуренцию ремесленников, не имеющих прав и не прошедших через семилетний срок обучения, но которые пользуются необучен-

ными рабочими ⁴⁾). Компания лондонских рамочных вязальщиков ⁵⁾ оказалась в течение первой половины XVIII века в непрестанном конфликте с неуступчивыми хозяевами, а в 1778 г. образовалась «ассоциация чулочников» для совместной защиты в средних графствах, целью которой являлось ограничение числа учеников и предписание определенного размера заработной платы ⁶⁾). В том же году лестерские рабочие-трикотажники возбудили дело против некоего Пэйна так как он, вопреки правилам компании рамочных вязальщиков, имел слишком много учеников ⁶⁾). «Отчет комиссии от 27 мая 1789 г. устанавливает, что у ножевщиков в Геллемшире рабочим запрещено держать учеников, тогда как мастера держат их в большем против нормального количестве, а в 1790 г. рабочие-ткачи шелковых материй в Ковентри в Варвике просят об ограничении числа учеников» ⁷⁾). Таких примеров можно привести множество, и чем дальше, тем они все более и более учащаются. Изобретение же машин и все большая механизация производства только способствовали этому.

Тот же процесс развития капиталистических отношений постепенно изменял отношение парламента к рабочим. В первой половине XVIII века палата общин исходила из прежних статуты и часто принимала сторону рабочих и ремесленников. Однако, по мере того как промышленный капитал приобретал силу, он начинал влиять на законодательство. Палата общин, как говорят Веббы, сменила политику средневековой охраны политикой «административного нигилизма», т. е. невмешательства в отношения хозяев и рабочих. Наем неквалифицированных, т. е. не прошедших законного срока ученичества, рабочих явился следствием этой политики и недаром вызвал столько жалоб со стороны квалифицированных рабочих: подобные действия предпринимателей больно ударили по рабочему классу. Следует отметить, что предприниматели пользовались этим, как средством большей эксплуатации и закабаления рабочих, — рабочий, не имевший полного ученического стажа (colt, как их тогда называли), часто выступал в роли штрейкбрехера, —

^{*)} Это была старая гильдейская организация, управлявшая с 1661 г. трикотажным производством.

а, главным образом, в целях большего снижения заработной платы.

В эпоху интенсивного действия законов об ученичестве такому человеку было совершенно невозможно найти работу: с одной стороны, против него была государственная власть, а с другой — сами же рабочие всегда следили, чтобы его не приняли на работу. Естественно, с ослаблением этих законов, именно с середины XVIII века, неквалифицированный рабочий с радостью соглашался работать за любую цену, какую давал предприниматель. Таким образом, он являлся и предателем своих собратьев по классу и опасным конкурентом для них на рынке труда. По мере развития крупных промышленных предприятий и свободного соревнования статуты об ученичестве перестали применять. На больших мануфактурах или фабриках трудно было контролировать квалификацию рабочих, введение машин еще более уменьшило потребность в ней — процесс работы сделался настолько несложным, что изучить его можно было в очень короткое время — самые же статуты об ученичестве имели в виду ремесленника и здесь теряли свое значение. Наконец, предприниматели из вышеуказанных соображений предпочитали нанимать именно неквалифицированных рабочих.

Самый тяжкий удар закону об ученичестве нанесла практика приходских советов посылать на работу детей бедняков, бывших на иждивении прихода. Последнее явилось просто продажей детей в полное рабство капиталисту.

«Когда рождается ребенок в семье бедняка, пишет современник, он не приносит и фартинга дохода, наоборот, он создает долг часто не в одну сотню фунтов...» «Поэтому часто можно слышать в бедных классах такие выражения, как «мертвый ребенок — благословение бедняка», или «какая радость для бедного человека, его ребенок умер, он освободился от такого бремени». «Некоторые родители старались даже, подобно китайцам, помочь своим детям отправиться на тот свет»⁸⁾. При таких условиях родители с радостью отдавали ребенка в приходский приют, а оттуда его и многих других отправляли на фабрику. Они там же и жили, причем были полнейшими рабами своих предпринимателей, которые обращались с ними прямо по-варварски⁹⁾. Заработная плата детей была самой ничтожной; что же касается питомцев сиротских домов, то они буквально работали за одну пищу.

Соперничество обученных рабочих с этим дешевым, почти бесплатным трудом было очень трудным и, как следствие этого, заработная плата падала все ниже, а безработица все увеличивалась.

Непрестанные притеснения со стороны хозяев вызвали ряд протестов со стороны рабочих. Многочисленные жалобы и петиции неудержимым потоком полились в парламент. Рабочие в XVIII веке не освободились еще от традиционных взглядов на государственную власть, как единственного посредника и главного судью в их взаимоотношениях с предпринимателями, и теперь обратились к ней за поддержкой. В первой половине XVIII века парламент исходил из прежних статутов и часто принимал сторону рабочих. Однако, развитие капиталистических отношений постепенно изменяло его взгляды. По мере того как промышленный капитал приобретал силу—законодательство постепенно воспринимало идеологию капитализма. В ответ на петиции рабочих предприниматели посылали контр-петиции, представляли ряд доказательств и, в конце концов, парламент клал заявления рабочих под сукно. Даже в тех случаях, когда он высказывался, казалось бы, в пользу рабочих, это оставалось одной видимостью и приносило немного выгоды, так как предприниматели платили штраф обыкновенно до смешного незначительный и затем продолжали делать то же самое*).

Однако, не только старания промышленников препятствовали изменению законов об ученичестве: изменение старых хозяйственных отношений постепенно разрушало тот фундамент, на котором они стояли. Во многих отраслях производства эти законы начали выходить из употребления. Насколько их забыли, видно из предисловия к статутам союза суконщиков в Лидсе в 1803 г.; там говорится, что суконщикам недостаточно известен закон; они знают и любят только его дух ¹⁰⁾. У ткачей города Пристли из 800 учеников только 4 имели законные контракты. На митинге ткачей-суконщиков в 1805 г. указывалось, что «родители уже несколько лет обучают детей искусству и приемам шерстяного производства, не заключая для них ученических контрактов» ¹¹⁾. Отчет о шерстяном производстве в Англии за 1806 г. подтверждает, что система уче-

*) Например, упоминавшийся уже нами Пэйн из Лестера уплатил лишь 1 шиллинг штрафа.

ничества по закону Елизаветы уже совершенно неприменима к настоящей фабричной промышленности и что она не применяется даже и там, где господствует еще домашняя промышленность ¹²⁾. В текстильных промыслах, особенно в хлопчатобумажной промышленности, число учеников непрерывно возрастало: несмотря на постановление статута иметь лишь определенное количество учеников на одного хозяина, у ситцепечатников, например, ученики были так же многочисленны, как и рабочие,—первых иногда было даже больше. Рассказывали, что около 1800 г. в некоторых мастерских на 2 рабочих приходилось до 50 и 60 учеников. В начале XIX века рабочие-шапочники ничего не знали об этих статутах ¹³⁾, то же самое происходило у плотников — старые елизаветинские законы перестают иметь значение ¹⁴⁾. В чулочном деле две трети рабочих не прошли установленного срока обучения, и совет главной компании уже с давнего времени допускал в свои сочлены людей, не прошедших семилетнего срока обучения ¹⁵⁾. Примеры забвения старых статутах об ученичестве можно было наблюдать и во многих других отраслях производства.

Несмотря на очевидное отмирание и исчезновение старого законодательства, петиции со стороны рабочих не прекращаются, все тот же лейтмотив повторяется в них: правила об ученичестве должны быть восстановлены и подкреплены парламентом, так как производство приходит в упадок, заработная же плата настолько упала, что рабочие не могут поддерживать сколько-нибудь сносного существования. Из показаний перед парламентским комитетом 1824 г. мы узнаем, что борьба за сохранение статутах об ученичестве была общей целью многих рабочих союзов в Дублине ¹⁶⁾, «вообще говоря, наши союзы — отвечали дублинские рабочие на вопрос парламентского комитета, — существуют для того, чтобы снимать с работы тех, кто не прошел полного ученического стажа».

В резолюции упомянутого уже митинга ткачей в 1805 г. эти последние просят, «чтобы семилетний срок обучения был признан безусловно необходимым для того, чтобы могли вырабатываться хорошие и искусные работники, которые могли бы получить право заниматься шерстяным производством» ¹⁷⁾. Двумя годами раньше рабочие ситценабивных предприятий в графствах Ланкастер, Дерби, Честер и Стаф-

форд просят парламент снова подтвердить законы об ученичестве. «За последние годы, говорят они, мы терпим большую нужду из-за недостатка работы; это вызывается, главным образом, тем, что хозяева систематически нанимают гораздо больше посторонних учеников, чем подмастерьев, в среднем почти 2 ученика на 3-х подмастерьев, и приносят этим самым большой вред петиционерам, их семьям и даже самим ученикам; подобные поступки хозяев вызывают вредные результаты, ибо по этой системе мальчики принимаются в ученики по устному соглашению, благодаря чему они лишены контроля над своими хозяевами и часто замещаются другими лицами, создавая тем самым излишнее количество рабочих рук в производстве». На основании этого рабочие ситценабивных предприятий просят внести билль для регламентации их производства. По постановлению парламента был назначен комитет для расследования положения рабочих этого производства. Комитет установил ряд нарушений статуты об ученичестве и пришел к заключению: «или вновь утвердить эти статуты, или предоставить хозяевам и рабочим самим разрешать все дела». Принимая во внимание, однако, что в последнем случае рабочие могут создавать союзы для переговоров с хозяевами, а последние тоже могут объединяться и тем самым легко чинить вред рабочим, комитет считает более полезным установить указанные ограничения¹⁸⁾. Тем не менее парламент отклонил это предложение^{*)}. В шерстяной промышленности, наиболее регламентированной, рабочие наняли адвоката, чтобы вести дело против предпринимателей, нарушавших старые законы. Парламент тотчас провел билль об отмене этих законов. Влияние промышленной буржуазии начинает сказываться все сильнее: именно, благодаря Роберту Пилю, крупному хлопчатобумажному фабриканту, палата общин провалила билль о восстановлении закона об ученичестве в ситценабивном производстве¹⁹⁾. Точно так же парламент приостановил действие старых статуты, регламентирующих шерстяную промышленность (43 акт Георга III, гл. 136), а в 1809 г. большинство этих статуты было окончательно отклонено (49, Ге-

*) Несколько позже трикотажники внесли в парламент петицию о сохранении старых законов, истратили много труда и денег на агитацию, но тем не менее билль был провален в третьем чтении.

орг III, гл. 109). Средневековой системе производства был нанесен здесь последний удар, восторжествовал принцип свободного соревнования, точка зрения промышленной буржуазии. Подобные же заявления рабочих других производств постигла та же участь ²⁰).

Рабочие убедились, что они вряд ли могут добиться у парламента облегчения своей участи, они решают отстаивать свои права самочинно. Начинаются рабочие волнения и восстания: таково, например, восстание спитальфильдских ткачей 1773 г., чулочно-вязальщиков ²¹), ситцепечатников (после провала их петиции) в 1803 и 1804 гг. Однако, это не могло помочь делу: волнения подавлялись вооруженной силой. Таким образом для трех таких больших производств, как трикотажное, шерстяное и хлопчатобумажное, последствия оказались очень печальными: в первом перестала существовать компания (с 1753 г.), а все ее правила, регулирующие эту промышленность, уже не имели больше никакого значения; в остальных регламентация тоже была отменена в 1807 г. (для хлопчатобумажной) и в 1809 г. (для шерстяной). В прочих отраслях промышленности эти законы или были забыты, или же фактически не могли применяться благодаря энергичному противодействию хозяев—результаты были одни и те же. Рабочий класс получил наглядный урок: не полагаться на защиту законодательной власти, а действовать своими силами. В то же время для него стало ясно, что статуты об ученичестве не принесут ему большой пользы и не облегчат его положения. Рабочие направили свои усилия в другую сторону, но здесь, как мы увидим, их тоже ждало полное разочарование и неудачи.

Государственная регламентация заработной платы

На ряду с борьбой за соблюдение правил об ученичестве рабочие требовали другой меры для поднятия своего заработка: регулирования заработной платы. Как и в первом случае (закон об ученичестве), они обратились к старому средневековому законодательству, формально еще не отмененному, но постепенно отмиравшему. Борьба эта приняла еще более острую и бурную форму. Согласно законодательству Елизаветы, плата промышленных рабочих регулировалась представителями правительства в лице мировых судей

графства, которые должны были следить за тем, чтобы плата не отступала от определенных расценок, эти же расценки устанавливались самими мировыми судьями²²⁾. Особенно подробно были разработаны эти правила в отношении шерстяной промышленности.

С начала XVIII века эти постановления, повидимому, не всегда выполнялись. В 1721 г. начались волнения среди рабочих портняжного производства в Лондоне в Вестминстере: рабочие объединились и забастовали с целью повысить заработную плату и сократить рабочий день. Хозяева подали в связи с этим петицию в палату юбцин и просили, «чтобы почтенная палата предприняла меры для улучшения этих бедствий или пожаловала какую-либо иную помощь, как ее великой мудрости покажется более подходящим»²³⁾. В результате этого правительство издало закон, которым устанавливались заработная плата рабочих и продолжительность рабочего дня (7 Георга I, гл. 13). Закон этот, однако, не возымел должного действия, так как среди рабочих несколько раз вспыхивали волнения, и парламент снова был вынужден издать специальный закон о регулировании труда и заработной платы (8 Георга III, гл. 17).

В 1724 г., затем в 1738 и 1752 гг. начинаются волнения на почве недостаточности заработной платы среди суконщиков: очевидно, постановления елизаветинских законов хозяевами нарушались. Мы узнаем об этом из двух законов Георга I²⁴⁾. Любопытно отметить, что в них ни слова не говорится о регулировании платы, но зато приводится ряд карательных мер против рабочих коалиций и стачек. Уже здесь видно намерение предоставить рабочим и предпринимателям решать все дела на основе свободного договора. Как мы увидим далее, новые тенденции начинают проникать в английское промышленное законодательство; в первой половине XVIII века оно еще действует нерешительно, представители аграрных интересов в парламенте еще не совсем поддаются влиянию промышленных предпринимателей, но со второй половины века замечается крутой поворот в сторону отказа от всякого государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом. В 1757 г. был издан закон, который отменял в указанной промышленности нормирование заработной платы мировыми судьями и пре-

доставлял решение этого вопроса частному соглашению*). С этого времени судьба рабочих была отдана в руки предпринимателей, и парламент открыто защищал интересы последних; никакие петиции рабочих не помогали. «Как правило, говорят Веббы, парламент в таких случаях назначал комитет для расследования дела, но, разделяя доводы хозяев, он редко находил возможным утвердить предложения рабочих»²⁵). Жизнь уже подготавливала почву для теории, и в недалеком будущем учение Адама Смита явилось выражением чаяний и желаний торгово-промышленной буржуазии.

В 1752 г. в парламент поступил ряд петиций от предпринимателей трикотажной промышленности из Ноттингема, Годальминга, Гильдфорда, Уитли, Терсли и других мест. В них они жалуются, что компания рамочных вязальщиков составила правила, противные разуму и общей свободе подданных Великобританского королевства, взимает налоги, которые помогут ей исполнить гибельные планы: распространить власть свою на все королевство; эта же компания монополизировала право на сдачу вязальных рам в наем..., поэтому промышленники боятся, что затруднения, при которых они работают, отзовутся вредно на их производстве, и просят помощи у парламента (петиция из Ноттингема). Другие петиции говорят, что политика компании приводит промышленность в упадок и вызывает нищету у рабочих, тем самым делая их бременем для приходов (петиция из Годальминга). Для расследования указанных обстоятельств палата общин выделила комитет, который, согласившись с мнением просителей, заявил, что «правила компании незаконны и посягают на свободу подданных, вредны для промышленников и приводят производство к разрушению и упадку»²⁶). С этого момента, как мы уже и раньше упоминали, компания лишилась всякого контроля над производством и перестала фактически существовать. Парламент в этом случае открыто восстал против правил регламентации, проводимых компанией, и показал себя сторонником свободной конкуренции. Несмотря на враждебное отношение правительства к системе государственного вмешательства, рабочие продол-

*) 30 Георга II, гл. 12. Интересно, что предприниматели определенно нажали на правительство с целью отмены регулирования платы: поводом к изданию акта была петиция с их стороны об отмене старых законов.

жают просить о регулировании заработной платы. В 1758 г. грузчики угля подают петиции парламенту об урегулировании заработной платы государством. В конце 60-х годов ткачи шелковых материй, не находя помощи у парламента в вопросе о фиксации заработной платы, начали волноваться²⁷⁾. Возмущение 1773 г. принудило в конце концов правительство согласиться на закон о нормировании платы (знаменитый Спитальфильдский акт 13 Георга III, с. 68).

Несколькими годами позднее (в 1778 г.) рамочные вязальщики обращаются с петицией в палату общин, в которой заявляют, что «они, петиционеры, прошли полный ученический стаж и всегда работали в трикотажном производстве, но, несмотря на свое крайнее трудолюбие, они не в состоянии обеспечить себя необходимейшими жизненными припасами не только из-за низкого уровня своей заработной платы, но и вследствие высокой аренды за вязальные станки и других поборов. Поэтому они просят палату внести билль о нормировании заработной платы так, как палата найдет более подходящим»²⁸⁾. Обстоятельства, казалось, складывались очень благоприятно для рабочих: парламент принял петицию и передал ее на рассмотрение специального комитета. Этот последний, допросив всех свидетелей, распорядился внести требуемый билль в палату общин. Между тем предприниматели повели энергичную агитацию против билля с таким успехом, что создали значительную оппозицию, враждебную этому законопроекту, и предложение комитета было отклонено большинством 52 голосов против 27. Возбуждение среди рабочих, не ожидавших такого результата петиции, еще больше увеличилось тем, что предприниматели, пользуясь их неудачей, снизили их заработную плату на 25%. Все же неудача не сломила настойчивости рабочих, они не пали духом и в следующем году подали новую петицию, где снова просили о том же. Перед подачей ими была проведена большая кампания; они собрали для этой цели большие суммы денег и постарались склонить на свою сторону некоторых членов парламента.

В мае 1779 г. после положительного отчета комитета м-р Мидоус, член парламента от Ноттингема, предложил билль о нормировании заработной платы вязальщиков. М-р Роберт Смит (впоследствии лорд Каррингтон) выступил в пользу билля, как необходимой меры, «насыщенной и омоченной

слезами бедных и голодных семейств». Билль был принят большинством всех голосов против одного, немного спустя он прошел во втором чтении большинством одного голоса и, наконец, при третьем чтении был совершенно отклонен. Почти с уверенностью можно сказать, что предприниматели во многом содействовали провалу билля (хотя в отчете об этом ничего не говорится),—стоит только вспомнить о той агитации, какую они вели против первого билля (в 1778 г.). Действительно, это решение парламента закрепляло на многие годы самую откровенную эксплуатацию и потогонную систему, господствовавшую в трикотажном производстве. По низкому уровню заработной платы, распространению truck system и продолжительности рабочего дня трикотажники занимали в то время последнее место. Неудача билля 1779 г. ухудшила их положение и озлобила до крайности. Почти сейчас же после отказа парламента установить регламентацию заработной платы у вязальщиков, в Ноттингеме и соседних местах начались волнения. «Как только новости достигли Ноттингема—говорится в отчете парламентского комитета,—большие толпы народа побили оконные стекла у ненавистных предпринимателей и совершили много других эксцессов. Мятеж продолжался несколько дней, в течение которых было разрушено несколько домов и разбито на куски множество вязальных рам, принадлежавших непопулярным лицам». Порядок удалось восстановить, лишь вызвав на помощь войска. Немалую роль сыграли в успокоении рабочих предприниматели: они опубликовали заявление, в котором обещали удовлетворить желания рабочих, устранить всякое притеснение и дать самую лучшую плату, какая только существует²⁹). Насколько они сдержали свое обещание, мы увидим впоследствии. Верно или неверно это утверждение, мы здесь разбираться не будем—это составит предмет следующей главы; одно лишь ясно: разговоры о государственном регулировании и минимуме заработка рабочих трикотажного производства в дальнейшем не поднимаются.

В других отраслях промышленности конец XVIII века характеризуется попрежнему рядом петиций рабочих об установлении твердого прожиточного минимума; несмотря на печальный пример трикотажников, они продолжают обра-

щаться за помощью и поддержкой к парламенту. Адам Смит в своем исследовании о богатстве народов уверяет, что случаи государственного регулирования заработной платы в его время (1776 г.) совершенно не имели места³⁰). Мы позволим себе усомниться в этом, наоборот, даже позже мы встречаем такие случаи, отнюдь не единичные или исключительные,—в 90-х годах этот вопрос особенно остро стоял перед парламентом, и он посвящал ему не мало времени в своих заседаниях*). В этом отношении представляют особенный интерес три законопроекта 1795 и 1800 г.г.: Спинхемлендский акт (1795 г.), билль о минимуме заработной платы Уитбрета (конец 1795 г.) и закон об арбитраже в хлопчатобумажной промышленности (1800 г.).

Обстоятельства, при которых они были внесены, сильно отличались от предыдущей эпохи. На континенте бушевала революция: во Франции восставший народ низвергнул монархию и своим лозунгом провозгласил восстановление свободы и уничтожение тирании, та же участь, казалось, угрожала всем монархам. Англия особенно остро почувствовала эту опасность, когда революционные французские войска захватили Нидерланды и, установив там республику, поставили ее в непосредственную близость с революционной заразой. Нечего и говорить, что это движение отразилось на английском обществе: по всей стране основывались политические общества, все смелее звучали голоса, требовавшие радикальной парламентской реформы и даже республики, а конвент тайных обществ в Эдинбурге чуть ли не открыто ставил это своей задачей. В то же время война, объявленная Франции, ухудшила экономическое положение страны. Вполне естественно правительство усмотрело главную угрозу своему существованию в рабочем классе, более всех терпевшем от политических и экономических недостатков английского общественного строя. Правящим классам в лице парламента необходимо было так или иначе предотвратить эту опасность, «задобрить рабочих». На этом основании палата общин сочла весьма удобным и для себя мало обременительным провести нормирование заработной платы, которого так долго добивались рабочие.

*) В одном отношении, кажется нам, Смит прав. Хозяева, действительно, обходили и не подчинялись старым законам, но рабочие не переставали бороться за них, видя в них средство обеспечить себя от нищеты.

Во второй половине XVIII века раздача пособий бедным стала обычным делом в сельских приходах, как дополнение к недостаточному заработку. Эта мера несомненно противоречила закону о бедных, который предписывал выплачивать пособия только лицам, содержащимся в рабочих домах. Подобные постановления ложились тяжелым бременем на приходы, поэтому они с большой охотой шли на вышеупомянутые отступления от закона, уменьшавшие их расходы. Законодательство пошло им навстречу и санкционировало их действия так называемым актом Гильберта (1782 г.). Согласно этому закону, приходам разрешалось помогать нуждающимся трудоспособным лицам, не заставляя их поступать в рабочий дом; последний предназначался теперь только для детей, стариков и больных. Предписания эти не были введены единовременно во всей Англии: закон Гильберта допускал принцип местного выбора, и приходы вольны были подчиняться ему или держаться прежнего порядка ³¹).

Постоянные неурожаи 90-х гг. и кризис в шерстяной промышленности, вызвавшие большую нищету среди рабочих, заставили правящие классы принять более решительные меры. «6 мая 1795 г.—сообщает газета «Ридингский Меркурий»—мировые судьи собрались в Спинхемленде для регулирования платы земледельческих рабочих и единогласно постановили: ввиду тяжелого положения бедных предложить фермерам и прочим предпринимателям повышать плату своим рабочим соответственно ценам на продукты». Прожиточный минимум определялся по той или иной цене хлеба, для чего была составлена особая таблица ³²). Путем этой реформы английские правящие классы очень остроумно переложили бремя расходов на плечи рабочего класса. Выигрывали от этого только землевладельцы и буржуазия: для первых уменьшились этим самым налоги, вторые могли удерживать заработную плату на низком уровне—за них все равно будут платить. Наконец, этой подачкой правящие классы хотели защитить себя от революционного взрыва и способствовали этим же поступательному движению промышленности и уменьшению оппозиции среди рабочих против машин ³³).

Но правительство ошиблось: Спинхемлендский акт, повидимому, мало удовлетворял рабочих. В конце 1795 г. Уит-

бред *), очевидно, под влиянием непрекращающихся петиций, внес свой билль о минимуме заработной платы. Он не сулил выгод ни буржуазии, ни дворянству и потому встретил жестокую оппозицию. Уитбред предложил установить наименьший размер заработной платы вместо наивысшего, какой определялся статутом Елизаветы о ремесленниках. Что он здесь имел в виду? Из речи в защиту билля мы узнаем истинные мотивы его побуждения. Прежде всего, в словах его звучит обычная тенденция предпринимателей в то время избавиться от неудобного вмешательства государства в дела промышленного предприятия: «как бы ни приняла палата этот билль, я надеюсь, что статут Елизаветы будет отменен». В дальнейшей своей речи Уитбред старается идеологически обосновать необходимость своего проекта; идеология его в сильной мере находится под влиянием доктрин Адама Смита: они для него неопровержимы. Тем не менее теория не всегда тесно совпадает с жизнью, и вот опыт показывает, что бедственное положение рабочих масс настолько велико, что необходимо им как-то помочь. «Я, как и всякий другой, чувствую очень сильно, что вмешательство законодательной власти в дела этого рода нежелательно, что цене труда, как и всякому иному товару, нужно предоставить искать свободно свое собственное русло, но соображения разума оспариваются опытом. Разве палата находит, что положение рабочих таково, какого желали бы чувство и свободный ум»³⁴). Ссылаясь далее на труды Ричарда Прайса **), он доказывает, что за последние годы цены на продукты и на труд резко расходятся, причем последний отстаёт. Это влечёт за собой сокращение браков и рождений среди рабочих, для которых ребенок является проклятием. Лекарством против этого должен служить билль. С другой стороны, его предложение имеет в виду «помочь сельскому хозяину кормить, одевать и представлять некоторый комфорт своей семье»³⁵). Таким образом, в воззрениях Уитбрета лобопытно сочетаются новые взгляды (А. Смит),—промышлен-

*) Сэмюэль Уитбред (1758—1815)—английский политический деятель, левый либерал. Горячо нападал на злоупотребления реакционного правительства Питта и защищал умеренные политические реформы.

**) Ричард Прайс (1723—1790)—английский радикальный публицист. Горячий сторонник Великой французской революции, проповедывал политическое равенство всех людей.

ная свобода и расширение рабочего рынка,—с защитой интересов землевладельца.

Горячую поддержку биллю оказал Ч. Д. Фокс^{*)}). Главный его довод в пользу билля—сокращение налога на бедных и предоставление выборных прав большему кругу рабочего населения, иными словами—сбережение доходов джентри и страхование от рабочих волнений. «Недостойно нашей страны свободы,—говорил он,—чтобы большая часть народа жила за счет богатых. Все, кто зависит от прихода в материальном отношении, лишены права выборов в парламент,—неужели же у массы рабочих должна быть отнята самая важная привилегия, какую только имеют свободные граждане... Благотворительность богатых слишком случайна и не прочна, благодаря чему бедные снова обращаются к приходу за поддержкой и теряют право участвовать в управлении. Как же назвать страну, где каждый бедняк доведен до состояния зависимости и затем обречен на рабство». Билль Уитбрета устраняет все существующее зло, и потому Фокс советует его принять³⁶⁾). Мысль его очень проста: уделить бедным минимум собственности богатых и, сделав их хоть и призрачными собственниками, удержать от революции.

В словах Фокса нет уверенности в силе своего класса. Совершенно иначе рассуждает Вильям Питт младший^{**)}). Он выступил резко и энергично против билля. Длинная речь его—настоящая проповедь принципа *laissez faire* и гимн могуществу буржуазии: «Билль не сможет устранить зло, о котором говорят здесь, эта мера недостаточна; причины зла коренятся в недостатках наших законов о бедных: необходимо рабочему дать свободу передвижения, тогда он сможет всегда перейти на более выгодное место, а капи-

^{*)} Чарльз-Джеймс Фокс (1749—1806)—английский государственный деятель, либерал, бывал неоднократно министром. Сторонник парламентской реформы. На словах защищал Великую французскую революцию, но на деле ничего из своих обещаний не выполнил. Умеренный реформатор и оппортунист.

^{**) Вильям Питт младший (1759—1806)—английский государственный деятель. С 1784 г. и до самой своей смерти был премьер-министром. Первоначально радикал, он сделался потом ярким реакционером, был вдохновителем войны с революционной Францией и ожесточенным врагом английского рабочего и революционного движения. Он-то и ввел, как мы увидим ниже, закон о коалициях.}

талист в свою очередь будет иметь подходящего работника; общества взаимопомощи облегчат бремя приходов, устройство промышленных школ даст занятия многим детям. Выгоды от всего этого широко распространятся, национальное богатство увеличится, рабочие будут жить не только комфортно, но сделаются более честными, а тяжесть налогов на бедных, так обременяющая класс земельных собственников, сильно уменьшится». Этот, поистине, дифирамб власти имущим сопровождается все время одним и тем же припевом: «труду следует предоставить возможность найти свое равновесие самостоятельно». Сильная воля и вера в силу своего класса,—вот, что отличает Питта от Фокса: «мы задавим революцию»—так и слышится в его словах.

Питт встретил почти всеобщую поддержку палаты. Так, например, депутат Бердон заявил, что положение рабочих не так уж плохо, и если бы общества взаимопомощи развивались, то оказали бы рабочим большую поддержку (мысль Питта). М-р Бекстон (член палаты) сказал, что билль вызовет безработицу и увеличит бремя приходов. «Я совещался с хорошо осведомленными фермерами и джентльменами в Норфольке, они единодушно считают билль вредным». По мнению м-ра Ванситарта, государственное нормирование оплаты труда еще большее зло, чем то, на которое жаловались. Билль не нужен, так как уже закон Иакова I *) дает власть городским чиновникам устанавливать цены труда. Поэтому он возражал против билля ³⁷⁾. Большинство палаты стояло уже за свободную конкуренцию и свободное развитие промышленности, и билль Уитбрета был провален.

Несколько иначе обстояло дело с просьбой рабочих хлопчатобумажной промышленности улучшить условия их существования. Все рабочие этой промышленности были охвачены одним желанием—добиться твердой платы. Джон Голькрофт, секретарь союза хлопчатобумажных рабочих, ясно выразил цель их: «Мы не желаем,—сказал он,—какой-либо исключительной платы, а только просим, чтобы ее можно было нормировать или на основании взаимного соглашения между рабочими и предпринимателями, или на четвертных сессиях мировых судей так, как это ведется в шелковой промышленности» ³⁸⁾. Тяжелый продовольственный кризис, разразив-

*) Иаков I Стюарт (1603—1625)—король Англии.

шийся вследствие неурожая и затяжной войны 1793—1815 гг., вызвал поток петиций со стороны только что возникших объединений в хлопчатобумажном производстве ³⁹). «Рабочие Больтона обратились в 1800 г. к парламенту с петицией об урегулировании заработной платы на основании Спитальфильдского акта. Тогда канцлер казначейства Питт предложил им, если они откажутся от урегулирования заработной платы, провести закон, который так же, если не лучше, удовлетворит их. Митинг рабочих единодушно принял предложение Питта, который действительно провел закон о третейских судах» ⁴⁰). Чем объясняется успех рабочих? Может быть, этому содействовали влияние и значение Питта?

Вероятнее всего предприниматели поддержали этот акт, ожидая, что он вызовет уменьшение конкуренции и повышение цен на товары. Из разбора самого акта мы убедимся, что он сулил еще и другие выгоды предпринимателям.

Закон о третейских судах в хлопчатобумажной промышленности устанавливал в случае разногласий между рабочими и хозяевами по вопросу о заработной плате и иных предметах, связанных с нею, назначение каждой стороной арбитра.

Арбитры, согласно закону, имели право чинить допрос противных сторон и свидетелей, приводя их к присяге по определенной форме, а затем решать дело. Решение арбитров является окончательным для сторон, однако, если арбитры не придут к соглашению в вынесении приговора, то по истечении трех дней они передают дело на рассмотрение мирового судьи, решение которого обжалованию не подлежит. В целях беспристрастности судьям, являвшимся хлопчатобумажными предпринимателями, воспрещается вести эти дела ⁴¹).

Из содержания ясно видно, что закон разделяется на три части: 1) назначение арбитров, 2) право этих арбитров решать дела, 3) решение мирового судьи, как высшей инстанции в случае разногласия арбитров. Последний пункт в замаскированной форме имеет в виду интересы хозяев: арбитр предпринимателей мог разойтись во мнении с представителем рабочих и потребовать передачи дела мировому судье; последний, конечно, решит дело в пользу хозяев. Помимо того, предприниматели часто игнорировали закон: «они считали ниже своего достоинства заседать вместе с

рабочими». Случаи саботажа закона со стороны хозяев тоже не были редкими: они иной раз лишали работы назначенного арбитром рабочего или протестовали против права того же арбитра приводить к присяге, чем срывали ведение дела. Городские власти в свою очередь самым бесцеремонным образом нарушали закон: когда в Уайтфильде рабочие потребовали третейского разбирательства в связи со снижением цен, магистраты сочли это за попытку нормировать заработную плату и сказали, что акт не имеет силы ⁴²). Злоупотребление актом со стороны хозяев и местных властей и растущая дороговизна вызвали волнения среди рабочих и требование улучшения закона. «Мне горько сказать,—пишет один предприниматель,—но то, что я видел и слышал, внушает мысль о том, что страна созрела для мятежа». Один священник Больтона также сообщает, что «намерение обратиться вторично к парламенту с просьбой исправить так называемый билль о ткачах сделалось средством для образования рабочих союзов и возбуждения народа» ⁴³). Ричард Нидем, ткач из Больтона, показал перед Комитетом о рабочих и машинах, что в 1804 г. рабочие устраивали митинги и требовали изменения акта об арбитраже ⁴⁴). В результате всего этого парламент издал в 1804 г. новый акт—«Добавление к акту об арбитраже». Самое существенное изменение, внесенное в него,—право судьи или магистрата призвать к себе в течение трех дней то лицо, на которое была подана жалоба, а также жалобщика и уладить между ними разногласия; если же жалоба не будет улажена, то по просьбе одной из сторон судья должен был назначить день для явки представителей спорящих сторон; каждая из них обязана была выбрать арбитра, и эти последние окончательно решали дело ⁴⁵). Насколько этот акт защищал интересы рабочих, показывает история хлопчатобумажных рабочих более позднего времени: «после многих обращений к парламенту, говорили они, был издан закон, несколько изменивший акт 40-го года царствования Георга III, но он оказался бесполезным, так как ни один приговор по этому закону не был утвержден четвертной сессией. И сколько ни обращались к парламенту с просьбами издать законы, которые помогли бы их ремеслу, все они были безрезультатны» ⁴⁶). Таким образом, все попытки рабочих добиться легальным путем улучшения своей жизни не имели успеха. Несмотря на это, рабо-

чие не перестают бороться, но борьба ведется уже иными средствами.

Примечания: 1) Hammonds Town lab. p. 96; 2) Bland, Brown, & Tawney-Engl. econ. hist. docum., pp. 325-33; 3) Ibid., p. 626; 4) J. H. C. vol. 24, pp. 117 & 124, cit. Held-Zwei Büch. z. Soz. Gesch. Englands, p. 416; 5) Webb-Hist. of Trade-Union., p. 50, Cunningham. Gr. of Engl. Industr. & com. 11. 663; 6) Hammonds-Skill. lab., p. 227; 7) J. H. C. vol. 44 & 45, cit. Held, p. 416; 8) Beaumont-Beggar's Compl., 85; 9) Engels-Cond. of the work. class in Engl. p. 133; 10) Rep. Wool Manuf. 1806, cit. Held, p. 422; 11) Held, p. 694; 12) Held, p. 421; 13) Rep. Art. & Mach., pp. 99 & 152; 14) Ibid. p. 181; 15) Rep. Fr. work. knit, p. 7; 16) Rep. Art. & Mach. p. 461; 17) Held, p. 649; 18) Bland. Brown & Tawney, p. 573; 19) Ibid p. 575; 20) Rep. Fr. work-knit. p. 12; 21) Ibid; 22) Bland, Brown & Tawney, pp. 325-33; 23) Ibid pp. 622-4; 24) Lipson-Hist. of Engl. wool. ind, pp. 121-3; 25) Webb, p. 52; 26) Rep. Fr. work-knit, pp. 10-11; 27) Held, p. 439; 28) Rep. Fr. work-knit, pp. 11 sq; 29) Ibid; 30) Smith-Wealth of Nat. p. 64; 31) Bland, Brown & Tawney, pp. 652-4; 32) Ibid pp. 655-6; 33) Mantoux-Rev. industr. pp. 459-60; 34) Bland, Brown & Tawney, pp. 554-6; 35) Ibid p. 557; 36) Ibid pp. 555 sq; 37) Ibid pp. 561-6; 38) Hammonds-S. L. pp. 61-2; 39) Webb p. 54; 40) Rep. Art. & Mach.; 41) Bland, Brown & Tawney, pp. 568-9; 42) Hammonds-S. L. pp. 63-4; 43) Ibid. pp. 66-7; 44) Rep. Art. & Mach. p. 544; 45) Bland, Brown & Tawney pp. 570-1; 46) Ibid. p. 576.

II. РАБОЧИЕ СОЮЗЫ

Проснитесь, проснитесь, проснитесь..
Разбейтесь оковы и рвитесь, и рвитесь.

В могилах вам внемлют сыны и отцы,
Их кости в безмолвных гробах со-
дрогнутся,

Когда на погост голоса донесутся
Тех смелых, что рвутся на волю и
бьются.

Шелли.

Большинство рабочих убедилось, что ни закрепления старых законов об ученичестве, ни установления нормировки заработной платы от парламента и правительства добиться нельзя: все принятые меры не оправдали своего назначения. Тогда они начинают действовать иначе; возникают рабочие союзы, стремящиеся нередко силой принудить хозяев дать рабочим справедливую плату за труд. В некоторых отраслях промышленности образовались очень сильные союзы, способные диктовать свою волю предпринимателям. Таков, например, союз суконщиков в Йоркшире—Cropper's Society,—поддерживавший деятельную связь с союзом ворсильщиков сукна в Западной Англии и, повидимому, основанный в самом конце XVIII века. Это была крепкая организация, по типу своему похожая на современные тред-юнионы.

Как гласит «Отчет о шерстяной промышленности 1806 г.», «среди производителей шерсти в течение некоторого времени существовала ассоциация, состоявшая, главным образом, из суконщиков. В каждом из главных промышленных городов имелось, повидимому, общество, состоявшее из делегатов, избранных рабочими многочисленных предприятий, а из каждого городского общества выбирались один или несколько депутатов в так называемый центральный ко-

митет, который собирался по мере необходимости. Власть центрального комитета, повидимому, распространялась на всю организацию, и каждое решение или мера, им принятые, немедленно сообщались всем рабочим. Каждый рабочий, после того как становился членом общества, получал особую карточку или билет, на котором была выгравирована эмблема,—одна и та же на севере и западе Англии; предъявив свой билет, рабочий сразу показывал, что он принадлежит к обществу. Те же правила, повидимому, были в силе во всем округе, и есть полное основание думать, что ни один суконщик не мог заниматься своим ремеслом, если он отказывался подчиняться обязательствам и правилам общества. От каждого члена требовался еженедельно определенный взнос, больший или меньший, смотря по обстоятельствам; конечно, сумма, собранная таким путем, могла быть—да в действительности и была—очень значительной.. Повидимому, из этого фонда каждую неделю выдавалась сумма денег работникам тех мастерских, которые бастовали. Общество, охватывая только рабочих шерстяной промышленности такого большого округа, должно было сделаться, благодаря количеству своих членов и денежным ресурсам, очень могучей организацией, чем-то вроде конфедерации, влияние которой не ограничивалось одним шерстяным округом, но распространялось на различные части Англии и даже на Шотландию»¹⁾.

Как явствует из самого названия союза, основным ядром его были стригали сукна²⁾, наиболее квалифицированная и хорошо оплачиваемая группа рабочих. Вместе с тем они вели самую энергичную борьбу с предпринимателями. Власть и значение союза были настолько велики, что он смело терроризировал предпринимателей во всем округе³⁾. Он ставил себе следующие задачи: во-первых, борьбу за повышение заработной платы, во-вторых, надзор за повышением правил об ученичестве и борьбу с введением машин и фабрик⁴⁾. Таким образом, он объединял все важные вопросы, волновавшие рабочих. Нужно полагать, что союз вел усиленную агитацию среди рабочих (этим объясняются его размеры) и очень способствовал поднятию в них революционного духа. Этот союз был предшественником современного тред-юниона: хотя задачи и методы его борьбы принадлежали иной эпохе (поджоги фабрик, разрушение машин), но он являлся успешным организатором и стачек⁵⁾.

Не меньшее распространение получили союзы в среде чесальщиков шерсти. Один из таких чесальщиков шерсти рассказывает, «что из сотни рабочих нет ни одного, кто не входил бы в какое-нибудь общество». Союзы чесальщиков шерсти по характеру своему были обществами взаимопомощи, но это скорее являлось их официальной целью, на самом деле они ставили себе и другие задачи: они вмешивались в вопросы о заработной плате и учениках, и если члена союза выбрасывали с работы, то союз снабжал его деньгами, пока он опять не находил работу, чтобы принудить хозяев нанять его за недостатком других рук. Действительно, в таких случаях все остальные чесальщики тоже оставляли работу, пока предприниматель снова не принимал уволенного, «и ни один чесальщик шерсти, многозначительно добавляет далее наш автор, не будет работать, если кто-либо из членов союза не доволен предпринимателем»⁶). Союз не ограничивался только стачками,—чесальщики часто нападали на фабрики, портили фабрики и ломали машины⁷). «И такова была сила союза, что хозяева находились совершенно в руках своих рабочих и должны были платить заработную плату, какую бы только те ни пожелали»⁸).

Не менее энергичную деятельность развивал третий большой союз—вязальщиков, основанный в 1778 г. после описанной уже неудачи парламентской петиции рабочих. Целью его было не только оказывать материальную поддержку своим членам, бороться за повышение заработной платы и восстановление старых законов (государственное нормирование заработной платы, закон об учениках), но и отстаивать их интересы силой; во время волнений 1779 г. ломались вязальные станки, портились материалы⁹).

Хлопчатобумажные рабочие с 50-х гг. XVIII века тоже начали самым энергичным образом организовываться. «15 февраля 1754 г. в Манчестере—писал очевидец—было арестовано неизвестное лицо, призывавшее ткачей записываться в рабочий союз, а через несколько лет (в 1759 г.) из Манчестера отправили на суд в Ланкастер больше 20 человек ткачей, обвинявшихся в участии в незаконном объединении». В Ольдгеме, Пэсли и других городах Англии и Шотландии к началу 60-х гг. существовали рабочие клубы и союзы. «Члены их собирались обычно каждую субботу в таверне и там за кружкой пива, покуривая трубки, обсуждали поло-

жение своего ремесла и свои разногласия с хозяевами». К 1800—1801 гг. в одном Ланкашире насчитывалось 820 союзов ¹⁰⁾, «а в течение первого десятилетия XIX века, по словам одного рабочего, ткачи-хлопчатобумажники создали могучую организацию, охватывавшую графства Ланкашир, Кумберленд, Ланарк, Ренфрю, Эйршир, Стерлинг и север Ирландии». Все эти союзы боролись за установление «справедливой» заработной платы и соблюдение старых ремесленных законов ¹¹⁾.

Рабочие организации среди прядильщиков возникли значительно позже, в 90-х гг. XVIII века, когда прядильное дело сделалось окончательно самостоятельной отраслью производства. Почин положили прядильщики г. Стокпорта в Ланкашире: они образовали в 1792 г. так называемый «Юнион» (союз) ¹²⁾. Через 3—4 года объединились рабочие Манчестера и Ольдгема, а затем и других городов; позже всего образовались рабочие союзы в Шотландии—только в начале XIX века. Союзы прядильщиков поддерживали своих членов во время безработицы, руководили стачками, добились повышения заработной платы и зорко следили за соблюдением правил об ученичестве. Прядильщикам принадлежала честь создания первого большого рабочего союза в хлопчатобумажной промышленности: когда в 1810 г. вспыхнула забастовка в Манчестерском округе, к ней примкнули почти все союзы Ланкашира, создали большой стачечный фонд (1000—1500 ф. ст.), а для руководства забастовкой выбрали комитет (генеральный конгресс), куда входили делегаты от каждого союза. Бастовавшие рабочие не раз посылали угрожающие письма предпринимателям и, нужно полагать, ломали машины и портили материалы ¹³⁾. Таким образом, рабочие союзы, как показывают приведенные примеры, мало чем отличались друг от друга и по роду деятельности и по методам борьбы, но, что всего важнее,—эти союзы сделались большой силой в руках рабочих и представляли большую опасность для предпринимателей.

Такое положение вещей казалось настоящей революцией для предпринимателей, по мысли которых рабочий должен был повиноваться своему хозяину, как повиновался бы государству ¹⁴⁾. Как политическая опасность, рабочее движение представлялось вредоносным со времени Великой французской революции, как экономическая опасность—оно представ-

лялось еще более вредоносным для того века, который считал, что предприниматель был лучшим судьей во всех вопросах, касавшихся условий развития промышленности. Эксцессы, сопровождавшие борьбу рабочих против предпринимателей, внушали страх и раздражали земельных собственников, чьим девизом являлись «субординация и повиновение властям»; эти эксцессы казались им настоящей революцией, и они и предприниматели объединились вместе для искоренения столь зловердного настроения.

Результатом этого были знаменитые «законы против коалиций» 1799 и 1800 гг. В некоторых отношениях они надолго определили всю рабочую политику правящих классов в Англии и придали специфический характер рабочему движению. Что же предписывалось этими законами? «Все контракты, договоры и соглашения—гласил акт 1799 г.—в письменной или иной форме, заключаемые подмастерьями или другими рабочими или лицами в этом королевстве, для получения заработной платы своей или кого-либо из них, или для уменьшения или изменения их обычных часов или времени, или для уменьшения числа рабочих, или с целью препятствовать кому-либо, какой бы то ни было работе, каковы бы ни были намерения этих лиц, провозглашаются незаконными и без всякого действия». Объявив преступной всякую попытку рабочих отстаивать лучшие условия существования для себя, акт давал возможность моментально прекратить подобные стремления. «Рабочие, выполняющие такие соглашения или пытающиеся помешать другим наниматься на работу или принуждающие кого-либо оставить работу, лица, посещающие митинги или убеждающие других посещать митинг для упомянутых целей,—повинны трем месяцам заключения в общественной тюрьме или двум месяцам заключения в исправительном доме»¹⁵). Вот содержание той части закона, которая касается рабочих союзов. В контексте его заметна особая заботливость при перечислении всех проступков, объявленных незаконными, заметна удивительная, я бы сказал, заботливая точность, как бы не пропустить какого-нибудь случая, как бы не дать рабочему возможности ускользнуть от наказания и преследования. Из содержания акта мы можем познакомиться со всеми формами рабочего движения. Сам об этом не помышляя, он дает

нечто вроде руководства по тактике и стратегии рабочего дела, (курьезный факт!).

Самой страшной стороной закона о коалициях был пункт о наказаниях для виновных. Мы уже знаем, что рабочие, участвовавшие в союзах или агитировавшие в их пользу, подвергались тюремному заключению или принудительным работам; помимо того, «всякое лицо, рабочий или кто-либо другой, участвовавший материально (деньгами) в нарушении акта, оштрафовывался на 10 фунтов стерлингов» (для рабочих очень большая сумма), иными словами, рабочих лишали всякой помощи от товарищей или доброжелателей. В руки предпринимателей было дано могучее средство для подавления всех выступлений против их авторитета: стоило лишь рабочим заикнуться о прибавке заработной платы, и хозяева могли обвинить их в незаконном объединении. Для оправдания рабочие должны были представить двух поручителей с обеспечением в 25 ф. ст. и только тогда они могли апеллировать в совет мировых судей на облыжность обвинения. Конечно, у рабочих такой суммы никогда не бывало, и найти поручителей им было невозможно. Наконец,—окончательная гарантия для успокоения предпринимателей,—нарушители акта о коалициях судились лишь одним магистратом, т. е. бесконтрольно*).

Драконовские меры закона 1799 г. вызвали взрыв негодования у рабочих. Еще до его утверждения они пытались протестовать, но билль так быстро превратился в закон**), что все протесты остались втуне. По опубликовании закона в парламент градом посыпались петиции, в которых требовали его отмены. «Отныне, говорили рабочие, ни один рабочий не может вести с другим рабочим малейшей беседы о профессиональном вопросе, не подвергаясь опасности судебного преследования»¹⁶⁾. Этим законом, писали ньюкестльские рабочие, мы вынуждены обвинить самих себя, хотя до сих пор основной принцип права нашей страны гласил, что никто не может быть вынужден говорить против себя¹⁷⁾. Энергичное противодействие акту оказали ливерпульские

*) Судья ведь был капиталист или помещик. Между теми и другими существовала и родственная и экономическая связь, многие аграрии участвовали в крупных промышленных предприятиях, а родственные связи заключались еще с XVII века.

**) Акт был проведен под шумок во избежание протеста рабочих.

корабельные плотники, являвшиеся свободными гражданами и парламентскими избирателями: через своих представителей в палате общин им удалось добиться пересмотра закона и некоторого изменения его ¹⁸). Несмотря на горячую речь Шеридана, настаивавшего на отмене закона, палата провела акт немногим лучше прежнего.

Так же, как и в предыдущем законе, «все соглашения, заключаемые в целях повышения платы, уменьшения времени работы и изменения количества работы, теряют силу», а все лица, виновные в этом, караются тремя месяцами тюрьмы или двумя месяцами принудительных работ, по усмотрению судей ¹⁹). Уступая настояниям оппозиции, прежнее бесконтрольное решение дела одним магистратом передается теперь нескольким судьям. Столь же мало были изменены и следующие пункты. Так, третий пункт, запрещающий участие в союзах, карал за взносы денег в пользу безработных, отказ работать на месте уволенного, или снятие с работы во время стачки—все эти действия, однако, наказуемы лишь в том случае, если совершены «добровольно и злонамеренно». Это дополнение имело некоторое значение для рабочих, поскольку теперь требовалось доказать сознательность совершенного проступка; акт 1799 г. обвинял всех огулом.

Но дальнейшие пункты остались почти без изменения: несколько уточнялся пункт VI, по которому все денежные фонды рабочих союзов конфискуются, и прибавлялся пункт, воспрещающий соглашение хозяев для снижения заработной платы или изменения времени или количества работы под угрозой пени в 20 ф. ст.

Кроме того, в законе 1800 г. имеется еще важный пункт: он устанавливает третейское разрешение всех спорных вопросов, связанных с заработной платой и выполнением работы. «В таких случаях, говорится в акте, каждая сторона может выбрать арбитра из своей среды (в течение двух дней), каковые арбитры уполномачиваются допрашивать свидетелей и тяжущиеся стороны под присягой и разрешить дело. В случае несогласия между арбитрами недовольная сторона может передать дело на рассмотрение мирового судьи». Следует упомянуть, что как в этом случае, так и при осуждении за нарушение предписания всего закона, мировые судьи, участвовавшие в промышленности, лишались права вести дело ²⁰).

Вот, вкратце содержание закона. Он мало чем отличается от первого, рабочие интересы им точно так же игнорируются. Любимая затея мистера Питта (третейские суды) была проведена и распространена на все отрасли производства, но мы знаем, что от нее выиграли рабочие. В остальном акт самым явным образом сковывал рабочее движение по рукам и ногам. Даже пункт, направленный против хозяев, не скрывал благожелательного к ним отношения: за участие в объединениях предприниматели облагались штрафом только в 20 ф. ст., что, конечно, им нетрудно было заплатить; в то же время рабочие за простое участие в митинге подвергались тюремному заключению или в лучшем случае двухмесячным принудительным работам.

Фонды рабочих объединений, согласно пункту VI, конфискуются, а о фондах объединений хозяев не говорится ни слова. Хозяева могли рисковать очень немногим (каким-нибудь 20 ф. ст.), рабочие же с потерей своих денег теряли всякую надежду на улучшение существования: нельзя было нанять адвоката, помочь товарищам во время голода или болезни; нельзя даже было подать петиции, ибо это требовало больших расходов. Словом, у них отнималось последнее орудие борьбы. По значению своему пункт VI, по нашему мнению,—самый важный во всем акте. Далее, объединения хозяев с целью снижения заработной платы или увеличения рабочего дня карались штрафом в 20 ф. ст., но для этого требовались улики. Представить эти улики могли, конечно, только рабочие и, несомненно, без успеха, так как хозяева всегда имели возможность заявить, что указанные рабочие—это злостное объединение для повышения платы, и тем самым всякая жалоба на хозяев оставалась без последствий; дело же рабочих принимало самый невыгодный для них оборот: хозяева обвиняли их в нарушении постановлений акта, и в результате получалась тюрьма или исправительный дом для первых и полная безнаказанность для других. Тенденциозность акта 1800 г., особенно сказавшаяся в пункте о коалициях предпринимателей, влекла за собой явное противоречие, больно отразившееся на рабочих. Не зная учения Маркса, английские правящие классы являлись очень хорошими диалектиками. У рабочих оставалось два выхода: или окончательно подчиниться предпринимателям, или уйти в подполье; нормальная и легальная профсоюзная работа с изданием акта лишалась

всякого права на существование. Классовое законодательство правительства «эпохи революционных войн» *) в Англии особенно ярко выразилось в законах о коалициях—промышленная буржуазия еще раз доказала свое политическое значение и мощь.

Дальнейшее действие этого законодательства представляет неисчерпаемый перечень страданий, эксплуатации и унижения рабочего класса. Когда в 1824 г. был создан комитет по отмене законов о рабочих коалициях,—Комитет о ремесленниках и машинах,—то обнаружилась масса злоупотреблений со стороны буржуазии, поставившей рабочих в самые невыносимые условия; отчет этого комитета представляет лучший источник по этому вопросу. Мы говорили, что проведение актов о коалициях вызвало единодушный протест со стороны рабочих,—посмотрим, насколько оправдались их опасения.

Вот что говорит по этому поводу запрошенный комитетом Т. Р. Мальтус, отнюдь не принадлежавший к числу друзей рабочего класса. «Каково ваше мнение относительно действующих законов (т. е. о коалициях)?» «Они,—отвечает Мальтус,—явным образом несправедливы и должны быть отменены». Далее он поясняет свое мнение: «они мне кажутся несправедливыми, так как предприниматели могут объединяться, не опасаясь наказания, а рабочие в этом случае крайне сурово наказываются». «Как же так,—недоуменно вопрошает комитет,—ведь законы должны быть равны для всех?» «Они должны быть,—говорит снова Мальтус,—но в данном случае не являются таковыми; если бы эти законы были отменены, я думаю, что отношения между хозяевами и рабочими стали бы лучше» ²¹). Мальтус старается рассуждать совершенно беспристрастно, ибо немного ниже он указывает, что все же необходимо положить предел таким проступкам рабочих, как запугивание и т. п. меры борьбы со снижением цен; «рабочих следует наказывать», повторяет он. Тем не менее, окончательное его мнение сводится к тому, что «отношения рабочих и хозяев должны быть предоставлены самим себе».

*) Период 1792—1815 гг., когда вся европейская реакция ополчилась против революционной французской буржуазии. В этом «походе» Англия играла особенно активную роль, помогая всеми мерами задушить молодую французскую свободу.

Несмотря на то, что законы о коалициях вызвали невероятное порабощение рабочих, их результатом было совершенно противоположное явление, именно: обострение классовых противоречий и ненависти. Все свидетели, выступившие перед Комитетом о ремесленниках и машинах, единогласно указывают на это: например, Френсис Плейс определенно утверждает, что «единственным действием законов о коалициях было обострение отношений между хозяевами и рабочими»²²).

Развитие классовых противоречий усилило и классовую вражду. «Я определенно убежден,—говорит Дж. Мартино,—что, вопреки ожиданию, эти законы порождают диаметрально противоположные последствия: в действительности они создают рост союзов среди рабочих»²³). Репрессии не сломили рабочих, несмотря на все препятствия, союзы продолжали работать и достигали значительных размеров²⁴). Вместе с этим боевая работа рабочих союзов расширяется, количество стачек растет. Представители от рабочих из самых разных мест Англии, выступавшие перед Комитетом о ремесленниках и машинах, обязательно упоминают о стачках в своем округе, а выражения «участвовали ли вы в стачке?» или «были ли у вас стачки и как часто?»—являются чуть ли не постоянными вопросами комитета. В этих случаях законы о коалициях действительно приходят на выручку хозяевам,—с их помощью они самым жестоким образом подавляют малейшее сопротивление среди рабочих; страницы «отчетов о ремесленниках и машинах» буквально пестрят случаями беспощадной расправы, принимающей иногда форму издевательства».

В Лестере в апреле или мае 1821 г. рабочие-вязальщики несколько раз обращались к предпринимателям с просьбой повысить заработную плату; эти последние предложили совместно договориться о размерах прибавки, но дело ограничилось лишь словами, так как предприниматели в дальнейшем все время уклонялись от каких-либо определенных действий в этом направлении. Тогда рабочие образовали союз и прекратили работу; предприниматели возбудили против них преследование по закону о коалициях, рабочих арестовали и отправили в тюрьму. Они апеллировали к совету мировых судей и добились освобождения на поруки до следующего заседания совета, когда их снова арестовали и судили; после

долгих проволочек адвокату удалось возбудить протест против суда на основании невыполнения какой-то формальности; судья потребовал времени для рассмотрения. Лишь после этого рабочих снова привели в суд, дело разобрали и кассировали приговор. Итак, ценою долгих мытарств и глумлений рабочие добились оправдания; суд, однако, уменьшил значение приговора, заставив рабочих уплатить судебные издержки²⁵). После долгих физических и нравственных страданий рабочие избавились в конце концов от тюрьмы, но оказались с пустым кошельком. Это еще редкий пример сравнительно благополучного разрешения дела. Нужно полагать, что этому способствовала, повидимому, сплоченная организация (судебные издержки были выплачены, например, из пожертвований). Обычно же борьба кончалась неудачей. В 1810 г. в Ноттингемшире предприниматели снизили заработную плату на $\frac{1}{12}$ и предложили рабочим только тогда оставить старую плату, если они согласятся получать плату не сдельно, а по денно. Рабочие отказались и объявили стачку. Политические условия в то время были тяжелые: действовала континентальная система *) и торговля Англии была блокирована; экономическая депрессия заставила рабочих согласиться на предложения хозяев и приняться снова за работу. Этим, однако, дело не ограничилось: предприниматели обвинили рабочих в нарушении предписаний законов о коалициях, вследствие чего суд приговорил их к тюремному заключению на один месяц²⁶). Несколько позднее в Лестершире произошел подобный случай: «хозяева решили снизить заработную плату с 2 шилл. 3 пенсов до 2 шилл., рабочие забастовали, зная, что снижение платы в одном предприятии вызовет повсеместное ее снижение». Пользуясь законом о коалициях, хозяева отправили в тюрьму 4 или 5 наиболее активных рабочих²⁷). В некоторых случаях наказания для рабочих были особенно суровы: «в Лондоне после стачки рабочих-плотников трех человек приговорили к месячному заключению, а двух—к годичному (двенадцать месяцев)»²⁸). Иногда встречались примеры настоящего коварства со стороны предпринимателей. «Так, в Ковентри хозяева и рабочие уговорились о регламен-

*) Последняя попытка Наполеона I сокрушить экономическое могущество английской буржуазии, закрыв для ввоза ее товаров все порты и гавани на европейском континенте. Указ о блокаде был издан 21 ноября 1806 г.

тации заработной платы и установили определенный минимум ее: через два года секретарь и казначей фонда, составленного для защиты этого минимума, в который внесли деньги также и хозяева, были оштрафованы на 50 фунтов стерлингов, как нарушившие правила законов о коалиции»²⁹).

Несмотря на репрессии, рабочие союзы все же продолжают существовать, вести борьбу, и законы не могли помешать им в этом. В Шеффилде рабочие особенно подвергались преследованиям и тем не менее там существовало 15 союзов, объединявших различные профессии³⁰), в Шотландии, в г. Глазго, имелась сильная рабочая организация, завязавшая сношения и с другими городами³¹), такие же большие объединения были в Ноттингеме³²), Лондоне, Дублине³³) и других местах. Можно смело сказать, что почти в каждом городе рабочие объединялись в союзы, существовавшие более или менее продолжительное время. Они были наиболее распространены и активны среди рабочих, получавших высокую заработную плату. Спрошенные комитетом, в каких случаях объединения наиболее часты и активны, когда рабочие получают высокую или низкую плату, свидетели, хлопчатобумажные фабриканты, ответили: «тогда, когда заработная плата высока»³⁴). Замечание это бросает свет на рабочее движение того времени: самыми стойкими были квалифицированные рабочие, получавшие хорошую заработную плату; они могли, несомненно, легче собрать денежный фонд, чувство солидарности развито у них было лучше, поскольку не подтачивалось тяжелым экономическим положением. Действительно, мы видим, что борьбу ведут наиболее старые союзы квалифицированных рабочих, как суконщики, вязальщики, корабельные строители—это красной нитью проходит через все материалы комитета.

Борьба с предпринимателями велась не всегда мирным способом; свидетели рассказывают о покушениях на мастеров, поломке машин и угрозах поджога фабрик³⁵).

Не менее важный материал дают нам отчеты комитета для характеристики отношений правительства к предпринимателям. Мы отмечали уже выше, что всегда, в особенности с развитием промышленности, т. е. с конца XVIII века, оно было недоброжелательным; свидетельские показания это ярко подчеркивают. С горечью говорят рабочие, что законы пристрастны, и все острие их направлено против «людей» («men»), как

называются они в отчетах. «По нашему мнению, говорит один рабочий, эти законы притеснительны, несправедливы и пристрастны. Мы по опыту знаем, что эти законы употребляются только против рабочих и никогда или очень редко против предпринимателей, ибо разве может, поясняет он далее, закон раскрыть объединение хозяев, когда их объединения создаются в частном помещении, среди немногих лиц. Этим лицам нечего бояться доносов, так как их не угнетает ни нужда, ни бедность семьи»³⁶). Другой рабочий заявляет: «мы не можем преследовать хозяев за нарушение законов о коалициях индивидуально, а если мы объединимся для этого, то хозяева обратят закон против нас»³⁷).

Пример неудачного преследования объединения предпринимателей мы имеем в попытке Гревенора Хенсона, вождя вязальщиков. «Весною 1811 г., рассказывает он, предприниматели Ноттингема объединились с целью понижения заработной платы. Так как она была и без того уже низка, рабочие начали волноваться. Чтобы предупредить возникающие беспорядки, я отправился к мировому судье с жалобой на нарушение законов о коалициях предпринимателями». Эти последние без стеснения опубликовали резолюции своего комитета, почему Хенсону было легко представить доказательства. «Итак, рассказывает он дальше, я отправился к магистратам в городскую ратушу; они сказали мне, что у меня нет достаточных доказательств, тогда я представил газеты и предложил вызвать типографщика». Власти ответили, что лучше ему не продолжать дела. Хенсон, однако, отправился к городскому клерку, но этот отказался выдать ему право на арест, так как Хенсон не мог назвать прихода, где собирався комитет предпринимателей³⁸). Дело кончилось ничем, выявив пристрастие городских властей и явное потакательство действиям хозяев. И такие случаи, в более или менее открытой форме наблюдались чуть ли не повсеместно³⁹); против предпринимателей же репрессии ни разу не применялись. Главным следствием этого, по единодушному признанию всех свидетелей перед комитетом, явилось всеобщее понижение заработной платы рабочих. Выразителем этого мнения может служить резолюция рабочих-суконщиков Саддльурса⁴⁰). «По мнению настоящего митинга, гласит она,

*) К резолюции присоединились рабочие Аштона под Лайном и Лонгдон-Дея.

законы о коалициях представляют великий ущерб и обиду для трудящихся классов, поскольку следствием их является снижение платы за труд»⁴⁰⁾. Большой знаток вопроса, Френсис Плэйс*) также заявил, что эти законы делают заработную плату ниже, чем она могла бы быть⁴¹⁾.

Действие законов о коалициях подготовило почву для дальнейших классовых схваток; предприниматели для рабочих накануне отмены законов—тираны и враги. «Рабочие,—говорит Плэйс,—смотрят на своих предпринимателей, как на тиранов»⁴²⁾; «законы против объединений, заявляет представитель рабочих, возбуждают острые отношения между хозяевами и рабочими, поскольку они чувствуют над собой их тираническую власть»⁴³⁾. Как можно было видеть, цель рабочих союзов оставалась все время одной и той же: повышение заработной платы. Требование соблюдения правил об ученичестве, однако, звучит много слабее; вероятно, рабочие наглядно убедились в безнадежности их, как средства борьбы за повышение заработной платы. Правда, в 1813 г. **) агитация в этом смысле возобновилась, но она, по нашему мнению, объясняется нежеланием потерять лишний козырь в борьбе с предпринимателями и фабрикой, которым иногда все же можно было воспользоваться. В то же время террор правящих классов сделал рабочие союзы более осторожными: деятельность их приняла теперь до некоторой степени заговорщический характер,—для обсуждения своих дел они собирались в глухих и укроенных местах, переодетые и замаскированные; резолюции и постановления этих собраний держались втайне, а чтобы обезопасить себя от доноса и провокации прием новых членов обставлялся особыми таинственными церемониями; от каждого вновь вступавшего требовали торжественную клятву под страхом смерти не выдавать секретов общества или своих товарищей⁴⁴⁾.

Кроме того, нужно отметить, что обращение к правительству за повышением заработной платы становится, как

*) Френсис Плэйс (1771—1854)—английский рабочий деятель, играл крупную роль в отмене законов о коалициях и проведении парламентской реформы 1832 г. По своим убеждениям буржуазный демократ и большой оппортунист: неоднократно старался смягчить революционные порывы английских рабочих. Оставил после себя богатейшую коллекцию материалов по истории рабочего движения.

**) В 1813 г. законы об ученичестве были окончательно отменены.

мы уже отмечали, все реже и реже: рабочие теперь вступают непосредственно в переговоры с предпринимателями и стараются силой вырвать желаемые условия. От обороны они переходят все чаще в наступление.

Однако, драконовское законодательство английского правительства в значительной мере ослабляло силу рабочих союзов; их действия были большей частью разрозненными и мало связанными между собою, что позволяло господствующим классам без особого труда подавлять все выступления против их власти.

Промышленный капитализм и фабричная система еще недостаточно развились и домашнее производство еще продолжало господствовать в ряде важнейших отраслей промышленности,—естественно, что в таких условиях пролетариат, как таковой, не мог определиться.

Эти как политические, так и экономические обстоятельства принесли много разочарования участникам рабочего движения: некоторые из них, вроде упоминавшегося выше Ричарда Нидема⁴⁵⁾, довольствовались ничтожной подачкой и примирялись со своим положением, остальные отказались от старых способов борьбы и решили вести ее по новому. Эта новая борьба нашла свое выражение в политической агитации за реформу, с одной стороны, и в разрушении машин,—с другой. По последнему пути пошли многочисленные рабочие текстильной промышленности, в тех отраслях ее, где сохранилось еще домашнее производство—в промышленности трикотажной, суконной и хлопчатобумажной. Внутреннее положение этих последних мы и рассмотрим сейчас, так как только тогда ясно поймем причины и характер движения против машин.

Примечания: 1) Lipson pp. 125 sq; 2) Ibid; 3) Held, p. 425, 4) Lipson., p. 126; 5) Ibid., p. 127; 6) Bland, Brown & Tawney, p. 626; 7) Lipson., p. 124; 8) Ibid., p. 123; 9) Webb, p. 50; Rep. Fr. work-knit, p. 80; 10) Chapman, pp. 180-2; 11) Rep. Art. & Mach, pp. 60, 62, A. Richmond's evid; 12) Ibid., p. 409, Worsley's evid; 13) Ibid., pp. 573-4, Frost's evid; 14) Hammonds-T. L. p. 113; 15) Bland, Brown & Tawney, p. 626; 16) Mantoux, p. 469; 17) Hammonds-T. L. p. 122; 18) Webb, p. 65; 19) Bland, Brown & Tawney, p. 627; 20) Ibid., pp. 627-31; 21) Rep. Art. & Mach. p. 601, Malthus, evid; 22) Ibid., p. 45, Place's evid; p. 601 Malthus' evid; p. 52 R. Taylor's evid; p. 565, J. Stuart's evid; 23) Ibid., p. 11, Martineau's evid; 24) Ibid., p. 601, Malthus' evid; 25) Ibid., pp. 271-2, B. Taylor's evid; 26) Ibid., pp. 279-80, Gr. Henson's evid; 27) Ibid., p. 262, Th. Raulet, J. Thorne & W. Brown's evid; 28) Ibid., p. 170, J. Crowhurst's

vied; 29) Ibid., p. 603. P. Gregory & G. James' evid; 30) Ibid., p. 401, J. Adams' & others' evid; 31) Ibid., p. 64, A. Richmond's evid; 32) Ibid. pp. 279-82, Gr. Henson's evid; 33) Ibid., W. Hall's evid; 34) Ibid., pp. 555-62, W. Bolling, J. Jones, Th. Ridgeway's evid; 35) Ibid., pp. 350-5, W. Strat-
tam & J. Topham's evid; Gr. Henson's evid, p. 282; 36) Ibid., p. 356, W. Longson's evid; 37) Ibid., pp. 280-1, Gr. Henson's evid; 38) Ibid.; 39) Ibid., p. 12, Martineau's evid; 40) Ibid., p. 386, J. Ramsden's evid; 41) Ibid., p. 45, Place's evid; 42) Ibid.; 43) Ibid., p. 565, J. Stuart's evid; 44) Webb, p. 79; Rep. Art. & Mach. p. 460, W. Hall's evid; p. 480, H. Houldworth's evid; N. Edwards-Indust. Rev. in Wales, pp. 89-90; 45) Rep. Art. & Mach., p. 544.

III. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ТРИКОТАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Большинство писателей, исследовавших историю промышленности в Англии, в качестве примера наиболее быстрого распространения машинизма ссылаются на хлопчатобумажное производство, в качестве образца пролетаризации ремесленников—на шерстяное. Существует, однако, еще одна область текстильной индустрии, где и то и другое явление наблюдается в не менее яркой, а, может быть, и в более типичной форме,—мы имеем в виду трикотажную промышленность. Уже с конца XVI века там начинается процесс, без всякого сомнения, направлявшийся в сторону все большей механизации. Согласно официальным данным отчета о рамочных вязальщиках, начиная с 1589 г., поток самостоятельных изобретений и всевозможных улучшений непрерывно продолжался, достигнув наибольшей высоты в период с 50-х гг. XVIII века и до второго десятилетия XIX века¹⁾. По нашим подсчетам, за указанное время было сделано до 100 изобретений, причем в промежуток между 1758 и 1811 гг. количество их превышало 80. Если задаться мыслью установить хронологическую дату наступления промышленной революции в применении к трикотажному производству, то наши цифры указывают ее с почти неопровержимой точностью, именно: начало второй половины XVIII века. История ее развития настолько интересна и притом так мало освещена, что на ней следует подробнее остановиться.

Вязальное дело в Англии в XVI веке находилось на очень низком уровне, лишь около 1564 г. из Испании было заимствовано искусство вязать посредством спиц²⁾. Первым толчком к дальнейшим усовершенствованиям явилось изобретение Вильямом Ли, священником из Ноттингема, в 1589 г. чулочновязального станка. Цитируемый отчет о рамочных

вязальщиках приводит почти легендарный рассказ об условиях этого изобретения. По его словам, Ли побудила к изобретательству неудачная любовь: во время посещений любимой женщины последняя обращала больше внимания на свое вязанье, чем на признания Ли. Взмешенный он поклялся придумать машину, которая сделает ее работу ненужной. Повидимому, дело обстояло не так романтично: скорее можно предположить, что сам Ли был причастен к трикотажному производству, насущные нужды которого внушили ему мысль о новых способах работы. Действительно, из одной брошюры XVIII века мы узнаем, что Ли не приступил к делу новичком; он долго изучал трикотажное производство в Англии, а затем во Франции ³). Сперва машина Ли была встречена доброжелательно, но в конце концов его постигла судьба, общая для всех изобретателей в ту эпоху: в патенте ему отказали, и он вынужден был эмигрировать.

Прошло около 20 лет, прежде чем его брат, взявший в свои руки все дела после смерти Ли, вернулся в Англию. Однако, он оставил производство и по приезде продал его некоему Миду, уроженцу Лондона ⁴). Этим самым в Лондоне установился центр промышленности, которая настолько хорошо развивалась, что уже в середине XVII века во всей Англии насчитывалось 660 станков; из коих 400 в одном Лондоне ⁵). Быстрый рост производства позволил владельцам станков объединиться в компанию, получившую в начале царствования Карла II, в 1663 г., все привилегии корпорации и хартию. Сэр Джозайя Чайльд в своем «Рассуждении о торговле», вышедшем в 1670 г., уже рассказывает, что шелковые чулки вывозились в Италию и другие страны в обширных размерах ⁶).

Какие изменения внесла машина Ли в вязальное производство, мы узнаем из петиции, поданной Карлу II. «Вязальный станок состоял более чем из 200 частей, сделанных кузнецом, столяром и токарем; количество спиц доходило до 100, каждая действовала одновременно, и помещались они на стальной раме» ⁷).

Другим достоинством изобретения Ли было то, что стежки производились его машиной — один за другим по всему ряду ⁸). Однако, станок имел один недостаток — рычажки, толкавшие спицы, были без свинцового грузила, это дополнение внес Астон в 1620 г. ⁹). Дальнейшие улучшения ка-

сались увеличения быстроты действия спиц и изящества выделки продукции. С 1740 г. Стретт, впоследствии компаньон Аркрайта, начал работать над дальнейшим усовершенствованием станка Ли и в 1758 г. взял патент на так называемую «rib machine». «Собственно говоря, это не было новым изобретением, а лишь добавлением к аппарату Ли, но, благодаря Стретту, станок мог теперь производить более эластичный материал и в одно время сработать пару чулок»^{*)}. В этом реформированном виде вязальный станок употребляется и сейчас, хотя приводится в движение механической силой. Последующие изобретения в трикотажной промышленности имели дело с производством кружев. Здесь нужно отметить приспособления, сделанные Робертом Фростом и Холмсом в 1777 г.; благодаря им чулочновязальный станок мог теперь выделять кружева. Их дело продолжал в 1778 г. Джон Линдли. Наконец, в 1808 г. Джоном Хискотом была изобретена bobbin-net машина. Она упростила производство и сделала его массовым.

Среди изобретателей трикотажной промышленности особенно выделяется фигура Джона Линдли, мало известного широкой публике, между тем как это был неутомимый и крупный изобретатель, деятельность которого была удивительно многосторонней. Немногим выше мы указывали, что он усовершенствовал дело Фроста и Холмса, добившихся производства кружев на чулочновязальном станке. Линдли изобрел так называемую point-net машину, соединил ее со станком Ли и добился более усовершенствованного производства кружев. Через несколько лет он заявил о себе изобретением приспособления для вязания плетеных кружев, а в самом конце XVIII века первый начал подготовительную работу для изобретения bobbin-net машины (1779). В начале XIX века он представляет модель машины, плетущей кружево в 12 дюймов ширины. Еще большей заслугой Линдли является изобретение ротаторной bobbin-net машины с тройным движением, при-

^{*)} Таково официальное мнение большинства ученых, например, Кенингема, Гельда, которые категорически называют Стретта единственным изобретателем этой машины. Лично мы склонны думать, что они заблуждаются; по нашему мнению, Стретт, подобно своему компаньону, воспользовался чужими трудами. В цитируемом отчете говорится, что на изобретение претендовало еще двое лиц: Ропер и Боумен; богатому Стретту, повидимому, удалось одолеть более слабых соперников.

водимой в действие силой пара, так что его с полным правом можно назвать пионером в деле применения механического двигателя в трикотажной промышленности, так как более раннее изобретение Хискота было очень несовершенно ¹⁰⁾. Подобных Линдли лиц можно назвать много; большинство их осталось неизвестными, многие, как обычно случалось, не воспользовались плодами своих изобретений и умерли в бедности в рабочем доме или в богадельне; этими печальными данными пестрит список изобретений, приведенный в отчете о рамочных вязальщиках. Однако, технический прогресс трикотажной промышленности шел гигантскими шагами вперед, способствуя быстрому подъему и расширению производства. В 1669 г. промышленность ограничивалась лишь несколькими графствами, причем львиная доля приходилась на Лондон. В конце XVIII и в первое десятилетие XIX века трикотажная промышленность имела в большей части Англии. Точно так же сильно увеличилось и количество станков—по грубому подсчету, в 50 раз (см. прилож. № I).

1812 г. завершал эпоху расцвета трикотажного производства; в дальнейшем рост его значительно слабее: за 1832 г. 33 тыс. станков, и только в 40-х гг., когда началось особенное развитие собственно-фабричной системы, происходит опять большой скачок *).

На ряду с территориальным распределением, шла специализация отдельных районов и расширялось разнообразие сырого материала. В 1669 г. $\frac{3}{5}$ всех станков выделяли шелковые товары, а с 1753 г. вводится и хлопчатобумажная пряжа **). В 1812 г. почти $\frac{1}{3}$ всех производимых продуктов составляли хлопчатобумажные изделия. К тому же времени в Ноттингеме сосредоточивается хлопчатобумажное производство, в Лестере—шерстяное, а в Дерби—шелковое ¹¹⁾.

*) До этого времени в трикотажной промышленности крупное механическое производство прививалось мало, господствовало все еще домашнее производство, и работа велась на дому у производителя.

**) Первая пара бумажных чулок была сделана в 1730 г. в Ноттингеме; рост населения в связи с процессом промышленности тоже увеличивается:

	1801 г.	1811 г.
Ноттингем	140.350	162.900
Дерби	161.142	185.487
Лестер	130.081	150.419

Расцвет трикотажной промышленности изменил и ее социальный облик. С 60-х гг. XVII века все трикотажное дело было объединено под контролем так называемой «компании рамочных вязальщиков». Однако, с успехами производства среди членов компании начинается экономическое расслоение и чем дальше, тем все более увеличивается. Совет компании обладал большими доходами и властью, постепенно входившая в него небольшая группа крупных торговцев и мастеров выделилась из общей массы рядовых членов компании и заняла монопольное положение. Их значение еще более упрочилось, когда повысили компанейский вступительный взнос: пышные празднества, постройка компанейского дома и другие траты ¹²⁾ сильно уменьшили доходы компании—увеличением членского взноса думали поправить материальные дела. В связи с этим обстоятельством новых членов принимали теперь только из среды состоятельных людей*), которые, естественно, поддерживали монополистические стремления совета. Конкурировать с богатыми трикотажниками мелким мастерам было трудно: они входили в долги, обращаясь за помощью к своим более богатым сочленам, попадали в материальную зависимость от них и вскоре переходили на положение пролетариев.

Основной причиной пролетаризации явилась арендная плата за вязальные станки. Большинство станков принадлежало небольшому числу лиц**), которые сдавали их в наем. Из отчета о рамочных вязальщиках мы узнаем, что люди, совершенно не причастные к производству,—булочники, мясники и т. п. занимались этим как профессией и получали большие доходы, делались членами корпорации трикотажников ¹³⁾, а непосредственные производители впадали в самую ужасающую бедность.

Не меньшую роль в этом процессе вероятно сыграл вопрос о снабжении сырьем. Первоначально вязальщики сами закупали сырье, материалы и сами же продавали на рынке изготавливаемые продукты. Приблизительно к концу XVII века богатые трикотажники захватили снабжение сырьем в свои руки, а вскоре, надо полагать, превратились и в скупщиков. Тем самым они получили возможность диктовать цены и

*) Погоня за средствами была так велика, что принимали людей, вовсе не связанных с производством.

**) Они стоили 5—7 ф. ст.

окончательно подчинили своему господству более бедных мастеров*). К началу XVIII века производство настолько расширилось, что стал ощущаться недостаток рабочих рук. Крупные предприниматели, несмотря на запрещение компанийских статуты, набирали сверх нормы учеников; особенное распространение этот порядок получил в средних графствах. Нарушение этих законов уменьшало доходы распорядительной компании**), благодаря чему произошел раскол, и трикотажники средних графств вышли из корпораций. Совет ее тщетно пытался восстановить свой авторитет после ряда неудачных процессов. Компания рамочных вязальщиков потеряла окончательно свою власть и распалась в 1753 г.***). Не связанные никакими юридическими обязательствами предприниматели превратились в настоящих капиталистов; рабочие же, как правило, были лишены и сырья и орудий производства. Насколько капиталистические отношения распространились в трикотажной промышленности, рисуют следующие факты: в 1750 г. в Ноттингеме 50 торговцев чулочными товарами владели вместе 1.200 вязальными станками, а через 20 лет некто Джемс Пильгрим из Лондона занимал 2 тыс. рабочих и работниц, большинство которых работало у себя на дому¹⁴⁾. Постепенное превращение торгового капиталиста в промышленного, так гениально нарисованное Марксом, нашло полное подтверждение на примере трикотажников.

Тем не менее, процесс этот протекал медленно. Производство еще оставалось домашним, и фабричных предприятий мы не видим до 40-х гг. XIX века. Рабочие, находясь в сильнейшей зависимости от предпринимателя, в конце XVIII и начале XIX века, так же как и в XVII веке, брали у него нужный для производства материал на дом и там же работали. Идиллическая картина жизни трикотажника в XVIII веке, нарисованная Фелькином¹⁵⁾, конечно, нуждается в больших поправках. На самом деле рабочие владели в полном смысле слова голодное существование—они получали самую

*) Вопрос этот в литературе совсем не выяснен (даже у Гаммондов); в источниках имеются лишь скудные сведения, поэтому наше заключение носит лишь гипотетический характер.

**) Последние лишились пошлин и штрафов за нарушение этих законов.

***) См. гл. I.

мизерную заработную плату и подвергались самой беззащитной эксплуатации со стороны капиталистов-предпринимателей: помимо упомянутой уже ранее аренды за станок, в трикотажном производстве процветали *truck* система и всякого рода обманы со стороны предпринимателей: обсчитывали при уплате жалованья, обмеривали при приемке изготовленного товара ¹⁶⁾. Сюда нужно прибавить также надувательство со стороны посредников (при найме станка) и так называемые издержки по мастерской, плату за установку и переноску станка, расходы по смазыванию станка, покупка спиц и (в зимнее время) свечей, а кроме того, оплата специальных помощников—мальчиков ¹⁷⁾. В общей сложности вычеты составляли приблизительно 30—40% всей заработной платы ¹⁸⁾ в то время, как арендная плата за станок колебалась между 8 пенс. и 3 шилл. 6 пен. ¹⁹⁾.

Если мы посмотрим теперь, какова заработная плата рабочего в то время, то можем смело сказать, что никто не жил так бедно в Англии, как трикотажники. К 1778 г. средний заработок его колебался между 7—8 шилл. в неделю; в следующем году он повысился до 8½—9½ шилл. Период с 1788 до 1810 г. в новейшей литературе считается наиболее благоприятным для рабочих: заработная плата достигала 13½ шилл. ²⁰⁾. Исходя из этих данных, можно было бы сказать, что положение трикотажников в начале XIX века улучшилось *).

Так ли это?

Прежде чем подробно остановиться на этом, проследим в кратких чертах все этапы борьбы рабочих-вязальщиков со своими предпринимателями. В первой главе мы указывали, как окончилась решительная борьба между ними: парламент стал на сторону хозяев, петиции рабочих и билль о регулировании заработной платы, внесенный ими, были отвергнуты. Возмущение обманутых рабочих выразилось в ряде беспорядков, охвативших все важнейшие центры промышленности. Беспорядки эти приняли форму поломки и разрушения вязальных станков, поджогов и нападений на жилища, особенно непопулярных фабрикантов; только вооруженная сила, вызванная городскими властями, прекратила волнения. Со своей стороны предприниматели тогда же торжественно

*) Нужно заметить, что в это время несколько сократился рабочий день: 12 или 13 часов вместо 15—16 до 1788 г.

обещали впредь устанавливать совместно с рабочими справедливый уровень заработной платы. В продолжение следующих 9 лет положение юставалось неопределенным *); только с 1788 г. хозяева совместно с рабочими начали составление расценок заработной платы. Это последнее с тех пор вошло в обиход и сделалось неременным условием в отношениях между хозяевами и рабочими. Не мало способствовала этой политике, по нашему мнению, сила рабочего союза рамочных вязальщиков, возникшего вскоре после подавления волнений 1779 г.²¹⁾ Наконец, можно предполагать, что происходили довольно часто случаи поломки или утаивания машин, хотя это и не носило массового характера мятежа 1779 г. Такие явления, очевидно, приносили немалый убыток предпринимателям,—недаром парламент в 1788 г. издал закон об охране чулочновязальных станков²²⁾. Отсюда видно, что предприниматели в договорном определении твердой нормы заработной платы видели средство покончить со всеми указанными неприятными для них фактами, против которых нельзя было бороться при помощи вооруженной силы, как во время массовых и открытых возмущений.

Начатые в связи с этим переговоры не сразу дали положительные результаты. По крайней мере через два года, т. е. в 1790 г. Ноттингем сделался вновь ареной выступления рабочих: «30 октября большие толпы собрались на улицах и разгромили машины и даже нападали на офицеров, командовавших вызванными городскими властями войсками. Насильственные действия толпы достигли таких размеров,—говорится в журнале того времени,—что войска вынуждены были открыть огонь, причем многих ранили, а 40 человек мятежников схватили и отправили в тюрьму. Беспорядки, несмотря на это, продолжались три дня»²³⁾. На открытое выступление рабочих толкнули, повидимому, скудная заработная плата и повышение цен на хлеб (предыдущий урожай был плохим)²⁴⁾. Принимал ли союз вязальщиков какое-либо

*) Скорее можно предположить, что оно был очень тяжелым, ср., наприм., Веббы—Тредьюнионизм. К сожалению, у нас не имеется документов в подтверждение их взглядов.

24) Цена пшеницы в 1789 г. 51 ш. 2 п. за квартал, в 1790 г.—54 ш. 9 п. Любопытно, что к этому же году относится упоминание о Неде Лудламе будущем мифическом короле Лудде (см. Beaumont, p.99).

участие в этих волнениях, неизвестно—ни один из использованных источников об этом не говорит.

Беспорядки в Ноттингеме повлияли на предпринимателей; этот урок не прошел для них даром. Теперь они не только уже на словах, но и на деле договариваются с представителями рабочих (вероятно, руководителями союза вязальщиков) о заработной плате и повышают ее уровень. Однако, нам думается, положение рабочих не на много улучшилось. «В течение ряда лет (до начала XIX столетия)—говорится в правительственном отчете—предложение рабочей силы в трикотажной промышленности превышало спрос на нее, и стоимость ее прогрессивно, если не постоянно, уменьшалась» ²⁴)... Почти одновременно, т. е. вскоре после подавления последнего возмущения рамочных вязальщиков, в хлебозаготовительной промышленности разразился вызванный войной кризис (1793 г.). Он не мог не ухудшить судьбы трикотажников, поскольку большая отрасль их производства получала в качестве сырого материала продукты прядильных фабрик. Война повлияла на стоимость съестных припасов—они дорожали с каждым годом, особенно хлеб.

Только в 1797 и в 1798 гг. цены упали, но зато в следующем году они снова поднялись, а еще через год, когда был исключительный неурожай ²⁵), поднялись даже вдвое. Номинальная заработная плата, как мы уже знаем, за это время мало изменилась, разница же между стоимостью продуктов за последние 60 лет была громадной: в среднем цены повысились в 4—6 раз ²⁶). Таким образом, положение рабочих скорее ухудшилось, чем улучшилось *).

Иначе сложились обстоятельства с началом XIX века. Беспорядки и разгромы вязальных рам научили предпринимателей многому, прежде всего необходимости мирных отношений с рабочими. Существовавшие расценки заработной платы были уже самым конкретным образом проведены в жизнь. Рабочие в это время обладали значительным моральным весом, главным образом, благодаря деятельности своего союза. Все та же война вырвала многих из его рядов, и

*) В упомянутой же книге Гаммонды между тем определенно говорят о периоде 1790—1800 гг., как о счастливой эре для рабочих. Чем объяснить это расхождение? Только тем, что Гаммонды были введены в заблуждение своими источниками,—в данном случае Фелькином, писателем далеко не беспристрастным.

предприниматели ощущали сильную потребность в рабочих руках. Хотя в других отраслях промышленности свирепствовали уже законы о коалициях, в трикотажном деле об их применении ничего не было слышно. Рабочие свободно собираются и, согласно указаниям своего союза, смело предъявляют требования своим предпринимателям ²⁷⁾. Таким образом, трикотажники представляли независимую, можно сказать, равноправную сторону во всех спорах с хозяевами о заработной плате. Соглашения, которых им удалось добиться от предпринимателей, устанавливали изменение заработной платы, согласно: 1) предмету работы, 2) ширине станков, на которых работали, и 3) длине произведенного фабриката ²⁸⁾. В 1805 г. эта нормировка заработной платы и скала ее были окончательно установлены и применены на практике. «Было ли в это время повышение или снижение заработной платы?»—спросил парламентский комитет одного из свидетелей, рамочного вязальщика. «По сравнению с прежним,—ответил он,—это был не подъем, а скорее изменение цен за работу, получали все же меньше» ²⁹⁾. Несмотря на, казалось бы, заботливо составленные расценки, рабочие остались недовольны ими. Цены на предметы потребления были не только высоки, но даже обнаруживали тенденцию к повышению.

Очевидно, заработная плата не поспевала за ростом цен на продукты, а явная жалоба, звучащая в только что приведенных словах рабочего, только подтверждает это сообщение.

Если рабочие и не жили в полном довольстве, то на юридическое положение свое они не могли пожаловаться, оно было лучше, чем в других производствах. Союз их работал без стеснения, они сами имели возможность собираться, беседовать по разным вопросам, как мы это видели, без всяких опасений.

Около 1810 г. обстоятельства изменились, однако, к худшему: отсутствие рабочих рук исчезло; относительно хорошие условия работы привлекли много рабочих из других производств ³⁰⁾, континентальная блокада и запретительная политика министерства Персевалья привели к новому кризису. «Иностранные порты на континенте—говорит лидер рабочих-вязальщиков—были для нас закрыты, благодаря блокаде, а вывоз, и без того стесненный политическими и

торговыми ограничениями, сильно сократился» ³¹). В результате этого цены упали, рабочие начали волноваться, а предприниматели обратились к крутым мерам воздействия. Тяжелое экономическое положение дало могучее орудие в руки предпринимателей, а применение законов о коалициях помогло им во всех столкновениях со своими рабочими одерживать над ними победу ³²). Из наиболее благожелательных условий рабочие попали под самую безжалостную эксплуатацию, и предприниматели и власти были единодушны в своем стремлении подавить всякое самостоятельное действие, всякую свободную инициативу рабочих. Последствия машинизма сказались для трикотажников настолько же отрицательными, как и для других рабочих. Промышленность развилась и расширилась, предприниматели наживали огромные состояния и множили свои доходы, торговые капиталисты превращались в промышленных; одни рабочие, за исключением небольшого промежутка времени в 10—15 лет, остались в бедственном положении.

Во всех выступлениях рамочных вязальщиков поломка и разрушение машин играли большую роль; поскольку арендная плата за станки представляла главный способ эксплуатации рабочих трикотажников, то разрушение машин являлось для них средством принудить своих хозяев выполнить их требования. Средство это имело тем больше значения, что вязальные станки представляли главную часть капитала предпринимателей; недаром, помимо поломки машин, рабочие часто утаивали эти машины ³³). Такой способ борьбы с хозяевами применялся не только рамочными вязальщиками, — мы находим его довольно часто у шахтеров Северной Англии в Нортемберленде и Дереме, а машинизм в горном деле, как мы знаем, не имел в то время никакого значения ³⁴). Внешне в трикотажной промышленности господствовала домашняя система производства; немудрено, что трикотажники мечтали избавиться от эксплуатации предпринимателей и вернуть себе прежнее самостоятельное положение. Арендная плата за станки являлась препятствием и для этого; возможно, что, разрушая вязальные станки, они думали сократить ее размеры, а может быть, даже и устранить совсем. Движение 1779 г., кажется нам, мало чем отличалось от последующих: оно все время оставалось на почве ремеслен-

ного производства; особенно яркий пример этому явило луд-
дитское движение.

Примечания: 1) Rep. Fr. work knit., pp. 21-24; 2) Letters on the utility of empl. machines, p. 20; 3) Ibid.; 4) Rep. Fr work knit., p. 4; 5) Ibid., p. 5; 6) Letters on utility, p. 20; 7) Rep. Fr. work knit., p. 4; 8) Hammonds-S. L., p. 221; 9) Report Fr. work knit., p. 3; 10) Ibid., pp. 22-23; 11) Porter, pp. 384, 395; 12) Report Fr. work knit., p. 7; 13) Ibid., p. 56; 14) Mantoux, p. 45; 15) Felkin-Hist. of hos. & lace, p. 118. cit. Hammonds-S. L., p. 222; 16) Rep. Fr. work knit. pp. 568-69; 17) Ibid., pp. 65-71; 18) Ibid., p. 74; 19) Ibid., p. 48; 20) Hammonds-S. L., p. 225; Mantoux., p. 440; Held, p. 486; 21) Rep. Fr. work knit., p. 5; 22) 28 George III c. 55, Held, p. 605; 23) An. Reg. 1790 p. 222; 24) Rep. Fr. work knit. p. 26; 25) Kenyon MSS: letter of Th. Erskine, p. 454; 26) Mantoux, p. 448; 27) Rep. Art. Mach. p. 269, B. Taylor's evidence; 28) Rep. Fr. work knit., p. 26; 29) Rep. Art. Mach., p. 269, Gr. Henson's evid.; 30) Rep. Fr. work knit., p. 26; 31) Rep. Art. Mach., p. 280; Gr. Henson's evid.; 32) Ibid., p. 363: R. Scott's evid.; 33) Beaumont, p. 99; 34) An. Reg. 1761, pp. 82-83; 1789, pp. 204-5.

IV. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В СУКОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Полоса изобретательства и применения механических способов производства, начавшаяся так рано в трикотажном деле, в суконной промышленности дает знать о себе несколько позже. Все производства в XVII и первой половине XVIII века, т. е. накануне промышленной революции, велись ручным способом, а несовершенства и дефекты применявшихся тогда орудий производства резко бросались в глаза современникам.

Вся техническая сторона суконной промышленности сводилась, по существу говоря, к пяти основным процессам: прядению, ткачеству, чесанию шерсти, валянию и отделке. Отсталость орудий производства зачастую служила тормозом для развития всего производства. В это время ткачи нередко ходили по деревням в поисках работы, отсутствие которой объяснялось своеобразными «ножницами»: пряжи, изготавливаемой для ткацкого производства, не хватало, в такой же степени в прядильном деле чувствовался и другой недостаток: неровная и слабая пряжа. В ткачестве точно так же было много препятствий, мешавших увеличению продукции. Ткацкий станок представлял настолько примитивный инструмент, что даже трудно было натянуть, как следует, основу, а громоздкие его размеры заставляли обыкновенно работать на нем на свежем воздухе, так как в помещении он с трудом устанавливался; при таких условиях перемена погоды создавала перебой в работе ¹⁾. На узком станке ткач выполнял всю работу один, при работе же на широком станке требовалось участие двух рабочих (второй передавал обратно челнок ²⁾)—еще новое неудобство: обилие рабочих рук при одном инструменте *).

*) Вспомним современную электрифицированную фабрику в Германии, где рабочий наблюдает почти за 40 машинами.

В другом случае оказывался недостаток рабочей силы. Мы рассказывали выше, в каком привилегированном положении находились стригали: хозяева часто совершенно зависели от их воли. Причиной этому являлась трудность изучения ремесла, мало способствовавшая, конечно, увеличению кадров рабочих и тем самым сокращавшая размер производства. Все эти обстоятельства не могли содействовать росту продукции, а если мы вспомним мелочную и детальную регламентацию в шерстяной промышленности, то нам станет вполне ясным, что для ее развития имелись немалые преграды. Между тем английская торговля в XVIII веке все более возрастала, вывоз сукон принимал большие размеры*) и с настоятельной необходимостью диктовал принять меры к улучшению и усовершенствованию способов производства.

Однако, не шерстяной промышленности досталась первая роль в будущей промышленной революции: требования отмены регламентации и устранения недостатков производства игнорировались суконщиками-мануфактуристами, монополизировавшими торговлю и нежелавшими лишиться своих доходов³⁾. Только расцвет хлопчатобумажной промышленности в связи с новыми изобретениями покачул почву под вековыми устоями регламентации и устарелой системы производства в шерстяной промышленности: последняя переняла многое от своего молодого соперника. Тем не менее не следует преуменьшать темп проникновения машинизма в суконное производство: ряд новых изобретений был введен именно здесь, как это доказывают самым убедительным образом новейшие исследования⁴⁾; а проводимые в дальнейшем цифры подтверждают это положение.

Мы не будем подробно останавливаться на всех изобретениях и перечислим только наиболее важные. Прежде всего здесь нужно назвать летучий челнок Кея, изобретенный в 1735 г., прядку Джени Харгривса (1765 г.), ватерную машину Аркрайта (1768 г.) и мюль—машину Кромптона (1776 г.). Кроме того следует упомянуть изобретение ткацкого станка и чесальной машины Картрайтом (1790 г.) и

*) Так, например, в Западном Йоркшире в 1740 г. производилось 100 тыс. кусков сукна, в 1750—около 150 тыс., а в 1770—178 тыс.

введение в период 1802—05 гг. ворсильной машины, так называемой gig—mill⁵⁾).

Как только новые изобретения начали применяться в суконном деле, здесь, подобно трикотажной промышленности, прежде всего изменилось географическое лицо его: произошло территориальное перемещение производства. В первой половине XVIII века признанным центром суконного производства в Англии считалось графство Норфок, с городом Норичем во главе. По словам Артура Юнга^{*)}, количество рабочих в этом городе за период с 1700 по 1770 г. увеличилось в 3 раза, достигнув 72 тыс.^{**)}. Помимо того, шерстяное производство сосредоточивалось в двух районах: на севере, в Йоркшире, и на юго-западе, между Ламаншем и Бристольским каналом⁶⁾,—последние два округа, однако, отставали от Норича. Технические усовершенствования перевернули это соотношение: приходит в запустенье норичская промышленность и быстро выдвигается северная часть королевства во главе с Йоркширом.

Чем объяснить падение Норича? Новейшие изыскания указывают на три фактора, доставившие господствующее положение Йоркширу. Прежде всего, это было отсутствие местного сырья на юге Англии (снабжение им шло, главным образом, с севера), во-вторых, вызванная им дешевизна йоркширских сукон и, наконец, особые политические условия: всякий, кто вздумал бы ввести у себя на производстве машины, к какой бы партии он ни принадлежал, рисковал быть забаллотированным на выборах в парламент, и даже жизнь и имущество его подверглись бы опасности, благодаря чему механизация промышленности в Нориче сильно отставала от Йоркшира⁷⁾.

Насколько успешно развивалось производство в Йоркшире, свидетельствует один из корреспондентов «Летописей земледелия» за 1791 г. «Несколько дней тому назад—рассказывает он—один джентльмен из Йорка сообщил нам о цветущем состоянии индустрии в этой области. Он передает, что хотя уже и введено очень много машин, но

*) Артур Юнг (1741—1820)—английский помещик, агроном-экономист, оставил после себя замечательные описания хозяйств Англии, Ирландии, Франции и Италии.

**) Проверенные цифры Юнга опровергают преувеличения Дефо, насчитывавшего в Нориче 120 тыс. рабочих.

на севере промышленность развилась до такой степени, что сейчас в окрестности Лидса, Бредфорда и Гедерсфильда устанавливается не менее, чем 70 дополнительных машин»⁸⁾. В одном Вест-Ридинге за 70 лет изготовление сукон увеличилось в 3—5 раз: в 1726 г. широких сукон выделялось 26 тыс. кусков; в 1750 г.—60 тыс. и в 1790 г.—172 тыс.; производство узких сукон за период с 1740 г. по 1790 г. увеличилось с 58 до 140 тыс. кусков⁹⁾.

На ряду с изменениями локального характера, машинизм порождает ряд других перемен. Хотя в Йоркшире некоторые процессы, как, например, окончательная отделка, все еще совершались посредством ручного труда, тем не менее с 80-х гг. XVIII века прядение и ткачество были почти полностью механизированы. Один писатель следующим образом описывает состояние промышленности в Йоркшире: «Со времени введения машины здесь образовался класс людей, владеющих машинами или фабриками, они имеются теперь у многих хозяев. Вследствие этого сукно из шерсти выделяется гораздо скорее, значительно больше работает ткачей, а для женщин и детей совсем не осталось домашней работы. После того как шерсть окрашивается мастером, она посылается на фабрику, где при помощи одного или двух рабочих и нескольких детей прочесывается, тростится, выпрямляется и готовится для станка самым совершенным образом»¹⁰⁾. «Применение машины—говорит Артур Юнг—для приведения в действие фабричных машин нигде так усиленно не вводится, как в Лидсе: здесь имеется шесть или семь на фабриках и одна в красильной мастерской... С большим удовольствием смотришь на машины для прогонки шерсти, а также для прядения и других процессов. Изобретения, сделавшие так много для хлопчатобумажного производства, быстро вводятся здесь для шерстяного»¹¹⁾.

Неменьший рост фабричной системы замечаем мы на юго-западе (в графствах Уилтшир и Сомерсет). «Один за другим суконщики вводили систему spinning houses (т. е. прядильных фабрик) и наполняли сердца ткачей страхом за свою судьбу; они чувствовали, что скоро им предстоит работать под крышей предпринимателя»¹²⁾. «В Уилтшире, сообщает один современный писатель (1796 г.), ручное прядение выходит из употребления вследствие введения машин, и

суконщик больше не обращается к беднякам за пряжей, которую они прежде пряли для него у себя на дому, так как он находит, что 50 человек с помощью машин выполняют столько же работы, как 500 чел. руками»¹³⁾... В противоположность этому в восточных графствах—в Норфоке, Сеффолке и Эссексе промышленность приходила в упадок, и когда на севере производство велось уже посредством силы пара, здесь все технические процессы остались без изменения¹⁴⁾. О норвичской промышленности мы уже говорили, захудание ее происходило также и в соседних графствах¹⁵⁾.

Капиталистические предприятия в шерстяной промышленности совершенствуются не только технически,—они расширяются и в финансовом отношении. В своей речи Вильям Питт приводит следующие цифры о размерах капиталов в производстве. «Капитал, вложенный в фабрики и машины,—говорит он,—равняется приблизительно 6 млн. ф. ст. и вырабатывает почти на 20 млн. ф. ст.»¹⁶⁾. Рост производительности шерстяных предприятий менее чем за 100 лет увеличился больше чем в 11 раз.

В 1738 г. . .	1.187.312	ярдов широких сукон и	405.860	ярдов узк. сукон			
» 1800 » . .	9.263.966	»	»	»	»	»	»
» 1805 » . .	10.079.258	»	»	»	»	»	»
» 1813 » . .	11.702.837	»	»	»	»	»	» ¹⁷⁾

Не менее быстро растет население в городах, а процент лиц, занятых в промышленности, начинает доминировать.

	1775 г.	1801 г.	1811 г.		1801 г.	1811 г.
Лидс	17.117	30.699	35.950	Северный Ридинг	158.225	169.391
Галифакс	4.160	8.886	9.159	Восточный Ридинг	111.693	135.319
Шеффилд	—	31.314	35.840	Западный Ридинг	565.282	655.042 ¹⁸⁾
Гуддерсфилд . .	—	7.268	9.671	—	—	—
Бредфорд	—	7.302	7.838	—	—	—

Приведенные факты ярко свидетельствуют о проникновении капиталистических начал в шерстяное производство. Поэтому, кажется нам, некоторые исследователи ошибаются, когда говорят о слабом и более позднем проникновении капитализма в эту отрасль промышленности, чем в хлопчатобумажную. Процесс производства в этой последней был стремительным, а потому, быть может, более заметным—это верно, но и шерстяная промышленность не топталась на

месте: поступательное движение в ней лишь было менее заметным; поскольку она всегда занимала главенствующее положение, успехи ее не так бросались в глаза.

Домашняя промышленность не везде, однако, влачила такое жалкое существование: на севере Англии она еще успешно конкурировала с фабрикой и окончательно исчезла только после полного проникновения механического станка в производство. «Большие фабрики, обладавшие капиталом, машинами и сбережением времени, материально оказали

Внутренний вид стригальной мастерской.

мало влияния на домашнее производство. Маленькие хозяйчики, чтобы бороться с крупными капиталистами, часто объединялись в компании; каждый участник ее работал самостоятельно у себя на дому, а для последней отделки сукно сдавалось им на компанейскую фабрику»¹⁹). Так обстояло на деле в главных областях шерстяного производства; лишь один из новейших процессов его все еще оставался нетронутым новым течением—мы имеем в виду так называемое *shearing* или *cropping*, т. е. стрижку сукна. Хотя и раньше стригали работали обычно в мастерских, но у них всегда оставалась надежда стать в конце концов самостоятельными, чему способствовали господствовавшие тогда ручные спо-

собы производства; в начале XIX века, эти условия мало изменились. Ворсовые машины, правда, начали уже проникать в обиход, но распространение их было еще очень незначительно, а каждое новое применение их встречало энергичный отпор среди независимых стригалей, особенно в Йоркшире²⁰).

Стригали имели полное основание бояться за свою будущую судьбу и благосостояние: положение рабочих в других ремеслах давало им не мало примеров. Промышленная революция сперва внушила прядильщикам и ткачам надежды на улучшение положения — машинное производство и образующиеся фабрики требовали много рабочих рук, увеличение спроса на них создало благоприятные условия для рабочих, заработная плата поднялась высоко. «Многих рабочих в то время — рассказывает комитет палаты общин — можно было встретить в прекрасных костюмах, с тростью в руках и пятифунтовой банкнотой в кармане»²¹). Счастливые дни продолжались недолго — жизнь вошла в свою колею; спрос на труд прекратился. Новый конкурент, о котором уже говорили — женщины и особенно дети — начали заменять и мужчин. Плата, получавшаяся детьми, была крайне ничтожна. «Так, иногда ребяташки лет шести зарабатывали только шесть пенсов в неделю, а десяти лет они получали меньше двух шиллингов». Из этих несчастных созданий капиталисты безжалостно выколачивали себе доходы, а конкуренция детского дешевого труда снижала заработную плату взрослых рабочих (и увеличивала их безработицу. Падение заработной платы у прядильщиков и ткачей вследствие этого достигло катастрофического предела.

Фабрика не только обкрадывала рабочих, уменьшая их заработную плату; непомерная эксплуатация, царившая там, еще больше увеличивала их недоброжелательство к фабричной системе и ко всему, что ее вызывало к жизни. Один рабочий заявляет, что не согласился бы вновь прожить свою жизнь, если бы ему поставили условием вторично пройти через жалкое рабство, которое он пережил в детстве²²). Новые предприятия, нанимая на работу детей, лишали ручное производство рабочих рук, — обстоятельство, тяжело отражавшееся на всем деле. Дети давно, например, принимали участие в ткачестве во всех вспомогательных работах, а около 1802 г. ткачи жалуются, что «благодаря прядильным

фабрикам им трудно приобрести «quillers»*), обязанность которых выполняли дети»²³). Мы уже говорили, что рабочие относились недоброжелательно ко всему, что связано было с фабричной системой, отсюда и их ненависть к машине. И, конечно, не следует думать, что фабрики и машины сами по себе являлись предметами недовольства рабочих—они были только символами угнетения со стороны капиталистов. Борясь с фабриками и машинами, рабочие выступали против власти своих эксплуататоров. Эксцессы, связанные с введением машин, шли параллельно их изобретению.

Джон Кей, изобретатель самолетного челнока, подвергся вскоре после обнародования своего изобретения нападению толпы, которая разрушила станок, где этот челнок применялся. Кей не мог больше оставаться в Англии и бежал на континент²⁴). Когда выяснилось, что усовершенствование способствует благосостоянию масс,—все мятежи прекратились. То же самое было и с дженни—некоторое время она не пользовалась популярностью (она была введена в 1773 г.), уже через 12 лет она была широко распространена в шерстяном производстве. А между тем, мятежи, вызванные введением дженни, приняли большие размеры.

«10 июля 1776 г. в Шептон Маллет, в графстве Уилтшир, собрались большие толпы рабочих, многие из других городов—Варминстера, Фрома. Они двинулись к зданию городской думы и потребовали от городских властей запретить употребление дженни, так как они для них убыточны. Военной силы в городе было немного, а угрожающий вид толпы привел власти в такое смятение, что многие из них выехали из города. Рабочие, увидя, что на их просьбы не отвечают, бросились к исправительному дому, где заключенные пряли при помощи дженни, и пытались проникнуть туда. Небольшой отряд, отразивший их нападение, в конце концов уступил силе, и рабочие ворвались в помещение—ненавистные дженни были разбиты на тысячи кусков. Собравшиеся вновь войска оттеснили нападавших, причем пять зачинщиков поломки машин были арестованы. По дороге в тюрьму арестованных пытались силой освободить, но неудачно. Это не сломило упорства мятежников, они продолжали сохранять воинственное настроение. Джон

*) «То quill»—наматывать на катушку шерсть.

Строд, советник думы, убеждал их разойтись, обещая полное помилование и забвение их проступков, но толпа не расходилась. Этим временем власти пришли в себя, были собраны войска, и по рабочим был дан залп. Шесть человек было убито, а остальные после этого разошлись»²⁵). «В Ноттингеме, Лестере, Бермингеме, Шеффилде и других городах много ценных машин было тайно безрассудно и необдуманно разрушено»²⁶). В 1780 г., через несколько месяцев после разгрома фабрики Аркрайта, вспыхнули бунты против машин в Лидсе²⁷). С этим годом закончилась последняя вспышка недовольства против нововведенных дженни. Нужно полагать, что применение их вызвало повышение заработной платы; по словам современников, прядильщицы зарабатывали 2 шилл. 6 пенс., максимально—3 шилл., а благодаря введению дженни стали получать от 7 шилл. 6 пенс. до 12 шилл.²⁸). Помимо увеличения заработной платы дженни устранили прежнее несоответствие между трудом прядильщиков и ткачей—недостаток, ощущаемый последними в пряже, дженни устранили (производство ее увеличилось теперь во много раз), и естественно, ткачи оказали ей всемерную поддержку. В данном отношении выигрывали и собственники мелких предприятий—продукция их с этого времени возрастала, и у них дженни встретили благоприятный прием. Консерватизм, обычно приписываемый владельцам маленького производства, не имел под собой почвы—выгоды от новшеств были слишком очевидны. Наконец, следует заметить, что искусство прядильщика не требовало слишком большой выучки—к дженни приноровиться было легко, и она не оказала большого влияния на состав рабочих.

Все почти обстоятельства как будто благоприятствовали введению дженни,—но чем же тогда объяснить недовольство и беспорядки, вызванные ею? Ответ на этот вопрос дает автор «Писем о пользе применения машин». Как большинство людей в то время (да и теперь их достаточно), он склонен был приписывать ненависть рабочих к машинам их косности и некультурности, поэтому он стремится втолковать им, что понижение платы вызывают не машины, а совсем другие обстоятельства. Самым главным злом он признает англо-американскую войну и ее последствия²⁹). «Несмотря на хорошее качество и крайнюю дешевизну товаров, наша торговля тормозится несчастными войнами, в кото-

рых мы участвуем; они-то мешают вывозить товары за границу, лишив нас американских рынков». Иными словами, налицо был коммерческий кризис, а отсюда и перепроизводство, повлекшее за собой сокращение промышленных предприятий и безработицу. Последняя коснулась, повидимому, не всех рабочих, а лишь участвовавших в производстве на Америку. Безработица не могла быть повсеместной еще потому, что продовольственное положение страны являлось для промышленного населения благоприятным—особенно низкие цены на хлеб ³⁰). Итак, не машины, а вся тогдашняя экономическая система—промышленный капитализм—толкнула рабочих на поломку машин и разрушение фабрик. Это была борьба оставшихся еще независимыми производителей за свою экономическую свободу.

Более бурную форму приняли мятежи против машин среди стригалей Йоркшира, но здесь были несколько иные условия. Как мы уже говорили, благодаря сложности работы сделаться искусным мастером было очень трудно, и контингент стригалей был ограничен. Немудрено, что предприниматели в них очень пуждались; стригали имели сильную организацию, получали высокую плату и, пользуясь своим исключительным положением, часто диктовали свои условия хозяевам. Первая попытка предпринимателей ввести механический способ обработки относится приблизительно к тому же времени, что и появление дженни—к 1780 г. Однако, она окончилась для них полной неудачей. «Рабочие в Западной Англии и в Йоркшире оказали введению машин самое упорное сопротивление, так что предприниматели после жестокой борьбы вынуждены были отказаться от своего намерения, и лишь на Западе предпринимателям удалось одержать победу» ³¹). Такую же оппозицию встретили и так называемые *gig—mills* (ворсильные машины *).

«Рабочие,—рассказывает один из свидетелей, выступавших перед парламентским комитетом в 1803 г.,—считали наши мастерские незаконными, так как мы пользовались ворсильными машинами. Когда я узнал,—продолжает он дальше,—что они (т. е. стригали) хотят препятствовать нам в найме рабочих, то созвал их всех и настаивал, чтобы они нанялись к нам до Рождества, или окончили свою работу

*) Стригальные рамы удалось ввести в Йоркшире только в 1806 г.

и удалились. Большинство из них ушло, и только трое остались. Через некоторое время вернулись и остальные, не найдя работы»³²). Это, так сказать, первоначальная форма протеста, форма пассивная. От этого способа борьбы стригали не замедлили перейти к более решительным мерам. Сперва пробовали воздействовать на рабочих, согласившихся на условия предпринимателей: «их жестоко избивали, таскали за волосы и угрожали смертью»³³). Убедившись в том, что это не помогает, они обратились против самих хозяев. «Состояние умов рабочих в Йоркшире—рассказывает современник—внушает самые серьезные опасения: им громко говорят, что хлеба—изобилие, а между тем цены на него самым несправедливым образом вздуваются; рабочие терпели пужду достаточно долго, поэтому следует прибегнуть к решительным мерам. Это неудивительно, я дрожу при мысли о предстоящей зиме—один бог знает, что только будет»³⁴). «В разных частях королевства происходят бунты, передает современный журнал, которые подавляются только вооруженной силой»³⁵). Особенно сильные волнения происходили в 1802 г. в Уилтшире: «Вся промышленная часть Уилтшира—гласит современный документ—находилась, благодаря введению ворсовых машин, в состоянии мятежа; ночью было изрезано и поломано много машин и товаров. Беспорядки удалось усмирить, лишь вызвав военные части»³⁶). Волнения утихают, однако, на самое короткое время и затем опять вспыхивают с новой силой. Чувства, волновавшие в то время рабочих, лучше всего находят свое выражение в письме одного безработного стригали к Бенжамену Гобгаузу, радикальному члену парламента: он жалуется, что машины лишают бедных работы, между тем как налоги растут и бедный люд не может их платить... «Я слышал от многих, что подготавливается революция, и уже около 30.000 записалось в революционные общества». Далее слышатся угрозы по адресу предпринимателей. «Мы понимаем, добавляет он, что поджоги и разрушения собственности—не правое дело, но голод заставляет делать то, чего не сделала бы человеческая натура»³⁷).

Между тем, фабриканты принимают свои меры, они заявляют, что будут противиться разрушительным действиям стригалей и защищать как уже применяемые, так и вводимые машины, считая их полезными для производства³⁸). И они

начинают действовать: вызываются войска, идут многочисленные аресты, свирепствуют законы о коалициях. «За последнюю неделю—рассказывает правительственный чиновник, посланный для оказания помощи местным властям,—шесть стригалей было отправлено в тюрьму, согласно постановлениям законов о коалициях... Один или двое мировых судей заседают в том или другом промышленном городе, а так как законы о коалициях дают удобный повод для арестов, то ко мне приводят по несколько человек» ³⁹⁾.

В Йоркшире стригали тоже начали волноваться; хотя машины были введены там позднее, они заранее приняли меры предосторожности: вспыхивают забастовки; в парламент посылаются петиции с просьбой об отмене ненавистных машин ⁴⁰⁾.

В 1805 г. состоялся митинг, на котором ткачи и стригали *) отчетливо формулировали свое отрицательное отношение к фабрикам ⁴¹⁾: «Единодушно решено, что домашняя промышленность в высшей степени благоприятна развитию родительских, сыновних и братских чувств, процветанию семейного счастья и развитию нравственных и домашних чувств, составляющих залог общественного спокойствия; что фабричная система стремится к разрушению этих чувств и устоев, вводит молодых людей очень рано в самый дурной соблазн, угрожающий полным развращением, и ведет, следовательно, к гибели». Далее идут требования о предельном количестве станков и машин в предприятиях, о соблюдении законов об ученичестве и других мер, регламентирующих шерстяную промышленность. Лейтмотив этой резолюции—стремление помешать во что бы то ни стало распространению фабричной системы и росту крупного капитала. О машинах говорится лишь в связи с этими фактами: в них видят не главное зло, а лишь одно из его звеньев. Дженни, вызывавшие за 20 лет до того самые резкие выступления, теперь пользуются правом гражданства, рабочие просят лишь об уменьшении их количества в мастерских, т. е. опять-таки о предотвращении фабричной системы. Машины, находившие применение в домашней промышленности, не разрушая ее основ и не лишая производителя самостоятельности, поль-

*) Гельд ошибочно приписывает резолюцию только ткачам; на митинге участвовали в большом количестве стригали; они же, повидимому, являлись на нем заправилами, см. *Hammonds Skilled labourer*, стр. 183.

зуются успехом; рабочий понимает прекрасно их выгоды, но только там стоит за них, где эти выгоды достаются полностью рабочим же, а не служат средством эксплуатации для капиталистов. В этом же духе был составлен билль для внесения в парламент, поддержанный более чем 39 тыс. суконщиков (среди них, любопытно отметить, находилось много мелких хозяйчиков). Билль этот требовал, во-первых, подтверждения прежних ограничений в отношении учеников, за исключением уже работающих, во-вторых, установления предельного количества станков в доме суконщика или ткача, в-третьих, ограничения количества дженни и количества веретен, находящихся в собственности суконщика, в-четвертых, более действительного воспреещения truck—системы, в-пятых, урегулирования обязанностей инспекторов и, в-шестых, распространения акта Эдуарда VI на теперешние ворсильные машины ⁴²).

Эта вполне выдержанная программа подтверждает наши предыдущие слова. Здесь можно найти все, чем жила и держалась домашняя промышленность,—в этом заключается положительная сторона билля: закрепить при помощи законодательного акта положение свободного производителя. Но здесь есть требования и отрицательного характера—они сводятся к преодолению фабричной системы. Однако, билль не ограничивается огульным отрицанием новых порядков: в нем звучат новые ноты (ранее не слышанные у рабочих), которые как раз опровергают мнение о консервативности рабочего класса. Действительно, пункт I гласит: «должны быть подтверждены законы об ученичестве, но они не касаются тех, кто уже работает». Последние слова очень важны. Они свидетельствуют, что новые экономические отношения проникли в рабочую среду; помимо того, они подтверждают истинноклассовый характер требования рабочих: они ведут борьбу против всего, что дает силу капиталистам, но отнюдь не намерены лишать заработка своих товарищей за неисполнение старых законов. Тот же смысл имеет и пункт, касающийся дженни: «мы понимаем их пользу, но не позволим кому-либо другому при их помощи нарушать наши интересы». Зато самым категорическим образом билль высказывается против ворсильной машины и truck-system: последняя служит средством эксплуатации и потому отвергается.

Дело идет не только о той или иной заработной плате, а о самом существовании рабочего.

Как реагировали на это правящие классы? В парламенте они замалчивали требования рабочих, петиции их клались под сукно. Одна из петиций, поданных мелкими хозяйчиками и рабочими суконной промышленности в Йоркшире, лежала без движения в течение трех лет, и только когда голоса стали звучать более настойчиво и в их среде началось брожение, парламент обратил внимание на их требование и нашел время для обсуждения этого вопроса ⁴³). Однако, и теперь правительство стремилось затянуть разрешение дела: предлагается назначить особый комитет, ссылаются на трудность быстрого решения—«материал настолько сложен и обширен, что необходимо предварительно самым внимательным образом изучить его» ⁴⁴). Большинство парламента вполне поддерживало кабинет, и многие депутаты прямо и определенно даже заявили, что удовлетворение желания рабочих «гибельно и несовместимо с современным ведением производства» ⁴⁵).

Высказался ли кто-либо в защиту трудящихся? Таковых было очень и очень немного, но и эти немногие являлись такими друзьями, которые—как гласит пословица—опаснее врага; например, Вильберфорс*). Этот последний, кажется нам, выступил на стороне рабочих постольку, поскольку видел в домашней промышленности средство воспрепятствовать осознанию рабочими их классовых целей и полному их объединению; в собственнике-ремесленнике, думаем мы, он видел противника революционных тенденций, опору собственности и порядка. Чем кончилось дело рабочих, мы уже знаем: промышленная буржуазия добилась в конце концов своего, и старые ограничительные законы через три года были полностью отменены.

За стенами парламента тем временем попрежнему продолжалась политика репрессий: применение законов о коалициях и отправка солдат. Тяжелые экономические условия, о которых мы говорили выше, еще больше ухудшали положение рабочих. Даже правящие классы не смогли этого отрицать. «Я слышал,—пишет лорд Окленд,—что в промышленных округах Йоркшира все больше проявляется отчаян-

*) Виллиам Вильберфорс. (1759—1833)—английский политический деятель, сторонник отмены работорговли, но горячий противник рабочего движения и революции.

ная нужда и бедность» ⁴⁶). Рабочие, однако, еще не были сломлены; в цитируемом письме говорится, что «симптомы возбуждения в стране становятся яснее, делая положение правительства опасным» ⁴⁷). Действительно, в 1810 г. снова вспыхивают беспорядки как на Западе Англии, так и в Йоркшире. «Озлобление рабочих против меня,—рассказывает один йоркширский фабрикант,—было так велико, что я должен был для охраны своих машин и фабрик каждую ночь держать вооруженную стражу. Я никогда не отваживался выйти из дома ночью, а если это случалось днем, то всегда брал с собой заряженные пистолеты» ⁴⁸). Правительство и на этот раз подавило вооруженной рукой волнения. Рабочие как будто смирились; целый год они не проявляли себя, казалось, они собирали силы.

Примечания: 1) Marx, I, p. 253; 2) Lipson, p. 138; 3) Hammonds-S. L., p. 136; 4) Lipson, p. 156; 5) Ibid., pp. 143-169, 188; 6) Mantoux, p. 24; 7) Lipson, pp. 249-50; 8) Annals of Agr. 1791; 9) Lipson, p. 248; 10) Observ. on Wool. Machin.; cit. Hammonds, S. L., p. 151; 11) An. of Agr. XXVII, p. 3101; 12) Hammonds-S. L., p. 146; 13) Eden-State of the Poor, p. 796, cit. Lipson, p. 181; 14) Hammonds, p. 153; 15) Cunningham, p. 616; 16) Cobbett's Parl. Hist. XXXV, p. 139; 17) Brothers-Wool. manuf. of Gr. Br., p. 150; 18) Compar. tab. of Popul. of Gr. Br., pp. 312, 324, 279, 315, 300, 330; 19) Hammonds, p. 140; 20) Cunningham, p. 661 n. 4; 21) Lipson, p. 194; 22) Lipson, p. 307; 23) Hammonds-S. L., p. 148; 24) Letters on utility, p. 20; 25) An. Reg. 1776, pp. 161-2; 26) Letters on utility, p. 8; 27) Mantoux, p. 262; 28) Letters on utility, p. 31; 29) Letters on utility; pp. 5-6; 30) Baker-Rec. of season phenom., pp. 214-8; 31) Hirst-Hist. of Wool. tr., p. 10; cit. Cunningham, p. 662; 32) Lipson, p. 189; 33) Lonsdale MSS, p. 149, Letter of Sir J. Beckett; 34) An. Reg. 1800, p. 12; 35) Ibid., p. 212; 36) Ibid., p. 440; 37) Hammonds, p. 171; 38) Ibid., p. 174; 39) Ibid., p. 176; 40) Parl. Deb. III, V, VI, pp. 634, 168, 347; 41) Held, p. 694; 42) Hammonds, p. 184; 43) Parl. Deb. V, p. 348; 44) Ibid., pp. 425, 432; 45) Ibid., V, p. 634, VI, 424 & 433; 46) Dropmore MSS. IX, p. 155; Letter of lord Aucland; 47) Ibid.; 48) Hirst-p. cit.; Lipson, p. 190.

V. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ХЛОПЧАБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В отличие от суконной, хлопчатобумажная промышленность была самой молодой отраслью в текстильном производстве Англии; именно поэтому ее быстрое развитие представляло такое изумительно яркое явление.

Она имела громадное значение для всего английского хозяйства: ведь с ее развитием была тесно, можно сказать, неотделимо связана та грандиозная эпопея, которая обычно называется великой промышленной революцией. Недаром некоторые ученые считают историю этой промышленности как бы промышленной революцией в миниатюре, поскольку в ней выразились наиболее типичные черты этого экономического сдвига ¹⁾. Уже в двадцатых годах XVIII века хлопчатобумажное дело достигло значительных размеров, центром ее сделалось Ланкаширское графство с городом Манчестером во главе, где ее положение было доминирующим. Даниэль Дефо^{*)}, посетивший в это время Манчестер, рассказывал, что «главной отраслью, так поднявшей этот город, было производство разнообразных хлопчатобумажных тканей» ²⁾. Характерным следствием расцвета молодого производства было увлечение английского общества бумажными тканями. «Лица знатного происхождения,—писал в 1708 г. тот же Даниэль Дефо,—напяливали на себя индийские ковровые материи, которые еще совсем недавно их горничные сочли бы для себя слишком простыми: ситцы получили повышение в чине, с паркета они поднялись на спину, из оберточного холста они

*) Даниэль Дефо (1661—1731) — знаменитый английский писатель, автор «Робинзона Крузо», оставил после себя описание промышленности Англии.

стали юбками, и сама королева любила в это время показываться одетой по-китайски и японски, я хочу сказать—в китайские шелковые материи и ситцы»³⁾.

Эта мода вызвала негодование у представителей суконной промышленности, опасавшихся потери своего монопольного положения, и они обратились в парламент с просьбой запретить выделку и ввоз бумажных материй в Англию: правительство согласилось с петицией и издало ряд постановлений ограничительного характера, и только в 1774 г. знаменитому Аркрайту удалось, несмотря на сильную оппозицию, добиться отмены этих законов⁴⁾.

Несмотря на недостаток привилегий, новая промышленность имела на своей стороне все преимущества свободы: старые цеховые порядки и традиции не тормозили ее развития, и она явилась словно опытным полем, открытым для изобретений, для всякого рода инициативы.

Какова же была структура этой, сулившей столь большие возможности, индустрии?

Производство в ней распадалось на четыре основных процесса: 1) подготовка сырого материала для прядения, 2) прядение, 3) ткачество и 4) набивка и окраска.

Накануне промышленной революции во всех фазах обработки материала господствовал ручной труд, а основной системой производства была домашняя промышленность. Процесс изготовления продукта протекал в деревне и обычно сосредоточивался в мастерской ткача: последний при помощи своей семьи совершал все операции, необходимые для выделки ткани.

Вот как описывается жизнь ткача в это время. «Его мастерская находилась в сельском коттедже, из которого он (т. е. ткач), в случае усталости после сидячего труда, мог выйти в маленький садик и там при помощи лопаты и мотыги ухаживать за посеянными овощами. Бумажную пряжу для тканья очищали пальчики его младших детишек, а его жена и старшие дочери расчесывали ее и пряли; готовую пряжу он вместе с сыновьями ткал сам. Если семья не могла приготовить нужное количество пряжи, ткач за ней обращался к прядильщицам по соседству»⁵⁾.

Благодаря таким условиям, ткач в большинстве случаев был в состоянии сберечь кое-что про черный день и арендовать клочок земли, хотя его земледельческое хозяйство и

велось небрежно и доходы от него были невелики, но, по крайней мере, ткач не принадлежал к тем людям, у которых нет ни кола, ни двора; он был типичным мелким собственником и по своему общественному положению стоял выше, чем английский рабочий через 100 лет ⁶⁾). Но приблизительно к середине XVIII века положение ткача начало изменяться; он постепенно утрачивал свою самостоятельность и попадал в зависимость от крупного купца или его посредника. Теперь ткач не нес на рынок продавать сотканную материю, как это было раньше, а работал по заказу купца или его агента, плату он получал уже не за изготовленный товар, а за работу. Особенно губительно оказалось для кустаря развитие торговли. «Между тридцатыми и семидесятыми годами XVIII века,—писал современник,—торговля расширилась, по всем городам королевства рассыпались с заказами специальные разъездные агенты торговых фирм (riders), или же большие купцы направляли в деревню посредников, которые раздавали по мастерским сырой материал и скупали произведенный товар» ⁷⁾).

В таком состоянии хлопчатобумажная промышленность достигла значительных результатов; уже тот факт, что ввоз хлопка в Англию с 1697 г. по 1764 г. увеличился чуть ли не на 100%, а за последние 30 лет еще того больше,—доказывал непрерывный процесс производства ⁸⁾). На этом пути, тем не менее, существовали серьезные препятствия: так же, как и в суконной промышленности, ткацкий станок был несовершенен, отличался громоздкостью, неуклюжестью и обязательно требовал труда двух, а то и трех человек; при таких условиях работа, конечно, подвигалась медленно. Одновременно английским пряжам было далеко до индийских; их пряжа была обыкновенно или слишком груба или слишком слаба. Самое прядение производилось настолько медлен-

⁸⁾ Baines.—History of the cotton manufacture in England, стр. 109.

Приводимые им цифры.

г о д ы	фун. стер.	г о д ы	фун. стер.
1697	1.976.859	1730	1.545.472
1701	1.985.868	1741	1.645.031
1710	715.008	1751	2.976.610
1720	1.972.805	1764	3.870.392

но, а употреблявшаяся при этом самопрялка была настолько примитивна, что ткач часто сталкивался с недостатком пряжи,—дело доходило даже до того, что «ткачи делали женщинам-прядильницам подарки, только бы подстрекнуть их прилежание»⁸⁾. Невольно возникала мысль, как найти выход из создавшегося тупика. Попытки в этом направлении совершались издавна: в ткацком станке произвели несколько более совершенных изменений, но они не оказали большого влияния на улучшение процесса производства; самая же серьезная реформа — летучий челнок Кэя — вызвал недовольство и озлобление ткачей и потому не применялся до 1760 г., когда его сын взял патент на новое изобретение, позволявшее механически менять на челноке пряжу разных цветов⁹⁾. В прядильном деле необходимость реформы чувствовалась еще острее, не даром одно из наиболее крупных в то время научных обществ в Англии — «Общество поощрения ремесл, промышленности и торговли» — предложило в 1760 г. даже награды в 40 и 20 ф. ст. за улучшение самопрялки¹⁰⁾.

Изобретение прялки-джени в 1764 г. положило начало дальнейшему непрерывному потоку изобретений, одна за другой следовали: ватерная машина Аркрайта, мюль — машина Кромптона, кардная машина и, наконец, механический ткацкий станок Картрайта, не считая других более мелких изобретений. По мере применения новых машин до неузнаваемости изменялась структура хлопчатобумажной промышленности: возникали все в большем количестве редкие дотоле фабрики, выходила на сцену промышленная буржуазия.

Особенное значение приобрела машина Аркрайта. «С ее появлением,—говорит историк,—машинизм перестал быть фактом, относящимся исключительно к истории техники; он сделался экономическим фактом в самом широком смысле этого слова».

Успехи промышленной революции повлекли за собой прежде всего известную локализацию хлопчатобумажной промышленности; дотоле разбросанная она теперь сосредоточилась в Ланкашире, прилегающих частях Чешира и Йоркшира, а также в Ирландии, в районе реки Клайд. Влажный и туманный климат Ланкашира, масса рек, изрезающих его поверхность, холмы, непригодная для земледелия почва, обилие каменного угля и, наконец, удобная гавань—все это

превратило его в центр нового производства ¹¹⁾. Параллельно с этим переместился и центр тяжести населения: деревни пустели, а города быстро росли. Вот маленькая табличка, показывающая рост наиболее важных промышленных городов в Ланкашире ¹²⁾:

Г о р о д а	Количество жителей		
	1760 г.	1801 г.	1811 г.
Манчестер	19.839	94.024	112.992
Ольдгэм	4.000	26.646	36.474
Больтон	10.000	28.897	39.501
Престон	5.500	29.899	37.997
Рочдэль	5.000	26.577	33.577
Виган	5.000	34.565	42.565
Аштон при Лайше	2.859	27.371	35.091

Население всего Ланкашира в целом тоже сильно возросло: в 1700 г. он имел 166.200 жителей, в 1750—207.400 (увеличение на 79%), в 1801 г.—672.731, в 1811 г.—828.309.

Тот же процесс мы наблюдаем и в торговле: она стремительно подымалась в гору; производимая пряжа по качеству своему теперь превосходила индийскую и доставила Англии монопольное положение на мировом рынке. Мы уже показывали выше размеры ввозимого в Англию хлопка: с 3.870 тыс. ф. в 1764 г. он дошел до 4.760 тыс. в 1771 г. и до 5.300 тыс. ф.—в 1781 г. В течение последующих десятилетий прогрессия растет с быстротой, оправдывающей изумление современников: в 1784 г. эта цифра почти удвоилась, а в 1789 г. удесятерилась. За этим стремительным ростом следовала временная заминка, но с 1798 г. рост возобновился и в 1810 г. ввоз достиг свыше 132 млн. ф. Вывоз товаров описывал параллельную кривую: в 1780 г. он был еще незначителен, и общая ценность его не достигла даже 360 тыс. ф. ст. Но в 1785 г. она уже равнялась 1,07 млн. фун. ст., в 1791 г.—2,09 млн., в 1800 г.—5,5 млн., в 1802 г.—7,8 млн., а в 1816 г. уже свыше 20 млн. ф. ст. ¹³⁾ (см. таблицу № 4, стр. 146). Немудрено, что современники отзывались о происходившем у них на глазах зрелище в самых пылких и восторженных выражениях. «Следует ожидать громаднейших перемен в цивилизованном мире, говорили они; что же касается всех благ, сулимых новым производством, то почти невозможно их исчислить: такие эпитеты как: «уди-

вительно», «чудесно», «беспримерно», «невидано в летописях мировой истории» и т. п.—не сходили у них с уст»¹⁴).

Действительно, развитие хлопчатобумажной промышленности представляло небывалое явление. В 1769 г. скромный тогда ремесленник Аркрайт взял патент на свое изобретение и с помощью нескольких компаньонов основал в Ноттингеме маленькую прядильную фабрику, приводимую в действие лошадиной силой. Через два года в захолустном городке в Дербишире, Кромфорде, он построил фабрику больших размеров, применив в качестве двигателя уже водяную силу. Дело его настолько быстро разрослось, что, по словам самого Аркрайта, в 1782 г. «на его фабриках работало свыше 5 тыс. рабочих, и капитал, вложенный во все предприятия, достигал не меньше 200 тыс. ф. ст.»¹⁵).

Неисчислимы выгоды фабричного производства побуждали многих последовать примеру Аркрайта. В течение 1776—1778 гг. в одном Ольдгеме открылось целых шесть фабрик, через 2 года во всем Ланкашире насчитывалось 20 фабрик аркрайтовского типа. После того как истек срок патента Аркрайта и, стало быть, сделалось возможным свободно пользоваться его машинами, эта цифра сильно поднялась и уже в 1788 г. дошла до 143 (в одном Ланкашире—41), немного позднее (в 1790 г.) во всей Англии вместе с Уэльсом работали 150 фабрик¹⁶). Еще в большей степени усилилась фабричная горячка после изобретения паровой машины; впервые ее применили в 1785 г., затем через 4 года в Манчестере, к концу века она постепенно вошла в обиход во всех промышленных центрах—Больтоне, Глазго, Ольдгеме и других. В начале XIX века торжество первой машины было вполне очевидным, и водяные фабрики перестали строить.

Современному читателю промышленный прогресс того времени, пожалуй, покажется скромным, но не нужно забывать, что дело только что начало развиваться. Кроме того, следует иметь в виду еще одно обстоятельство: количество лиц, работавших на фабриках, в среднем хотя и не большое (100—200 чел.), в некоторых случаях доходило до весьма значительной цифры: например, уже в 1780 г. на фабриках Аркрайта, Симсона и Витенбери в Манчестере работало 600 чел. Немного позднее (1788 г.) в хлопчатобумажной

промышленности работало 26 тыс. мужчин, 31 тыс. женщин и 35 тыс. детей—размеры по тем временам далеко не маленькие! ¹⁷⁾).

В конце XVIII и начале XIX века, на ряду с подъемом фабричного производства, мы наблюдаем другое важное явление: концентрацию предприятий и быстрый рост промышленного капитала, значение которых все более и более увеличивалось. Каждая фабрика представляла капитал в несколько тысяч фунтов стерлингов, и нередко одно лицо имело несколько таких фабрик. Аркрайт, например, управлял 8 или 10 предприятиями. Роберт Пиль занимал в своих прядильных, красильных, набивных фабриках почти все население города Бэри, в окрестных деревнях на него работала масса ткачей, и сверх того он имел еще фабрики более чем в 12 разных местностях. Персонал, работавший под его руководством, доходил в 1802 г. до 15 тыс. чел., и он уплачивал казначейству 40 тыс. ф. ст. акциза. Другой крупный фабрикант Сэмюэль Ольдну, как рассказывали, зарабатывал в конце XVIII века по 17 тыс. ф. ст. в год ¹⁸⁾, а династия фабрикантов Гаррокс фактически господствовала над прядильным производством в Ольдгеме.

Как быстро создавались капиталы в это бурное время, показывает пример Роберта Оуэна, одного из богатейших потом капиталистов в Великобритании: в 1789 г. он взял в аренду маленькую фабрику, состоявшую из одной комнаты, у него было только три прядильщика и три мюль-машины, а через 10 лет он обладал чуть ли не миллионным капиталом ¹⁹⁾.

Несмотря на энергичное проникновение фабричной системы в хлопчатобумажное производство, за домашней промышленностью оставалось все еще довольно широкое поле действия: в прядильном деле много кустарей продолжали работать у себя на дому, прочно обосновавшаяся у них прялка-дженни позволяла ручному труду долго сопротивляться натиску фабрики, а в ткацком производстве попрежнему безгранично господствовал ремесленник старого типа. Мы особенно подчеркиваем это обстоятельство: ведь при таких условиях рабочие могли сравнить достоинства старой и новой жизни.

Какова была первая, мы уже знаем; посмотрим, что давала рабочему вторая.

Самым характерным явлением ее была фабрика: фабрики беспрестанно возникали то в одном, то в другом месте и обещали в недалеком будущем втянуть в сферу своей деятельности все население. Каждая новая фабрика приносила громадные барыши своему владельцу и возбуждала в нем ненасытную жажду к богатству. «Душа капиталиста, говорит Маркс,—душа капитала. Но у капитала одно единственное жизненное стремление увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью возможно большую массу прибавочного труда»²⁰). «Невежественный, с грубыми манерами, чувственный в своих наслаждениях, опьяненный успехами, он в то же время, как это ни звучит парадоксально, был энергичным и дальновидным дельцом»²¹),—таков фабрикант того времени. Его богом была прибыль, а ради нее он не брезгал никакими средствами. Рабочий в его глазах являлся не человеком, а машиной для выколачивания богатства, потому он (капиталист) и считался с ним не больше, чем с каким-нибудь мюлем, а иной раз даже и меньше: без машины его производство останавливалось, а рабочих можно было найти тогда сколько угодно.

Отсюда жизнь рабочего хлопчатобумажной фабрики, как и многих других его сотоварищей, представляла «источник тысячи страданий, ибо машина, с которой он был связан, не знала ни жалости, ни сострадания».

Рабочий день был неимоверно длинен—от 12½ до 14 часов, с перерывом на 1—2 часа для еды. Вот что рассказывал об условиях своей работы один прядильщик. «Мы начинали в 6 часов утра и кончали в 6 вечера, когда хозяева вывесили объявление, в котором говорили, что впредь мы должны работать столько же, сколько и в соседних городах, т. е. от 6 утра до 7 вечера. Рабочие отказались исполнить это требование и в конце концов заставили хозяев взять свой проект обратно... Всем хорошо известно, что в нашей отрасли промышленности работают очень маленькие дети; и если мы, мужчины, можем согласиться на столь неприглядное предложение, то как можно увеличить рабочие часы, зная, что это повредит не только теперешним, но и еще не родившимся детям»²²). Отчет фабричной комиссии палаты юстиции рассказывает, насколько тяжело было положение женщин и детей. «Их—говорится

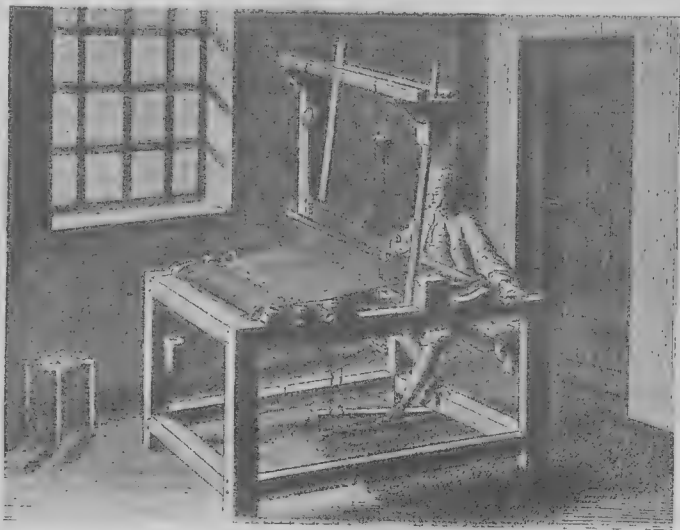
там—запирали на фабрике в течение всего дня; женщины не имели ни времени, ни средств, чтобы научиться домашним обязанностям, а если ей даже и удавалось приобрести какие-либо знания, то у нее не было физической возможности использовать их»²³). Нечего и говорить, насколько вредно провести 12—14 часов в жарком, насыщенном нездоровыми испарениями фабричном помещении.

За эту поистине каторжную работу прядильщики получали ничтожную плату; правда, в первые годы существования фабрик заработная плата была довольно значительна,—фабриканты как будто думали привлечь к себе рабочих, но затем,—хотя плата в цифровом отношении и возросла,—расхождение между заработком рабочего и ценами на продукты питания и обихода настолько сделалось резким, что прядильщики часто жили впроголодь. Как ни мала была заработная плата, фабриканты старались уменьшить ее еще больше; штрафы и пени подстерегали прядильщика на каждом шагу, достаточно было самого пустякового проступка, и фабрикант спешил сделать вычет из его жалованья. Другим злом, обесценивавшим заработную плату, являлась так называемая *truck-система*: вместо денег фабричная администрация расплачивалась с рабочими товарами, конечно, самого низкого качества и по самым дорогим ценам²⁴).

А между тем, там, где еще сохранилось ручное производство,—в маленьких прядильных и ткацких мастерских,—рабочие жили в совсем других условиях; особенно это относится к ткачам.

Все современники в один голос твердили о «богатстве, благосостоянии и набожности» ткачей, вызванных большим чем когда бы то ни было спросом на их труд и высокой заработной платой. «Их жилища и маленькие садики—восхищался один из писателей конца XVIII века—чисты и красивы; вся семья хорошо одета, у каждого мужчины в кармане часы, а женщины в модных платьях; каждый дом хорошо обставлен, в нем обязательно есть элегантные стенные часы, стаффордширский чайный сервиз с серебряными щипчиками для сахара и такими же ложечками. У многих семей имеются коровы и акр земли, одна часть которой отведена под огород, а другая—под сенокос»²⁵). Эти похвалы, однако, несколько преувеличены и иногда скрывали истину.

Действительно, ткачи более грубых материй, как, например, бумажный бархат (fustian weavers), после краткого периода благосостояния, уже с конца 80-х гг. XVIII века находились на пороге нищеты и чем дальше, тем все больше

Революция в ткацком деле

и больше. Печальное положение ткачей прекрасно описано в дневнике Руботтома, ткача из Ольдгема. «Бесконечная жестокость хозяев по отношению к рабочим не знает примеров в летописях тирании и насилия, ибо ткачи едва-едва

зарабатывали себе на хлеб, и масса семей влачила самую жалкую нищенскую жизнь».

Дорогие материи убили всякий спрос на грубые ткани, а так как научиться ткать было нетрудно, то из других производств хлынула масса привлеченных первоначально высокой платой рабочих и поколебала монопольное положение ткачей.

Исключение представляли ткачи тонких материй: кисей, батиста; здесь высокая заработная плата достигала действительно больших размеров и продержалась дольше. «Около 1793 г.—рассказывал изобретатель мюль-машины Кромптон—тканье кисей было ремеслом джентльмена. Ткачи всем своим видом походили на офицеров в высшем чине: в модных сапожках, гофрированной рубашке и с тросточкой в руке они отправлялись за своей работой и иногда привозили ее домой в карете». В ремесленной среде они считались аристократами,—«в трактире, например, им отводилась особая комната, куда другим рабочим запрещалось входить без разрешения» ²⁶).

Но «золотой век» и здесь продолжался недолго; уже во время войн с Францией заработная плата упала и затем падала все ниже и ниже. В 1790 г. некоторые ткачи зарабатывали больше 2 ф. ст. в неделю, в 1796 г. только 33 шилл., а в 1811 г. всего лишь 14 шилл. (см. таблицу № 3, стр. 146).

Что же явилось причиной этого упадка? Прежде всего удешевление производства, проводимое крупными предпринимателями за счет рабочих. Ткацкое производство приносило такую громадную прибыль, что много мелких мастеров, начав дело с маленьким капиталом, в самый короткий срок обогатились. Все эти новоиспеченные капиталисты вели между собой непрестанную борьбу и в целях конкуренции стремились удешевить свое производство. Но отказаться от своих барышей они не хотели и потому отыгрывались на рабочих, снижая без всякой жалости их заработную плату ²⁷).

С другой стороны, за период войны с французской республикой, а затем с Наполеоном I, жизнь страшно вздвинулась: бывали частые неурожаи, континентальная блокада затрудняла подвоз товаров, и цены на все продукты не-

удержимо росли*); пропасть между реальной и номинальной заработной платой все время увеличивалась, с нею возрастала и нужда среди рабочих.

И без того тяжелому положению ткачей угрожала еще новая опасность: изобретенный Картрайтом механический ткацкий станок после 1787 г. начали применять в производстве. Правда, количество их было совсем незначительно, и до 30-х гг. ²⁸⁾ XIX века сколько-нибудь серьезно они никогда с ручным трудом не конкурировали, но ткачи видели пример прядильщиков, знали, что каждая машина создает фабрику, превращает рабочего в раба и, инстинктивно чувствуя ненависть ко всякому механическому изобретению, держались всегда настороже. О прядильщиках и говорить нечего,—слишком уже много они терпели от эксплуатации фабрикантов.

Рабочие боялись машины не как конкурента,—их страшила возможность попасть на фабрику. Все выступления против машины следует объяснять именно этим фактом.

В 1767 г. рабочие напали на прялку-дженин Харгривса и уничтожили ее: та же участь постигла бы и машину Аркрайта, если бы догадливый изобретатель не успел во-время скрыться. Но как только рабочие убедились, что дженин увеличивает их заработок и не угрожает их свободе, всякие возмущения прекратились, наоборот, изобретение Харгривса пользовалось большой популярностью среди прядильщиков ²⁹⁾.

Иначе обстояло дело с ватерной машиной; она, можно сказать, создала фабричную систему, и возбуждение среди рабочих против нее было велико. Открытый взрыв последовал в 1779 г. Вся Англия в это время переживала экономический кризис: неудачная война с американскими колониями вызвала упадок торговли, банкротства промышленных фирм и большое снижение заработной платы. Кризис этот особенно отразился на хлопчатобумажной промышленности: из-за разрыва сношений с Америкой прекратился подвоз хлопка, и прядильные фабрики лишились значительной части нужного для работы сырья. Естественно, производство сократилось, а тем самым ухудшилось и без того тяжелое положение рабочих, среди которых начались волнения. В первую го-

*) См. таблицу № 2, стр. 145.

лову негодование их обрушилось на ненавистные фабрики и прядильные машины. Наиболее тревожные размеры движение приняло в области особенно быстрого развития машинизма, в Ланкашире. Известный фабрикант Веджвуд, находившийся в этот момент в районе беспорядков, оставил нам в своей переписке рассказ, имеющий ценность показаний очевидца. «По пути сюда (в Больтон),—писал он,—после того как проехали Чоубент, мы встретили на дороге толпу в несколько сот человек. Я думаю, их было не меньше 500. На наш вопрос, по какому случаю они собрались в таком большом количестве, они ответили нам, что только что разбили несколько машин и собираются сделать то же во всей округе. Таким образом, здесь предупреждены, что на завтра надо ждать их посещения; окрестные рабочие собрали уже все оружие, какое только могли достать, и заняты отливкой пуль и приготовлением запасов пороха, чтобы завтра утром начать атаку» ³⁰)... Веджвуд застал начало беспорядков, о дальнейшем их течении передает нам современный журнал. «В течение недели (между 2 и 10 октября) в разных местах около Манчестера собирались толпы народа, которые напали на фабрики и разрушили много прядильных машин. Убыток причинен громадный, так как без них (т. е. машин) промышленность не будет развиваться. В окрестностях Чорли толпа сожгла и разрушила машины и фабрику м-ра Аркрайта, причинив на очень большую сумму убыток. В воскресенье в том же месте свыше двух тысяч человек напали на большую фабрику, но войска заставили их удалиться; двое из мятежников были убиты, а 8 ранены и взяты под стражу. Однако, в понедельник мятежники вернулись с сильным подкреплением и снова разрушили много машин и фабричных зданий; прибывшие войска застали все постройки в пламени. В то же утро из Блэкберна и Вигана пришли две депеши, сообщавшие о насилиях восставших и грабежах в Больтоне и просившие немедленной помощи; считают, что в Блэкберне мятежники будут сегодня утром, а в Престоне — в 4 часа вечера. На этом основании сэр Джордж Сэвил, начальник войск в городе, посоветовался с городскими властями и выступил на центр беспорядков в округе, город Чорли». Появление войск приостановило движение, ибо, как сообщает журнал, «чернь не сочла благоразумным продолжать свои насилия» ³¹).

За все время восстания нас поражает один характерный факт—нескрываемая симпатия населения к повстанцам. «Фабрика Беркэкре была разрушена на глазах сильного отряда войск и полиции, а гражданские власти даже не попросили их вмешаться и прекратить беспорядок». «В городе Вигане на общем собрании городских властей, фабрикантов и зажиточных жителей решили впредь до особого уведомления приостановить применение прядильных и чесальных машин на фабриках». Такие случаи были очень часты, дошло до того, что в ответ на требование сессии мировых судей предать заключенных в Ланкаширской тюрьме мятежников чрезвычайному суду, юристы согласились выдать только двух из восставших, а остальных освободили ³²⁾.

Почему же восстание вылилось в форму разрушения машин? Это объясняет нам большая петиция в парламенте, представленная хлопчатобумажными рабочими Ланкашира. Они смело и открыто заявляли, что страдания их, вызванные войной и введением машин, сделались настолько нестерпимы, что привели их в отчаяние и толкнули на уничтожение машин—«причины их бедствий». По мнению петиционеров, «машины являются монополией, приносящей неисчислимые выгоды и барыши фабрикантам и предпринимателям», в то время как «джинны находятся в руках бедных,—говорили они,—патентованные машины—в руках богатых» ³³⁾. Итак, не машинизм, а монополизация средств производства в руках фабрикантов, капитализм со всей его эксплуатацией и порабощением рабочего—вот что было причиной разрушения машин в хлопчатобумажной промышленности.

Правительство и фабриканты остались глухи к жалобам рабочих. Напротив, предприниматели подали в палату общин контрпетицию, в которой доказывали пользу машин и перечисляли все приносимые ими для промышленности выгоды. Парламент согласился с их мнением и даже подтвердил все прежние законы против разрушения машин ³⁴⁾. Так окончилась попытка хлопчатобумажников облегчить свою участь легальными средствами.

Неудача петиции, подавление восстания и все больший гнет фабрики убили всякую энергию у рабочих; о восстаниях против машин мы долго ничего не слышим.

Правда, в 1792 г. ткачи подожгли первую фабрику, применившую механические ткацкие станки (в Манчестере), но

движение это прошло незаметно и никакими эксцессами не сопровождалось ³⁵⁾.

Прошло целых 20 лет, в продолжение которых хлопчатобумажные рабочие тщетно пытались добиться нормировки их заработной платы. Вопрос о машинах отступил на задний план: прядильщиков окончательно задушила фабричная система, а ткачи все еще питали надежду мирным путем улучшить свое положение.

Однако, влияние капитала чувствовалось все сильнее и сильнее, и иллюзии скоро исчезли.

Взрыв был неизбежен, и ткачи выступили на защиту своей свободы. Какие формы приняла эта борьба и чем она закончилась,—об этом мы расскажем в другом месте.

Примечания: 1) Hammonds-S. L. p. 47; 2) Chapman-Lanc. Cot ndustry, p. 2; 3) Mantoux, p. 191; 4) Hammonds, p. 49; 5) Ibid., p. 50; 6) Engels, p. 18; 7) Chapman, p. 5; 8) Hammonds, p. 50; 9) Chapman, pp. 19-22; 10) Bowden-Eng. Industr. Soc. XVIII c., p. 48; 11) Chapman, p. 153; 12) Comp. tab. of Popul. of gr. Br., pp. 130-9; 13) Mantoux, p. 249; 14) Chapman, p. 144; 15) Bowden, p. 71; 16) Chapman, p. 56; Hammonds, p. 56; 17) Chapman, p. 58; Bowden, p. 78; 18) Held, p. 589; 19) Mantoux, 2p. 245; 20) Chapman, p. 60; 21) Marx, I, p. 162; 22) Hammonds-T. L. p. 8; 23) Rep. Art. Mach., p. 30; 24) Hammonds-T. L. p. 23; 25) Hammonds-T. L. pp. 19 sq.; 26) Chapman, p. 38; 27) Ibid., pp. 39-40; 28) Hammonds-S. L. ch. IV; 29) Ibid., p. 57; 30) Daniels-Eng. Cot. Industry, pp. 82, 92; 31) Mantoux, p. 418; 32) An. Reg. 1779, pp. 229-30; 33) Hammonds-S. L. pp. 54-5; 34) Daniels, pp. 88 sq.; 35) Ibid.; 36) Hammonds-S. L. p. 71.

VI. НОТТИНГЕМСКИЕ ЛУДДИТЫ

Пусть виновный страшитсЯ, но чест-
ному
Человеку нечего бояться ни за свою
жизнь, ни за свое имущество:
Ярость нашу вызывают только ши-
рокие станки и те, кто снижает
старую плату за труд.
Эти машины злосчастные осуждены
на смерть
Единодушно всеми рабочими,
И Лудд, презирая все преграды,
Будет великим исполнителем при-
говора.

(Луддитская песня).

Тяжело пришлось рабочим Англии переживать 1811 год: у власти стояли тори, безжалостные законы о коалициях в корне прекращали всякие попытки рабочих улучшить беспросветную жизнь, а упорная и, казалось, бесконечная война с Наполеоном вырывала из их рядов сотни лучших товарищей. «Монополия земельных собственников,—говорит современник,—изнурительная арендная плата, война и ее спутники, расстройство торговли и чрезмерные налоги — вот что было причиной страданий бедняков» ¹⁾. В стране свирепствовали голод и нищета: урожай ожидался плохой, а континентальная блокада железным кольцом сдавила Англию и стесняла торговлю и производство: коммерческие фирмы лопались, как мыльные пузыри (за один 1811 г. было не меньше 2 тыс. банкротств!) ²⁾. Знаменитые приказы в совете (orders in council)*) только ухудшали положение: ввоз хлеба в

*) Приказы в совете—ответ английского правительства на континентальную блокаду; согласно этому приказу все порты Франции и ее союзников объявлялись под блокадой. Издан этот закон в январе 1807 г.

Англию из-за границы почти совершенно прекратился ³⁾; цены росли *), жизнь дорожала и все будущее сулило новые бедствия. Вдобавок на небе появилась комета, а для суеверных людей того времени она являлась предзнаменованием грядущих несчастий. В это время в газетах начали мелькать сообщения о каком-то короле Лудде и его товарищах, называвших себя луддитами, которые входили в дома, грабили, но, главным образом, ломали и портили машины, угрожая фабрикантам немедленной смертью в случае сопротивления.

Среди рабочих эти слухи приняли другую форму, они шопотом передавали друг другу, что Лудд и луддиты хотят уничтожить фабрики и машины и вернуть рабочему люду прежнюю привольную жизнь.

Кто же такие были луддиты и таинственный король Лудд?

Откуда они взялись и чего в действительности желали? Отчет палаты лордов гласил: «Наклонность к открытому и дисциплинированному мятежу проявилась впервые в ноябре 1811 г. в окрестностях города Ноттингема... Этот дух недовольства, помимо других причин, вызвало применение новых машин, давших предпринимателям возможность панимать на работу вместо мужчин женщин и детей и платить низкую заработную плату... Первыми начали беспорядки чулочновязальщики, постепенно число мятежников, называвших себя луддитами, увеличилось, и действия их сделались более опасными: многие из них были вооружены и разбиты на отряды... ломая почти без всякого сопротивления машины, они возмутили всю область между Ноттингемом и Мэнсфильдом» ⁴⁾. Так объяснялось в официальных кругах происхождение движения. Главной причиной считали вражду темных и невежественных рабочих к машинам, а затем указывали на дороговизну и особенно рост цен на хлеб ⁵⁾; не удерживались и от того, чтобы не приписать все волнения «злодейским замыслам» и агитации якобинцев и революционеров ⁶⁾.

В действительности восстание имело совсем другие цели и причины его нужно искать в другом. Разрушение машин, как мы могли убедиться из предыдущих глав, имело свою историю и являлось отдельным эпизодом в длительной борьбе предпринимателей капиталистического типа с мелкими

*) См. таблицу № 2, стр. 145.

ремесленниками-рабочими, в борьбе крупного, массового производства с домашней промышленностью.

Всеобщая депрессия в стране, низкая заработная плата и чрезмерная эксплуатация предпринимателями довели ноттингемских вязальщиков до отчаяния, они не выдержали и начали по-своему протестовать. Непосредственным поводом для этого послужила, как ни странно, мода. Континентальная блокада уничтожала связи английского рынка с континентом, предъявлявшим до сих пор большой спрос на щеголеватые изделия английской трикотажной промышленности; модными, вследствие этого, в Англии сделались темные, скромного вида наряды. Все вышедшие из моды предметы выделялись на так называемых широких вязальных станках; с переменной вкусов у публики целая отрасль трикотажного производства—а она была очень значительной—осталась без работы. Тогда хозяева стали выделять на широких станках предметы низшего сорта: из большого куса вязанья вырезывались чулки, перчатки и т. п. вещи, затем сшивались и продавались по дешевке. Скоро новые товары заполонили весь рынок, и в трикотажной промышленности началось переизготовление. Предприниматели начали бороться с ним своими обычными средствами: сокращением заработной платы. Последствия перепроизводства больно ударили не только по рабочим, но и по хозяевам предприятий, производивших щегольские товары: они должны были или продавать их дешевле, или голодать. Началось сокращение производства, и много рабочих осталось без работы ⁷). Все эти обстоятельства вызвали страшное возмущение среди рабочих; первым их побуждением было приостановить новое производство и убедить хозяев вернуться к старым методам, но, конечно, никакого успеха они не добились. Тогда рабочие обратились к парламенту—вера в его всемогущую силу и справедливость оставалась еще у них—и просили установить минимальную заработную плату, но, вместо этого, парламент заявил, что «хотя рабочие и переносят большие затруднения, но законодательные акты не принесут большой пользы, каждое производство должно решать свои дела самостоятельно», и посоветовал рабочим обратиться к лондонской компании вязальщиков и искать у нее защиты ⁸).

Но что могла сделать эта фактически уже давно не существовавшая организация? Однако, рабочие постарались хоть

как-нибудь ее использовать: старые статуты компании запрещали нанимать рабочих, не прошедших полного ученического стажа, и предписывали ломать все машины, если на них выделяют бракованные и плохого качества товары.

Как нам известно, правила об ученичестве в трикотажном производстве совсем не соблюдались, да о них давно уже и забыли. Трикотажники, однако, не преминули воспользоваться этим случаем и подали в суд на одного из ненавистных «резаков» (cutter up), так назывались предприниматели, выделявшие сшивные товары,—за нарушение законов компании. Но классовый суд всегда останется классовым: он отнесся к делу внимательно, нашел предпринимателя виновным и постановил оштрафовать его на... один шиллинг! «Несчастный» подсудимый, «в конец разоренный такими колоссальными издержками», как ни в чем не бывало продолжал вести производство по-своему, а остальные предприниматели, как только узнали о приговоре суда, с удовольствием выплачивали шиллинг, лишь бы им не мешали⁹⁾.

Рабочие все же не потеряли надежды решить дело мирным путем; они обратились теперь к затронутым промышленным кризисом предпринимателям для совместной борьбы против общих врагов. На конференции обе стороны договорились: предприниматели обещали повысить заработную плату и общими силами принудить «резаков» отказаться от выделки сшивных товаров и понижения цен. Но рабочие не дали себя использовать в качестве средства для повышения барышей своих «друзей» — предпринимателей и в своих мерах борьбы пошли гораздо дальше, чем желали их «друзья».

11 марта 1811 г. большая толпа рабочих-вязальщиков собралась на рыночной площади в Ноттингеме; собравшиеся постановили создать широкую организацию для борьбы за повышение заработной платы и поклялись разрушить ненавистные станки¹⁰⁾.

Разрушители с самого начала приняли название луддитов и во всех случаях действовали от имени Неда Лудда или генерала Лудда. «Настоящий Лудд, как рассказывает предание, был за 30 или 40 лет до этого подмастерьем в городе Лестере. Как-то раз он не поладил со своим хозяином, последний обратился к полиции и по ее постановлению приказал отодрать несчастного Лудда плетью. Рассерженный малый взял тогда молот и разбил свой станок вдребезги».

С тех пор среди вязальщиков установилась поговорка «поступать как Нед Лудд», т. е. разбить станки¹¹⁾.

Однако, вернемся к нашему рассказу. На упомянутом уже митинге рабочие, повидимому, и составили любопытное послание, якобы отправленное из «конторы Неда Лудда в Шервудском лесу» в министерство внутренних дел. В этом письме трикотажники ссылались на постановление компании вязальщиков уничтожить все бракованные товары и выделяющие их станки и заявляли, что разобьют все станки, на которых вырабатывают шивные изделия и хозяева которых платят рабочим низкую плату. Глубокомысленные бюрократы из министерства не могли придумать лучшего ответа, как наложить на письмо резолюцию: «за ненахождением адресата—невозможно ответить»¹²⁾.

Письмо трикотажников явилось как бы объявлением войны, за ним сейчас же последовали и самые военные действия: вечером, в начале марта, в местечке Арнольд было сломано свыше 60 вязальных станков, принадлежавших одному из ненавистных предпринимателей¹³⁾. В следующем месяце рабочие уничтожили еще несколько станков, а затем движение остановилось. Рабочие, очевидно, собирали силы и укрепляли свою организацию. Как во время первых выступлений, так и в дальнейшем уничтожались только широкие станки или другие станки там, где выплачивалась низкая плата. Лишь в одном или в двух случаях произошла ошибка; сломали станки, работавшие на «полной плате», но разрушители сейчас же принесли извинение.

К ноябрю организация разрушителей машин приняла определенную форму и могла теперь приступить к планомерным и организованным действиям.

4 ноября поломки машин возобновились. «Вязальщики собирались в разных местах около Ноттингема в большом числе и оттуда направлялись к собственникам широких станков; замаскированные люди силой врываются в дома, требовали прекратить работу и повысить заработную плату»¹⁴⁾.

Каждый владелец широких станков заранее получал уведомление и, если он отказывался прекратить производство шивных материй, все товары и машины в его мастерской подверглись уничтожению.

Таким образом 14 ноября одному предпринимателю в Бельвэзе луддиты (мы будем теперь так называть разрушителей машин) предложили обычные условия, но так как он, повидимому, отказался, они пригрозили ему. Нападения на свою мастерскую он ждал в понедельник и потому заранее приготовился к защите: вооружил всех своих домочадцев, забаррикадировал дом и стал ожидать прихода врагов.

Лидер луддитов, переодетый в женское платье (карикатура 1812 г.).

Последние не замедлили явиться: ночью они подошли к его дому и потребовали впустить их в мастерскую или выдать машины. Предприниматель не согласился ни на то, ни на другое; тогда луддиты начали обстреливать дом, осажденные ответили выстрелами. В перестрелке один из нападающих был убит в то время, когда он пытался разбить окно и войти в дом. Его товарищи удалились с убитым, но вскоре вернулись и повели атаку с удвоенной силой. Они выбили двери, ворвались в дом и предали бы смерти всю семью хо-

зяина мастерской, если бы те не убежали через заднюю дверь. Нападавшие сломали все машины в мастерской и сожгли все, что могли.

Через два дня луддиты подстерегли транспорт, перевозивший из Сэттона в Басфорд пять широких станков, моментально отобрали их, железные части сломали, а деревянные тут же на улице сожгли. В тот же день луддиты направились в Сэттон и там разрушили у наиболее богатых предпринимателей все широкие станки. На следующий день луддиты опять собрались среди бела дня в Сэттоне и разбили 53 станка ¹⁵).

В течение ноября и декабря ломка машин продолжалась тем же темпом. Ни предприниматели, ни городские власти совершенно не были в состоянии защитить рассеянные по отдельным мастерским машины. Это тем более было трудно сделать, что вязальщики открыто симпатизировали луддитам и отнюдь не думали охранять собственность ненавистных хозяев ¹⁶). Местные власти обратились с воззванием о немедленном прекращении беспорядков, мобилизовали милицию и вызвали войска; но местный гарнизон состоял только из 30 пехотных драгун и, конечно, ничего не мог сделать ¹⁷). Шериф отдал приказание арестовать казавшихся подозрительными вязальщиков и заключить их в тюрьму, но волнения не прекратились. Перепуганные власти отправили тогда посланного к правительству с просьбой выслать военное подкрепление. После прихода кавалерии и драгунского полка положение в Ноттингеме, казалось, улучшилось, но в окрестных деревнях разрушение машин продолжалось, хотя и с меньшей силой. Луддиты действовали теперь осторожно.

Наступил январь, но волнения не утихали и даже приняли еще большие размеры. Все буржуазное население Ноттингемского графства, Лестершира и Дербишира, куда теперь перекинулось движение, страшно всполошилось. «Во многих городах этого графства—рассказывает современник—и на границах Дербишира тревога и страх жителей настолько велики, что они боятся ночью спать и по очереди несут дежурства для охраны своей собственности» ¹⁸). Прибытие войск отнюдь не испугало луддитов, они только переменили тактику. «Дожидались, пока охрана случайно не уходила, затем входили в мастерские, уничтожали все станки и, прежде чем могла

быть поднята тревога, по сигналу своего командира исчезали во тьме» ¹⁹).

В течение первой недели января они сломали только три станка в Ноттингеме; предприниматели начали было уж думать, что движение прекращается, как вдруг луддиты появились в Басфорде, разбили там 9 станков, а затем в одном из самых населенных пригородов Ноттингема сломали в куски еще несколько машин, и все это совершалось на глазах у местных властей самым безнаказанным образом; никто не осмеливался удерживать луддитов, они, спокойно выполнив свое дело, разбежались.

Волнения то вспыхивали, то затихали, и когда думали, что они уже кончились, снова появлялись луддиты и разрушали новую партию станков. В течение января ломка машин увеличилась, во многих случаях мастерские поджигались; вся область средних графств, т. е. Ноттингемшир, Дербишир и Лестершир, сделалась ареной луддитского движения ²⁰).

Смелые действия луддитов нагнали на предпринимателей панику: одна за другой посылались отчаянные депеши с просьбой прислать больше войск; местная милиция и прибывшие войска то и дело отправлялись в разные уголки графства, чтобы усмирить волнения, но, конечно, всегда опаздывали.

«Невозможно описать состояние умов в этом городе в течение последних 4—5 дней, рассказывает один ноттингемский обыватель: днем и ночью по улицам парадируют в разных направлениях войска, так что создается полное впечатление войны» ²¹).

Чувствуя за собой поддержку большинства населения (в пользу разрушителей машин собирались даже пожертвования) ²²), луддиты проявляли необычайную смелость. «В конце января они переправились через реку Трент, вошли в селение Реддингтон и сломали там 14 станков, оттуда они направились в Клифтон и разрушили там все станки, оставив в целости только 2. Клифтонские власти в страхе послали извещение в Ноттингем и просили прислать эскадрон гусар. Там собрали сколько могли людей, и они выехали в Клифтон с наивозможной скоростью: одна часть их пустилась в погоню за луддитами, а другая осталась сторожить все переправы через Трент в полном убеждении, что луддитам не удастся ни за что скрыться. Но разрушители машин были

настолько организованы, что нисколько не растерялись: взяли лодку, о которой никто и не подозревал, и под шумок в полной безопасности переехали через реку»²³). ! !

В другой раз дело произошло в Басфорде: луддиты прибыли туда, чтобы уничтожить вязальные станки в мастерской некоего Уилльяма Барнса. Последний заранее выхлопотал себе охрану из трех солдат. Но луддиты вошли в дом и тотчас обезоружили стражу; двое стали на часах, остальные тем временем сломали машины, а затем разрядили солдатские ружья, освободили солдат и, пожелав им спокойной ночи, скрылись.

Иногда действия луддитов принимали характер издевательства над властями; так, в том же Басфорде они через несколько дней разбили еще три станка, водрузили один из них на крышу деревенской тюрьмы и оставили его там на потеху собравшейся толпы.

Как же охраняли спокойствие вверенных им граждан городские власти? Они были столь же напуганы, как и предприниматели, и потому действовали поспешно, без всякого плана и в состоянии крайнего замешательства. Когда в Котгрэве были сломаны станки, за виновниками послали в погоню три роты солдат. Через некоторое время они вернулись, торжественно ведя трех пленников; по ближайшем рассмотрении оказалось, что двое из них — потерпевшие предприниматели, а третий — всем известный сумасшедший, бродивший всегда в окрестностях. «Много смеха, добавляет сообщение, вызвала у окружающих эта картина: на телеге оборванный сумасшедший, а кругом конвой из десяти бравых гусар и офицера. Бедняга, вероятно, был схвачен во время своих скитаний и, по обыкновению, отказался назвать себя»²⁴).

Движение приняло настолько тревожный характер, что центральное правительство обеспокоилось: оно увеличило присылку войск в охваченные движением графства, откомандировало двух опытных полицейских чиновников и много сыщиков, которым удалось в конце концов арестовать много лиц, но по общему признанию вряд ли среди них был хоть один настоящий луддит, так как ни от кого нельзя было добиться точных показаний²⁵).

В течение всего февраля, несмотря на принятые правительством меры, продолжались волнения луддитов; иногда они даже вступали в столкновения с войсками²⁶), но к концу

месяца движение начало стихать. «О беспорядках в Ноттингемшире и близлежащих округах—писало «Ноттингемское обозрение» от 3 марта—мы уже целую неделю ничего не слышим»²⁷). Действительно, ни в марте, ни в последующие месяцы газеты никаких сообщений о движении не дают. А между тем, до этого они аккуратно отмечали каждую поломку машин, все страницы английской прессы были обыкновенно переполнены рассказами об «ужасах» луддитов,—нужно поэтому думать, что волнения прекратились.

Что же случилось? Какая причина помешала дальше развиваться движению?

Дело в том, что параллельно с поломкой машин вязальщики с декабря месяца начали вести переговоры с хозяевами и на страницах местной печати появлялись то благодарственные адреса, то воззвания рабочих к предпринимателям. Предмет дискуссии оставался все тот же: повышение заработной платы и изъятие широких станков. Предприниматели были так напуганы, что с радостью шли на уступки, лишь бы только не трогали больше их мастерских. Настроение хозяев рисует появившееся в «Ноттингемском журнале» 1 февраля 1812 г. курьезное заявление. Некий К. Шитли, чулочник-предприниматель, объяснял, что он перебрался в Мэнсфильд не для того, чтобы вредить производству или выделывать незаконные товары, а просто потому, что он слышал о намерении рабочих уничтожить все станки в округе без различия. Он горько жаловался на ложные сообщения, уверял, что прекратил ненавистные работы, и надеялся, что ему не причинят больше зла²⁸).

В течение первых месяцев 1812 г. шли переговоры, и в конце концов предприниматели согласились на все условия вязальщиков. Фэлкин, автор книги о трикотажном производстве, рассказывал, что по просьбе своих хозяев он провел на лошади весь день, передавая из селения в селение главарям вязальщиков радостные вести о прибавке заработной платы; «нужно было спасти, добавлял он, вязальные станки нашей фирмы, а их было три тысячи»²⁹).

Предприниматели буквально были прижаты к стене: несмотря на военную силу и защиту властей, все трудовое население находилось на стороне луддитов. «Страх, внушаемый их энергичными и планомерными действиями, сочувствие низших классов, всячески укрывавших и помогавших

им,—лишали всякой возможности найти или захватить виновных»—признавал с нескрываемой грустью доклад палаты лордов³⁰).

Помимо повышения заработной платы, существовала еще одна причина, которая в сильной степени способствовала ликвидации движения. Едва вязальщики договорились с предпринимателями, как приняли меры к тому, чтобы закрепить свои достижения законодательным путем. Они создали путем пожертвований денежный фонд для оплаты адвокатов и других расходов и внесли в палату общин билль «о предотвращении всех злоупотреблений в трикотажной промышленности»; билль этот воспрещал производство сшивных товаров, truck-систему и устанавливал определенные расценки заработной платы.

Рабочие направили на него теперь всю энергию, все свои силы. Однако и здесь они напрасно понадеялись на парламент: палата общин приняла билль в сильно искаженном виде, все наиболее существенные желания рабочих выкинули, оставив только пункт о трек-системе. Даже и в такой скромной форме его не удалось провести в жизнь. После речей лордов Ливерпуля, Сидмоуса и других членов министерства билль был отвергнут палатой лордов; вся борьба, все лишения вязальщиков сводились на-нет, предприниматели воспользовались их поражением и опять снизили заработную плату³¹).

Некоторые решительные головы предложили было снова взяться за разрушение машин, но большинство пало духом, денежные средства были поглощены парламентской кампанией, и для новой борьбы уже не хватало сил. Так кончился первый период луддитского движения. Две существенные черты в нем поражают нас: во-первых, движение это было почти бескровным; несколько луддитов заплатили, правда, своей жизнью за счастье своего класса, но сами они, несмотря на ужасные измышления правящих классов, не убили никого.

Другой факт, также очень показательный для луддитского движения,—массовый характер его. «Не было обнаружено—правильно замечает Коббет—никаких доказательств подстрекательства, никаких признаков заговора. Министерство не может обнаружить агитаторов. До сих пор все это движение по самому своему существу народное»³²).

Действительно, луддитское движение не имело никакого политического руководства, по мере надобности в каждом округе выдвигался особенно энергичный рабочий и брал на себя руководство всеми действиями. В волнениях участвовала отсталая и малосознательная часть вязальщиков, все же представители их наиболее развитого и передового слоя, в лице рабочих союзов и клубов, стояли в стороне. Гревенор Хенсон, один из крупнейших впоследствии деятелей рабочих-вязальщиков и основатель их тред-юниона, относился к тактике луддитов отрицательно и уговаривал их перейти к профессиональной борьбе. «Я советовал им—рассказывал он—образовывать клубы и союзы, так как поломка машин просто акт мести»³³).

Итак, луддитское движение было разбито, и правящие классы не замедлили расплатиться с несчастными трикотажниками за все перенесенные страхи, тревоги и убытки.

В середине марта 1812 г. был назначен суд. Но улики против обвиняемых власти не имели, поэтому полиция обратилась к подкупу и таким путем добыла кое-какие сведения. Тем не менее, даже доносчики не решились рассказать все: «мы не можем, заявили они, предать на смерть своих ближних»³⁴). Вряд ли, однако, эти доносы доставили суду много ценных сведений, в этом признавались и сами местные власти. «Накануне процесса—писал городской клерк Ноттингема министерству внутренних дел—многие рабочие становились доносчиками, чтобы на полученные деньги (доносы ведь оплачивали) нанять для подсудимых адвоката»³⁵). Вообще почти все население Ноттингема проявляло к заключенным самое дружеское участие: в их пользу собирали деньги, а два доносчика «не за страх, а за совесть», получившие от правительства крупные суммы за свое предательство, так и не смогли жить в Ноттингеме,—презрение жителей заставило изменников переселиться в более отдаленные графства³⁶). Когда же одна доносчица отправилась в полицейское управление для дачи показаний, толпа на улице чуть не убила ее, и только военный конвой спас ее от смерти³⁷).

Наконец, открылось заседание суда, толпы народа, ожидавшие вынесения приговора, были настолько велики, что городские власти «на всякий случай» вызвали усиленный наряд войск: в народе ходили слухи, что осужденных должны по дороге из суда освободить³⁸).

Естественно, приговор оказался мягче, чем того желали предприниматели; недаром глава реакции, лорд Сидмоус, выразил свое неудовольствие по поводу «снисходительности» судьи Бэйли, который рассматривал «мятежников» как обыкновенных преступников и назначил им слишком легкие наказания³⁹).

На деле приговор был не так мягок, как казалось достойному лорду: семь обвиняемых получили от 7 до 14 лет каторги каждый, а среди них были и шестнадцатилетние юноши. Даже судья Бэйли не мог не признаться, что двое из обвиняемых, Маршалл и Грин, были хорошие люди и совершили преступления, не сознавая его последствий, а третий вряд ли был виновен⁴⁰).

С окончанием процесса прекратились разговоры о луддитах-вязальщиках, только в 1816 г. мы еще раз на короткое мгновение слышим о них. Под влиянием голода, падения цен и общего экономического кризиса началось снова разрушение машин, но оно не принимало уже таких больших размеров, как прежде, и правительство быстро расправилось с ним. Волнения 1816 г. происходили среди вязальщиков кружев в Лестершире. В мае высокая заработная плата (30—60 шилл. в неделю) была неожиданно снижена на нескольких фабриках в г. Лоборо*). Рабочие запротестовали, а некоторые предприниматели согласились снова повысить расценки за работу; только один из них, известный изобретатель механической кружевной машины Хискотт, отказался. Тогда рабочие решили принять свои меры против упрямого фабриканта. В ночь на 28 июня 17 человек в масках направились к фабрике Хискотта, их сопровождало еще около сотни сочувствующих, оставшихся около фабрики на страже. За полчаса луддиты разрушили 53 машины, причинив убытки на 6 тыс. ф. ст. Всю фабричную охрану они связали, а одного, по имени Эшер, оказавшего сопротивление, ранили. Окончив свое дело, они вернулись еще раз, чтобы пожать руку раненому Эшеру. «Уходите скорей,—сказал он им,—у меня будет доктор»⁴¹)—так велико было чувство симпатии у рабочих к луддитам.

По поводу «дела в Лоборо» предприниматели подняли страшный шум, организовали самое тщательное следствие,

*) В кружевном производстве фабричная система была введена много раньше, чем у чулочников, именно с 1810 г.

однако, им удалось арестовать только одного участника, Билля Тауля, судившегося еще в 1812 г. За покушение на убийство Эшера он был приговорен к смертной казни. До самого конца Тауль оставался тверд, и судьи так и не узнали имен его сообщников.

Между тем, бедность и низкая заработная плата доводили рабочих до крайности и время от времени происходили отдельные случаи поломки машин, так что местные власти вызвали войска. Никто однако из луддитов не был найден, большинство было на их стороне и всеми мерами укрывало от преследования полиции⁴²⁾.

Наконец, в июне Джон Блекберн, один из участников дела Лоборо, был случайно арестован и выдал под страхом смерти всех своих товарищей. По его доносу местные власти схватили еще 13 человек, один из которых тоже сделался предателем. На основании показаний обоих провокаторов суд приговорил к смерти 6 человек: Митчеля, Кроудера, Амоса, Саведжа, Тауля и Уизерса, а остальных к пожизненной ссылке. Лестерские судьи своей жестокостью возместили предпринимателям излишнюю «мягкость» судьи Бэйли.

Этого мало. Даже накануне смерти несчастных луддитов не оставили в покое: их моральные муки были, вероятно, так велики, что ради спасения жизни они оговорили ряд совершенно не причастных к луддизму лиц, вроде майора Картрайта, Фрэнсиса Бердетта*) и Гревенора Хенсона (который в это время хлопотал в Лондоне о помиловании осужденных).

Шесть виселиц положили навсегда конец луддизму. Все, кто мог возглавлять движение, были или казнены и сосланы, или бежали из страны, и скоро разрушение машин сделалось легендой⁴³⁾.

Лишенные всякой поддержки и совета, вязальщики применяли старые, давно им известные способы борьбы—ломку машин; они не преследовали никаких политических целей, о которых вряд ли имели какое-нибудь понятие. Самым важным для них казалось остановить эксплуатацию предпринимателей и добиться сносных условий существования. «Только нужда и голод принуждают нас к крайним мерам,—говорили луддиты,—мы же хотели бы жить мирно и иметь возмож-

*) Известные в то время радикалы.

ность воспитать наших детей в духе честного труда и любви к богу». Выразителем этих стремлений и явился луддизм. Движение это не было пролетарским, как думают некоторые, а, наоборот,—защищало интересы отсталых рабочих домашней промышленности. Субъективно луддиты представляли протест против зарождающихся капиталистических отношений, но объективно, оставаясь классом в себе, они звали не вперед, а назад. И поскольку они воплощали идеалы прошлого, они должны были потерпеть поражение и отступить перед новой, тогда молодой и свежей еще силой—промышленной буржуазией.

После поражения луддитского движения, капитализм и фабричная система сделали большие успехи в трикотажном производстве, но вязальщики теперь последовали совету Гревенора Хенсона и под его руководством образовали сильный рабочий союз, вступивший в борьбу с буржуазией и капиталом, как один из отрядов английского пролетариата.

Примечания: 1) Beaumont, p. 99; 2) An. Reg. 1811, p. 272; 3) Galpin-Grain Supply during Napoleonic wars, p. 80; 4) An. Reg. 1812, p. 385; Parl. Deb. XXIII, p. 1029; 5) An. Reg. 1812, p. 386; Parl. Deb. XXIII, p. 1030; 6) Parl. Deb. XXIII, p. 796; 7) Hammonds-S. L. pp. 226-7; 8) Hammonds-Rise of modern ind., p. 106; Rep. Fr. work knit., p. 268; 9) Hammonds-S. L. p. 227; 10) Ibid., p. 259; 11) Beaumont, p. 103; 12) Ibid.; 13) Hammonds-S. L. p. 261; 14) An. Reg. 1811, p. 129; 15) Ibid., p. 130; 16) Hammonds, p. 260; 17) An. Reg. 1811, p. 130; 18) Ibid. 1812, p. 11; 19) Ibid., p. 12; 20) Ibid., p. 16, 18, 19; 21) Ibid., p. 20; 22) Parl. Deb. XXIII, p. 1032; 23) An. Reg. 1812, p. 20; 24) Ibid., p. 21; 25) Ibid.; Parl. Deb. XXIII, p. 1030; XXI, p. 652; 26) An. Reg. 1812, p. 20; 27) An. Reg. 1812, p. 32; 28) Hammonds, p. 265; 29) Ibid. Felkin-Hist. of hos. & lace, p. 233; 30) An. Reg. 1812, p. 386; Parl. Deb. XXIII, p. 1030; 31) Hammonds, p. 229; 32) Cobbett's Week. Pol. Reg. XXII, p. 99; 33) Rep. Art. & Mach., p. 282; G. Henson's evidence; 34) Hammonds, p. 268; 35) Ibid.; 36) Ibid., p. 269; 37) An. Reg. 1812, p. 16; 38) Pellew-Life & corresp. of Sidmouth III, p. 88; 39) Ibid.; 40) Hammonds; p. 269; 41) Ibid., p. 239; 42) Ibid., pp. 239-40; 43) Ibid., p. 241.

VII. ИОРКШИРСКИЕ ЛУДДИТЫ

Делай «Енох» свое дело!

(Клич луддитов).

Идите все стригали смело и твердо,
Пусть больше крепнет ваша вера;
О, ребята—стригали в графстве Йорк
Разбили машины на фабрике Фостера.
Ветер дует,
Искры летят,
Весь город скоро тревогой наполнит.

(Луддитская песня).

Это настоящая месть оптом.

(Из письма Генри Брума).

Не успел еще умолкнуть треск разбиваемых машин в Ноттингемшире, как восстание перекинулось в другие отрасли производства, прежде всего суконное, центром которого был Вест-Райдингский округ в Иоркшире.

Слушая рассказы о подвигах ноттингемских луддитов, у суконщиков невольно разгорался пыл борца и руки сами собой хватались за «Еноха»—молот, страшное орудие будущих иоркширских разрушителей машин.

Самую главную роль в иоркширском движении сыграли рабочие-стригали, воинственные и независимые, неоднократно уже державшие в страхе своих хозяев. Последние готовились теперь окончательно подавить всякое сопротивление своих давнишних врагов.

В главе об успехах машинизма в суконной промышленности мы рассказывали, что еще в начале XIX века предприниматели-суконщики оборудовали механические стригальные мастерские и начали организовывать большие фабрики. Капитализм готовился своей железной рукой задуть последние остатки рабочей свободы.

В 1811 и 1812 гг. предприниматели в Вест-Райдинге особенно широко начали применять новые машины. А между тем для своих новшеств они выбрали очень неудачный момент: в 1812 г. был на редкость плохой урожай, цены на съестные припасы поднялись на небывалую высоту (хлеб 155 шилл. за кварталер*), войне не видно было конца, а «приказы в совете» мешали ликвидировать голод. Недаром Генри Брум, представитель либеральной буржуазии в парламенте, резко заявил правительству: «Вы уничтожили единственное средство от голода, единственную помощь, которой мы могли воспользоваться при плохой жатве, закрыв для нас американский хлебный рынок. Отрицать, сэр, что эти меры («приказы в совете») вызвали голод—просто абсурд»¹⁾. В таких условиях невозможно было молчать, и так как стригали давно убедились, что никакие разговоры с хозяевами не помогут, то решили действовать по примеру ноттингемцев. Давнишняя привычка к организованности и большой боевой опыт помогли стригальям быстро объединиться и выработать строгий план действий. Все симпатии окружающего рабочего населения были на их стороне, и они могли рассчитывать всегда как на моральную, так и на денежную поддержку. А для того, чтобы измена не проникла в их ряды, стригали требовали от каждого принести особую присягу на верность²⁾.

Стригали также приняли название луддитов, а приемы их борьбы мало чем отличались от вязальщиков, но движение первых носило более организованный характер и превратилось чуть ли не в настоящую партизанскую войну. Боевые действия начались в конце февраля 1812 г. Неожиданно «около отделочных мастерских Джозефа Херста в окрестностях Гедерсфильда собралась большая группа рабочих в масках или с вымазанными сажей лицами, ворвалась в помещение и вдребезги изломала все стригальные и ворсильные машины. Той же участи подверглись через некоторое время и другие фабрики, в Крослэнд-Муре, Спэйтуэйте, Гольмферсе, Ринзе и Хорбери»³⁾.

Вот как описывают современники разрушение машин в Хорбери: «Приблизительно в 12 часов ночи фабрика Дж. Фостера была окружена большой толпой замаскиро-

*) См. таблицу № 2, стр. 145.

ванных и вооруженных лиц. Они поставили сторожевых у всех входов и выходов и, обезопасив себя таким образом, вломались в ворсильные отделения. Здесь они изломали на мелкие куски стригальные машины, затем направились в другие отделения и уничтожили всю пряжу, а потом побили все окна. В самом начале действий от главного отряда отделилась небольшая группа и направилась к квартире сыновей фабриканта. Выбив двери, нападавшие вошли в комнату молодых людей и потребовали под страхом немедленной смерти выдать им ключи от фабричных зданий; двух жильцов они связали и положили на пол, а остальным приказали сопровождать их с ключами. После того, как машины были разбиты, луддиты подожгли все постройки и удалились. Предварительно они, однако, собрались неподалеку в открытом поле; начальник отряда сделал переключку, при чем каждый называл себя не по имени, а номером. Убедившись, что все обстоит благополучно, предводитель сказал: «Работа выполнена, расходитесь, ребята»; приказание его было тотчас исполнено»⁴).

Подобным образом было разрушено еще много машин в Роудене, Лидсе и других местах⁵).

Восставшие действовали смело и открыто; очевидцы рассказывали, что они видели, как по большой дороге между Горбери и Уэкфильдом проходили военным маршем разрушители машин; их шествие напоминало передвижение регулярных войск. «Впереди ехали верховые с обнаженными саблями, а за ними остальная толпа, построенная в военном порядке и хорошо вооруженная, в качестве аррьергарда следовали снова всадники»⁶). Без всякого страха луддиты почти каждый день устраивали смотр своим силам и практиковались в стрельбе. «Военные патрули по берегу реки Кальдер, около города Уэйкфильда, передавали, что в течение всей ночи они слышали настолько частую ружейную пальбу, как будто происходили военные занятия»⁷).

Между тем, несмотря на угрозы и требования луддитов прекратить новый способ производства, фабриканты продолжали закупать ворсильные машины и устанавливать их на фабриках, а заработную плату они и не думали повышать. В то же время наученные прошлым опытом они немедленно приняли меры для пресечения волнений: они послали в город Беверли к генералу Вайзу депешу с просьбой о при-

сылке кавалерии; полиция установила дежурства, а некоторые наиболее энергичные фабриканты образовали тайное общество для борьбы с разрушением машин⁸⁾.

Поведение хозяев сильно раздражило луддитов, особенно ненависть возбуждали у них Уиллиам Картрайт, владелец крупной суконной фабрики в Роуфольдсе, около Геддерсфильда, и Уиллиам Горсфоль, марсенский фабрикант. Рабочие давно думали посчитаться с ними, но фабриканты были на-стороже, фабрики их охранялись верными людьми, а кроме того, на подмогу к ним власти откомандировали солдат.

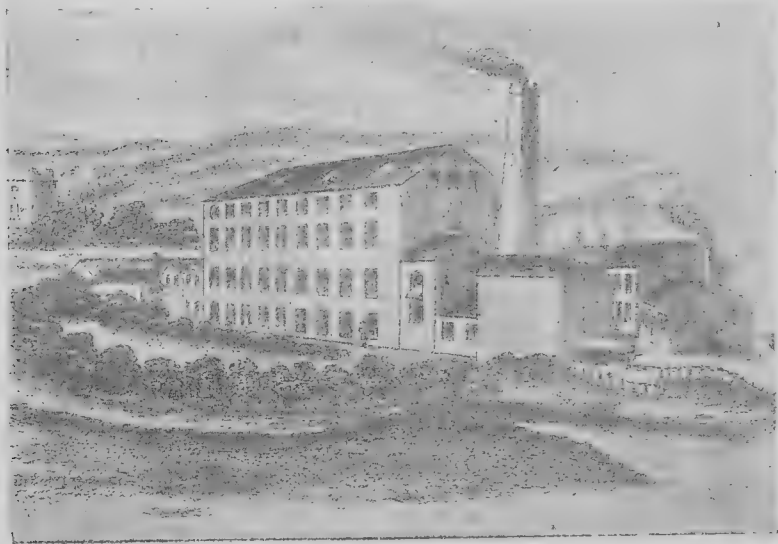
В конце концов, однажды поздним вечером, в таверне св. Криспина, в городе Галифаксе, собрался митинг луддитских делегатов от всех местных организаций в Вест-Райдинге; сюда же явился и представитель ноттингемских луддитов. Собрание открылось речью Джона Бэнса, ветерана революции, старого участника революционных рабочих обществ. Он призывал всех собравшихся объявить смертельную войну всем аристократам, которые «живут и жиреют за счет рабочих». «Они хотят задушить нашими руками французскую свободу,—говорил он,—все земли, должности и пенсии захвачены ими, а рабочие в это время прозябают... Да здравствует борьба против угнетателей! да здравствует демократия!»—закончил свою речь старый революционер. Гром аплодисментов покрыл его последние слова. Однако, большинство делегатов отнеслось отрицательно к политической борьбе. «Пусть другие делают, что хотят,—заявил Джордж Меллор, вождь геддерсфильдских луддитов,—если мы будем обращать внимание на такие пустяки, то у нас ничего не выйдет. Раз в нас стреляют, почему мы не должны ответить тем же?». Меллор выражал мысли всех присутствовавших, поэтому было решено предварительно собрать оружие, а затем, в ночь на 11 апреля напасть на фабрику Картрайта и уничтожить ее со всеми машинами⁹⁾.

Приготовления начались. В последующие дни жители окружающих мест со страхом рассказывали о ночных посещениях луддитов, которые ночью ходили по домам и отбирали массу разного оружия¹⁰⁾.

Они развили самую энергичную деятельность: посланцы отправились во все близлежащие города Вест-Райдинга

предупредить тамошних луддитов о предполагаемом выступлении и просить их помощи. Лидс, Геддерсфилд, Галифакс, Гекмондайт и еще несколько городов обещали принять участие и быть к назначенному сроку наготове. От всех сочувствующих собирались денежные пожертвования, а военные упражнения проводились еще более внимательно и тщательно¹¹⁾.

В свою очередь Картрайт всем поведением своим как будто бросал вызов возбужденным стригаям,—он не прекращал работ на своей фабрике, и даже выписал новые

Фабрика Картрайта в Роуфольдсе.

ворсовые машины. Они, однако, не прибыли к месту назначения; луддиты захватили их по дороге и уничтожили.

Все эти обстоятельства заставляли ждать скорого нападения, и Картрайт заблаговременно принял самые тщательные меры для защиты. Как он сам рассказывал впоследствии на суде, в течение 6 недель он спал на фабрике, заготовил необходимое количество боевых припасов и оружия, а за неделю до нападения приказал своим рабочим ночевать вместе с ним¹²⁾.

Наступил, наконец, ожидаемый день. Картрайт к этому времени вполне приготовился: он забаррикадировал свою

фабрику и вызвал военную подмогу; защита была немногочисленна: не считая самого Картрайта, четверо его рабочих и пять солдат ¹³).

Между тем луддиты подготовились тоже. Темной ночью они собрались на поле близ Лонгройд-Бриджа,—около 150 человек, стригали из Геддерсфильда, Галифакса, Леверседжа и других мест; не пришли только из Лидса. Все прибывшие вооружились чем могли: ружьями, пистолетами, топорами и тяжелыми молотами («Енох»); предводительствовал всем отрядом Джордж Меллор, уже упоминавшийся стригаль из Лонгройд-Бриджа. Он разбил всех по роду оружия на отдельные группы, проверил все ли в порядке и дал знак двигаться. После часа ходьбы они достигли ворот фабрики ¹⁴).

Что произошло дальше, рассказывает сам Картрайт. «Около половины первого ночи я собирался лечь спать, как вдруг услышал лай сторожевой собаки. Я выскочил из постели, предполагая, что пес поднял ложную тревогу; по моим расчетам, первыми должны были это сделать часовые снаружи. Однако, едва лишь я открыл дверь, как меня оглушил треск выстрелов и звон выбиваемых в нижнем этаже окон. В это время начался страшный стук молотов в дверь, а одна часть нападавших прошла к другой двери, в конце здания. С одной стороны фабрику защищал пруд, а с другой к ней вела только узенькая тропинка. Как только мы услышали выстрелы и шум,—говорит Картрайт,—мы тотчас бросились к оружию, не успев даже вполне одеться (я и не подумал об этом), и открыли беглый огонь. На крыше находился колокол, который должен был предупредить о нападении маленький отряд кавалерии, находившейся по соседству. Этот колокол непрерывно звонил, но, к сожалению, веревка лопнула и сигналы прекратились. Нападавшие поддерживали стрельбу значительное время. Я слышал страшный треск двери и глухие удары молотов; от времени до времени раздавались крики: «бейте, ребята! как у вас идет дело? держитесь крепче! к чорту колокол, да уймите вы его!» Непрерывная перестрелка, по моим соображениям, продолжалась минут двадцать, в течение которых мы произвели около 140 выстрелов» ¹⁵).

Однако, двери были слишком крепки,—они не поддались даже страшным ударам топоров, и нападавшие принуждены были скоро удалиться ¹⁶).

Во время атаки произошел любопытный инцидент, который показал, что «луддитская зараза» проникла и в солдатскую массу. В самый разгар перестрелки один из присланных Картрайтом солдат вдруг положил ружье и перестал стрелять. Картрайт обратил на это внимание и спросил, в порядке ли ружье. «Да», ответил солдат, не меняя поло-

Нападение луддитов на фабрику Картрайта.

жения. «Тогда, почему ты не стреляешь?»—«Я могу убить кого-либо из своих братьев», был ответ ¹⁷).

Как только все утихло, защитники фабрики вышли во двор; первое, что они услышали, это крики раненых: «Ради бога,—кричал один,—убейте меня и избавьте от страданий!» «Помогите, помогите!»—стоил другой,—я знаю все и обо всем расскажу!» Как оказалось, это были луддиты, раненые при перестрелке: один из них—Сэмюэль Гартли, бывший стригаль Картрайта, 24 лет, а другой—19-летний мальчик,

сын соседнего священника, Джон Бутс. Он сперва был горячим приверженцем учения Оуэна, но присоединился к луддитам под влиянием своего друга Джорджа Меллора ¹⁸).

Тут-то и проявился холодный и жестокий характер Картрайта: он не посмотрел на страдания раненых и оставил их лежать на холоде до прихода соседей. «Я боялся,—объяснял он потом,—чтобы меня не обвинили в их убийстве» ¹⁹).

В числе прибывших находился местный священник, «достопочтенный» Гаммонд Роберсон. История рассказывает, что он, как и Картрайт, отказался помочь несчастным, пока они не откроют имен своих сообщников. Лишь по настоянию владельца местного химического завода им дали воды, затем перенесли в гостиницу. Бутс, раненый в ногу, не перенес ампутации и через несколько часов скончался. Уже находясь в агонии, он знаком подозвал к себе священника, присутствовавшего тут же, и слабым голосом спросил его: «можете ли вы сохранить тайну?». «Да», «да»,—поспешно ответил священник, думая что-нибудь узнать. «И я также», прошептал Бутс и тихо скончался.

Гартли промучился целый день и умер, не произнеся ни слова ²⁰). Похороны убитых состоялись через несколько дней; тысячи человек проводили их до могилы. Когда же власти запретили оказывать последние почести умершим, негодование толпы было безмерно, раздались возгласы: «отомстим за кровь невинных!» ²¹). Жестокость Картрайта озлобила и без того раздраженных своей неудачей луддитов, и они поклялись убить его ²²). Самым удобным, по их мнению, было подстеречь его по возвращении из Геддерсфильда, где он присутствовал на процессе солдата, отказавшегося стрелять.

Суд длился недолго, солдата приговорили к 300 плетей. По окончании суда, Картрайт возвращался верхом домой, ему пришлось проезжать мимо зарослей, где притаились луддиты; прогремели выстрелы, Картрайт дал шпоры лошади и невинно ускакал ²³).

Покушение еще больше возбудило страх предпринимателей и властей: вызвали новые военные силы, а за поимку участников роуфольдского нападения была объявлена награда в 1.000 ф. ст. ²⁴).

Попытки властей обнаружить виновников не привели ни к чему, хотя многочисленные кровавые следы шли от фабрики Картрайта,—явное доказательство, что были еще раненые луддиты, но никого из них не нашли ²⁵). Только через некоторое время полиции удалось арестовать двух участников: одного из них опознали по оставленной им у роуфольдской фабрики шляпе, а другого выдала рана. Но стригали возбуждали такое сочувствие, что никто не согласился свидетельствовать против них, а без этого нельзя было построить обвинения. «Доверенное лицо—писал один городской чиновник в министерство внутренних дел—сообщило мне, что мысли и желания даже самых почтенных жителей в здешнем округе вполне сходятся с настроением самых отчаянных лиц: все ненавидят ворсильные и стригальные машины» ²⁶). Всеобщая симпатия к луддитам подтвердилась, лишний раз, когда разнесся слух, что некая Бетти Армстронг дает показания против них,—толпа чуть не растерзала ее.

Не успели замолкнуть разговоры о картрайтовском деле, как вспыхнули новые волнения, но на этот раз уже в другом месте. «14 апреля в городе Шеффилде собралась толпа, вышла на рыночную площадь и там разгромила овощные и хлебные магазины. Затем она напала на арсенал и захватила до 78 штук оружия из 800, а остальное хотела разломать на куски. Подоспевшие войска не дали, однако, ей выполнить свое намерение. Шеффилдские власти настолько перепугались, что призвали к оружию местную милицию и выкатили пушки, как будто готовились к серьезному сражению» ²⁷).

Между тем, геддерсфильдские луддиты снова дали о себе знать: 28 апреля по дороге на геддерсфильский рынок был среди бела дня застрелен Уильям Горсфоль, владелец крупной суконной фабрики в Марсдене ²⁸).

Горсфоль, как мы говорили выше, вызывал меньшую ненависть, чем Картрайт; он был жестокий человек и особенно вызывающе держал себя по отношению к луддитам. Его враждебные чувства сделались настолько известны, что уличные мальчишки бегали за ним и кричали: «Я—генерал Лудд, я—генерал Лудд!», и Горсфоль обычно жестоко расправлялся с насмешниками. Другой случай не меньше характеризовал

его: когда юдин фабрикант под влиянием угроз луддитов закрыл свою фабрику, Горсфоль, встретившись с ним, отказался подать ему руку: «Я не даю руки трусам», сказал он ²⁹). Горсфоль был также деятельным членом упоминавшегося выше общества по борьбе с разрушением машин и принимал энергичное участие в деле розыска луддитов ³⁰).

Естественно, последние решили убрать такого крупного врага. Главным инициатором убийства был известный нам Джордж Меллор. Он имел особые причины ненавидеть Горсфоля, который однажды ни за что избил его хлыстом. Убийство Горсфоля являлось единственным ответом на всю травлю и жестокость предпринимателей по отношению к голодным и эксплуатируемым стригаям. Слишком уже резок был переход от независимого и обеспеченного положения к угнетенному и полурабскому состоянию фабричного рабочего. Смерть Горсфоля, словно гром среди ясного неба, повергла в смятение и гражданские власти и предпринимателей. «Мы не можем ни на одну минуту быть спокойны за свою жизнь и собственность» — таков был общий мотив всех писем из Вест-Райдинга ³¹).

Волнения серьезно встревожили правительство, и член министерства Райдер приехал в Геддерсфилд, чтобы лично ознакомиться с событиями. Местные предприниматели выбрали делегацию, чтобы совместно с ним обсудить меры защиты ³²). Войскам был отдан приказ разгонять без предупреждения все сборища на улицах. Городские власти обещали награду в 2 тыс. ф. ст. за поимку убийц Горсфоля, и тем не менее никого не удалось поймать ³³).

Атмосфера становилась все напряженней, движение приобретало постепенно характер партизанской войны. Организация луддитов расширялась; как удалось разузнать властям, был принят ряд новых членов, которых из конспиративных целей приводили поодиночке к присяге на верность (см. стр. 147).

Весь май и июнь луддиты деятельно занимались сбором оружия, ходили группами в 20—30 чел. по домам и забирали все ружья, пистолеты и боевые припасы. Паника охватила правящие классы, — никто и не думал сопротивляться ночным посетителям. По всей округе распространялись самые нелепые

слухи: рассказывали, что это дело рук «объединенных ирландцев» *), которые намерены поднять восстание во всей стране ³⁴).

Паника передалась и правительству, которое на волнения рабочих ответило террором: парламент провел акт, карающий поломку машин смертной казнью, объявил Йоркшир на военном положении и предоставил неограниченные полномочия городским властям: отбирать оружие, делать обыски, арестовывать; за одно только приведение к незаконной присяге закон карал семью годами каторги ³⁵).

Как бы в ответ на правительственные репрессии, луддиты совершили покушение на командующего войсками Лидского округа, полковника Кембеля. 8 мая в окна его квартиры было произведено несколько выстрелов, полковника в это время не было дома и поэтому покушение не удалось. Несмотря на все поиски, стрелявших так и не нашли ³⁶).

Еще больший переполох произвело убийство министра-президента Спенсера Персеваля, главного виновника карательных мер, направленных против луддитов, и горячего приверженца ненавистных «приказов в совете».

11 мая в приемной палате общин к только что приехавшему Персевалю подошел неизвестный и выстрелил в него в упор из пистолета. «Я убит», прошептал министр и через несколько минут скончался. Испуг и смятение всех присутствовавших не поддаются описанию; стрелявший, если бы хотел, мог свободно скрыться. Он, тем не менее, остался спокойно наблюдать происходившее, а когда некоторое время спустя стали искать убийцу, он назвал себя Беллингемом и заявил, что совершил преступление по личным мотивам без всякой помощи.

Несмотря на это, правительство сочло новое покушение тоже делом рук луддитов. После того, как виновный назвал себя, к нему подошел генерал Гаскойн и сказал: «Я вас знаю, ваше имя не Беллингем».

Луддиты внушали такой страх правительству, что спикер, отдавая распоряжения заключить Беллингема в тюрьму, приказал не вести его по главным улицам ³⁷). Палату лордов охватила настоящая паника. «Все формы были отброшены,—рассказывает Коббетт,—а лорд-канцлер тотчас же поднялся и

*) Объединенные ирландцы—тайное революционное общество в Ирландии в 90-х годах XVIII века и начале XIX века.

прерывающимся голосом предложил запереть все двери, чтобы злоумышленники не проникли в палату» ³⁸). Тщательное расследование дела показало, однако, невиновность луддитов,—Беллингем действовал сам от себя и никакой связи с ними не имел.

Весть об убийстве Персеваля вызвала необычайное ликование у рабочих, охваченных движением графств,—они ходили с флагами и музыкой по улицам и радостно поздравляли друг друга ³⁹).

Смерть Персеваля, конечно, не изменила дела,—его заменил еще худший враг рабочих, лорд Сидмоус. При его содействии пост командующего войсками в Вест-Райдинге, вместо более мягкого лорда Грея, занял реакционный генерал Мэтланд.

Теперь правительство бросило против луддитов все силы: войска, полицию и мало применявшиеся пока средства—провокацию и шпионаж.

В это время активность луддитов заметно понизилась. После неудачного нападения на роуфольдскую фабрику о поломках машин больше не было слышно, покушения прекратились и только захват оружия у жителей по ночам продолжался попрежнему. Ни обилие войск, ни обыски и судебные награды, однако, не помогали найти участников движения. Даже против двух заключенных в тюрьму луддитов до сих пор не выдвинули обвинения; все, кто знал об их участии, отказывались давать какие-либо показания ⁴⁰). Правящие классы попали в тупик, они все время боялись, что луддитское движение перейдет в революцию. Симпатии большинства населения были не на их стороне; единственной их поддержкой оставались войска, но опыт показал, что для подавления волнений этого мало.

Главное недовольство возбуждали часто упоминавшиеся «приказы в совете» (*orders in council*), крайне стеснявшие торговлю и производство, особенно суконное и хлопчатобумажное. В течение нескольких лет либеральная буржуазия непрестанно боролась за их отмену, но правительство упорно отказывалось исполнить ее желание. Вполне понятно, что объявленный в стране террор только ухудшал создавшееся тяжелое положение в хозяйстве, и в своей борьбе с рабочими волнениями как центральная, так и местная власть не могла встретить широкого сочувствия. Необходимо было пойти на

компромисс и отменить «приказы в совете». Эта мысль ясно выражена в письме лорда Фиц-Уильяма к лорду Сидмоусу. «Лишь только это сделают (т. е. отменят «приказы в совете»), промышленник немедленно станет за работу, тотчас вернутся мирные порядки, а заговоры и преступления исчезнут без следа» ⁴¹⁾. 23 июня 1812 г. «приказы в совете» были отменены. Мера эта вызвала всеобщую радость, так что в Шеффилде даже «звонили в колокола и стреляли из пушки» ⁴²⁾.

Уступив буржуазии, правительство тем с большей энергией принялось умирять луддитов; вот тут-то и выступила на сцену провокация.

Первые попытки властей в этом отношении нам раскрывает письмо майора Серля, одного из офицеров генерала Мэтланда, к министру внутренних дел, лорду Сидмоусу. «Милорд!—пишет майор—я считаю своим долгом познакомить правительство с полученной мною сегодня информацией,—ее дало лицо, по моему мнению, умное и вполне заслуживающее доверия. Оно рассказало мне о действиях мятежников: к незаконным присягам приводят много лиц; инсургенты действуют согласованно через делегатов от всех мест на протяжении от Глазго до Лондона; эти делегаты получают жалованье, и все проектированные планы действия составляются только ими; комитеты эти собираются в различных местах, их целью в настоящее время является поднять в этой части страны волнения, чтобы вызвать сюда как можно больше войск из метрополии, а затем поднять там большое восстание; на этот случай у них заготовлено уже значительное количество оружия. Они завербовали уже много народа, завербованные приводятся к присяге, но не группами, а поодиночке. Ни отмена «приказа в совете», ни какие-либо другие меры не изменят их решения. Это лицо боится, чтобы не узнали его имени, так как, говорит оно, его жизни тогда бы грозила опасность, и хотя оно может, вероятно, дать сведения о некоторых из приведенных к присяге лицах, но, по его мнению, это принесет мало пользы, пока не будут открыты главные руководители. Последнее могли бы сделать лица, допущенные на комитетские собрания по значкам, розданным упомянутым человеком. Он также добавил, что существует фонд, расходуемый на жалованье делегатам и на другие цели; делегаты имеются уже в Шеффилде и Барнгаме» ⁴³⁾.

Письмо это—настоящий донос провокатора. Лорд Сидмоус отнесся к нему с большим одобрением и поручил генералу Мэтланду действовать и впредь в том же направлении. Мысль эта, собственно, была не нова,—еще раньше некоторые предприниматели, члены «комитета для борьбы с разрушением машин», обратились с подобным предложением к майору Гордону, командующему войсками в Геддерсфилде: они просили его отрядить к ним на фабрику несколько солдат, бывших ранее стригаями, поручить им вкратце в доверие к луддитам и выведать все их планы. Майор Гордон, однако, усомнился—согласятся ли его солдаты быть провокаторами, и из предложения предпринимателей ничего не вышло⁴⁴).

Теперь дело поставили на твердые рельсы. Чтобы приобрести шпиона-осведомителя пускались в ход два средства—подкуп и угрозы. Например, в Аштоне солдаты полковника Нельторпа схватили рабочего по имени Чарльз Фейс; полковник потребовал от него выдачи товарищей, угрожая в противном случае виселицей⁴⁵).

Находились, однако, люди, соглашавшиеся ради денег выдавать своих товарищей. Капитан Рэйнс, один из офицеров в Йоркшире, откровенно выразил мысль правительства. «Самый лучший способ—цинично замечает он—получить информацию—деньги»⁴⁶).

Первоначально шпионы, по правительственной терминологии,—«специальные констебли» или «С. К.», действовали почти открыто: они числились официально членами стерлингской милиции и старались где только можно вынюхивать, что думают и замысливают предпринять рабочие, но последние живо раскусили их: «Во время своей работы—рассказывает современный журнал—констебли подвергались оскорблениям и насмешкам; некоторые даже угрожали им самым откровенным образом: один рабочий, например, вынул из кармана пращу с мушкетными пулями, подбросил их играючи вверх и крикнул констеблям: «здесь камушки для вас!»⁴⁷).

Естественно, генерал Мэтланд советовал пользоваться услугами «С. К.» секретно, так как в противном случае им грозит опасность и растет чувство злобы среди рабочих против них. Действительно, с тех пор провокаторская тактика властей достигла большего совершенства. За большую плату (около 20—25 руб. в неделю) они вербовали рабочих из отдаленных графств; последние втирались в доверие ничего

не подозревавших луддитов и затем выдавали их с головой. Генерал Мэтланд в письме к министерству внутренних дел прямо заявил: «они (т. е. провокаторы) должны сделаться активными членами этих комитетов, так как узнать, кто давал незаконную присягу—еще пустяки». Деятельность шпионов скрывалась даже от гражданских властей, и, во избежание огласки, каждый агент назывался не по имени, а буквой алфавита ⁴⁸).

Моральный уровень предателей был, однако, настолько низок, что сами «хозяева» им не доверяли. Генерал Мэтланд пишет: «к сообщениям тех, кто согласился проникнуть к недовольным, нужно относиться с крайней осторожностью» ⁴⁹).

Часто провокаторы впутывали совершенно невинных лиц и вызывали луддитов на крайние действия. Красочный пример представляет история Джемса Старки, ткача из Мильдриджа. Он встретился с двумя лицами, которые, прикинувшись луддитами, вызвали его на разговор о нападении на фабрику Картрайта; простодушный Старки сказал, что хорошо бы подкатить под нее боченок пороха и взорвать. Через несколько часов он был обвинен в подстрекательстве солдат стерлингской милиции взорвать фабрику. Старки не имел никаких связей с луддитами, и, однако, чуть не погиб,—только заступничество влиятельных друзей спасло его от петли ⁵⁰).

Другой случай произошел с агентом гражданских властей Барракло. Он был случайно арестован военными властями и отправлен в тюрьму. Конечно, они не знали, что Барракло тоже правительственный шпион, а тот наболтал им на допросе всяких небылиц: он назвал и имя (неверное, конечно) убийцы Горсфоля, рассказал, что все дороги в Йоркшире минированы, все военные операции ведутся под руководством пленных французских офицеров; указал вымышленные места, где помещались, якобы, склады оружия. Тщетно солдаты Мэтланда обыскивали каждый уголок указанной местности, ничего они не нашли. Истина скоро вскрылась и Барракло потерял доверие ⁵¹).

Не успела закатиться звезда Барракло, а уже появился другой, подобный информатор—сержант Лоусон. В тайной беседе с одним офицером он признался, что состоит в ужасном заговоре, руководимом французскими пленными офицерами; цель его установить республику в Англии, а ближайшая программа—сжечь все большие города и убить лорда

Кэслери, министра иностранных дел. Один из заправил движения,—рассказывал Лоусон,—некто лорд Ловат, состоит в переписке с Таллейраном*), который называет его «любимый кузен». Заговорщики действуют около Манчестера и в Вест-Райдинге, заговор охватывает и Ирландию; всего, говорил он, «преступное общество насчитывает около 150 тыс. последователей». Генерал Мэтланд относился к этим рассказам несколько скептически, но в министерстве внутренних дел этой чепухе свято верили. О поимке «лорда Ловата» были отданы приказы, но они так и остались невыполненными, а «лорд» скрылся. Лоусон потом рассказывал, что Ловат бежал в Ирландию, и рассказы о его похождениях смело могли поспорить с небылицами барона Мюнхгаузена,—Лоусон, например, с самым серьезным видом сообщал, что лорд Ловат сделал в 11 дней 1078 миль (в то время, когда еще не было ни железных дорог, ни автомобилей, ни аэропланов)!

Министерство внутренних дел в конце концов раскусило Лоусона и на папке бумаг, относящихся к его делу, написало: «Дело Лоусона, фабриканта ложных сведений»⁵²⁾.

Конечно, в таком освещении луддитское движение получало характер большого политического восстания, чего, как мы видели, на самом деле не было. В таких условиях военным властям не удалось обнаружить даже немногочисленных, по сравнению с приведенными Лоусоном цифрами, луддитов в Йоркшире. Не большего успеха добились гражданские власти, получившие теперь обширные полномочия⁵³⁾. Всю осень трудились они, а арестовали только одну из грабительских шайк, «которая, оказалось, состояла из бандитов, лишь прикрывавшихся именем луддитов»⁵⁴⁾.

Самые печальные мысли приходили в голову членам правительства: ухлопана масса денег, страна в терроре, а волнения охватывают все новые города,—в Шеффилде рабочие потребовали снижения цен на съестные продукты, разгромили лавки, а лорда Мильтона, уговаривавшего их разойтись, встретили градом камней; по улицам происходило непрестанное движение войск, все рабочие митинги разгонялись, а в одном случае даже были человеческие жертвы⁵⁵⁾.

*) Таллейран (1754—1838)—знаменитый французский дипломат.

Городские власти, взбешенные своими неудачами, прибегали к провокации, а иногда к самому грубому насилию. Пример такого безобразия представляло дело Джона Скофильда, рабочего в одном местечке Вест-Райдинга. Он был знаком с приходским клерком села Гольмферс, Джоном Гинчклиффом, у которого он учился петь. Как-то раз Гинчклифф сообщил полиции, что Скофильд замешан в луддизме; последнего тотчас арестовали, но за недостатком улик скоро освободили. Вскоре после того к Гинчклиффу явились двое неизвестных, стали упрекать его в предательстве и затем, когда он хотел убежать от них, прострелили ему глаз. Никого из нападавших Гинчклифф не узнал, но говорил, что, вероятно, это Скофильд. Лишь только последний узнал о грозящем ему обвинении, он собрал свои пожитки и уехал в Лондон, откуда решил эмигрировать в Америку. На корабле его арестовали и на вопрос знает ли он Гинчклиффа, он с перепугу ответил отрицательно⁵⁶). Это и была единственная улика против Скофильда, но полиция решила раздуть дело. Ллойд, один из полицейских чиновников в Вест-Райдинге, решил взять Гинчклиффа в обработку. Положение его было самым непонятным: он не знал, считать ли ему себя обвинителем или арестованным. «Гинчклифф—писал Ллойд в министерство внутренних дел—находится теперь в безопасности; он живет в одном доме по соседству и ему ни с кем не позволено видаться, кроме меня и м-ра Алисона, судебного исполнителя этой местности»⁵⁷).

Естественно, находясь в таких условиях, Гинчклифф быстро согласился признать тождество Скофильда с покушавшимся. Таких случаев было немало, но настоящих луддитов все же не могли найти. Наконец, усилия властей увенчались успехом: в конце октября обнаружили убийц Горсфоля. Выяснилось, что в убийстве участвовали четверо: Джордж Меллор—лидер луддитов, Уильям Торп, Томас Смит и Бенжамин Уокер. Открыли их совершенно случайно: мать Уокера боялась как бы не донесли на ее сына и как-то поделилась своими страхами с другом, через которого обо всем узнал известный нам Ллойд. Он сейчас же применил свою обычную тактику: вызвал Уокера, запугал его, затем предложил за откровенность награду, и в конце концов слабый человек не

выдержал и из честного рабочего превратился в провокатора ⁵⁸). Дальнейшие сведения полиция получила от Уильяма Голла, одного из самых деятельных разрушителей машин, именно—он дал Меллору пистолет для убийства Горсфоля. Арестованный по указанию Уокера, он быстро поддался «специальным приемам допроса» вест-райдингской полиции и выдал всех: участников нападения на роуфольдскую фабрику, участников покушения на Картрайта и тех, кто занимался сбором оружия ⁵⁹). Все выданные им лица были немедленно арестованы. Та же судьба постигла и галифакских луддитов: их выдали полицейские шпионы.

В начале июля в Галифакс прибыли два с виду похожих на рабочих человека. Они всем рассказывали, что потеряли работу и теперь ищут где бы устроиться. В кабачке св. Крипина, куда они зашли закусить, случай столкнул их с Чарльзом Мильнсом, близким другом старого Джона Бэнса, но отчаянным болтуном. Пришельцы вступили в разговор с легкомысленным Мильнсом, сказали ему, что сочувствуют луддизму, и болтун вызвался познакомить их с настоящими луддитами и помочь вступить в организацию. Он привел их в дом к Джону Бэнсу и там новоиспеченные друзья Мильнса принесли присягу на верность и были приняты в число луддитов. После этого они уже больше не показывались, а через некоторое время Бэнс и все, кто присутствовал с ним при присяге, были арестованы; новые знакомые Мильнса оказались полицейскими шпионами и, конечно, не замедлили обо всем донести по начальству ⁶⁰).

Правящие классы теперь жаждали мести, они слишком уж долго дрожали за свою шкуру и за свое добро и теперь жаждали расправы. К генералу Мэтланду беспрестанно поступали просьбы предпринимателей созвать чрезвычайный суд. Но прежде, чем начался процесс, иоркширским властям пришлось порядочно повозиться. Кроме показаний провокаторов-шпионов никакого обвинительного материала против арестованных луддитов больше не было, поэтому полиция напрягла все усилия лишь бы найти «менее официальных свидетелей».

2 января 1813 г., наконец, начался суд. Подбор судей был враждебен обвиняемым, это были барон Томсон и судья

Леблан, уже прославившийся своей жестокостью во время луддитских процессов в Ланкашире (об этом ниже). От присяжных тоже нечего было ждать пощады: они были вполне «респектабельны», — исключительно дворяне и фабриканты ⁶¹). Исход дела можно было считать заранее предreshенным. «Все говорит против обвиняемых, — писал известный либерал, адвокат луддитов, Генри Брум, лорду Грейю, — единственное, что может сделать защита, — установить alibi некоторых обвиняемых» ⁶²).

К суду привлекли свыше 50 человек, в большинстве молодых людей; и таково было предубеждение правящих классов, что вместе с луддитами они объединили и обыкновенных грабителей.

По рассказам очевидцев, процесс вызвал такой большой интерес, что весь зал заседаний был переполнен, и судьи с трудом могли занять свои места. После того, как установился порядок, ввели заключенных: это были молодые люди, прекрасно одетые, с смелым и полным достоинства видом. Джордж Меллор — 22 лет, Уильям Торп — 23 лет и Томас Смит — 22 лет. Заседание открылось. Первым взял слово прокурор и, лицемерно призывая бога в свидетели, требовал смертной казни для обвиняемых. Все допрошенные потом свидетели, хотя подтверждали наличность преступления, но отказывались точно признать в обвиняемых виновников убийства. Только, когда появился Бенжамен Уокер, публика замерла — словно пронеслось дуновение смерти.

Следующий свидетель, тоже провокатор, Уильям Голл, окончательно подтвердил вину подсудимых и замкнул над ними смертный круг. Свидетели защиты ничего не могли сделать; как ни старались они доказать честность и непричастность обвиняемых к преступлению, присяжные вынесли решение: «виновны». Когда же клерк суда обратился к виновным с вопросом, могут ли они еще что-нибудь сказать в свою защиту? — все трое твердо ответили: «мы не виновны», а Торп добавил: «показания были ложны» ⁶³).

Через два дня совершилась казнь; смело взошли приговоренные на эшафот. «Я прощаю всем моим врагам, если они есть, и, надеюсь, все простят мне». «Я желал бы, в свою очередь произнес Торп, чтобы никому из присутствующих никогда не довелось быть на моем месте» ⁶⁴).

«Так умерли вожди луддитов, писал об их смерти *Annual Register*; по несчастью они не выглядели убийцами и можно думать, что при других обстоятельствах из них вышли бы дельные люди» ⁶⁵).

Следующие заседания были посвящены роуфольдскому делу. Несмотря на доказываемое защитой *alibi* обвиняемых и благоприятные показания свидетелей, выступления предателей Бенжамена Уокера и Уилльяма Голла повернули дело в самую скверную сторону: присяжные прислушивались как будто только к их словам, а все доказательства *alibi* рассматривали как недобросовестный обман или недостойную внимания болтовню; они снова вынесли приговор «виновны».

Опять поднялся судья и произнес: «Заклученные, слушайте приговор, предназначенный законом для вашего преступления. Вы должны быть отведены туда, откуда вы пришли, а затем на место казни; вас повесят за шею и вы будете висеть до тех пор, пока не умрете; да окажет всемогущий господь милосердие вашим душам!» ⁶⁶). Так под лицемерным прикрытием религии буржуазия расправлялась со своими классовыми врагами.

Следующие подсудимые—галифакские луддиты, как мы знаем, были исключительно жертвами провокации; все они были приговорены к долгим каторжным работам. Присяжные не посмотрели на *alibi* обвиняемых и приняли на веру все показания шпионов,—подсудимых признали виновными и только 15-летний сын Джона Бэнса был оправдан ⁶⁷). С виновниками ночного похищения оружия суд расправился быстро: за немногим исключением они были все осуждены. Приговоры суда поражали своей жестокостью; буржуазия не ошиблась и передала защиту своих интересов в действительно надежные руки.

В этом отношении Генри Брум очень метко определил общее настроение судей: «Это поистине,—сказал он,—месть оптом» ⁶⁸).

Процесс кончился, через несколько дней (16 января) состоялись последние казни.

«Никогда в криминальной хронике Йоркшира—рассказывает современник—не было такого количества жертв»: четырнадцать осужденных, из них большинство не чувствовало

за собой никакой другой вины, кроме желания улучшить хоть немного свою тяжелую жизнь ⁶⁹⁾.

Все приговоренные встретили смерть просто и спокойно; собравшаяся громадная толпа была так подавлена ужасным зрелищем массовой казни, что не раздалось ни одного крика, ни одного возгласа—молчанием зрители только подчеркнули глубокое сочувствие казненным.

Беспощадной рукой истребили правящие классы последние остатки луддизма в Йоркшире, и с тех пор он более не возродился.

Как мы могли видеть, луддитское движение в суконной промышленности было завершением длительного, почти десятилетнего, процесса борьбы рабочих против ига фабрики и капиталистической эксплуатации.

Наивно было думать, что машины сами по себе вызывали ненависть луддитов. Наоборот, разрушая машины, они били в самое сердце капиталиста, подрывали его силы и наносили убыток; это, думали они, остановит проникновение фабричной системы.

«Если нас бьют,—сказал Джордж Меллор,—то и мы ответим тем же», и слова его ясно выразили основную цель движения—всеми мерами противиться гнету капитализма. Аполитичный по своей природе луддизм и не думал изменить существующий строй социальных отношений; целью его было возвращение к старым патриархальным порядкам ручного производства, а не борьба за политическое господство и освобождение рабочего класса, поэтому в решительной схватке капитал с его юстицией, войском и полицией остался победителем.

Примечания: 1) Parl. Deb. XXIII, pp. 23, 492, 496; 2) Rep. of Lud. Trial., p. 12; 3) An. Reg. 1812, pp. 32 & 51; 4) Ibid., pp. 51-2; 5) Peel-Rising of Luddites, p. 14; An. Reg. 1812, p. 389; Parl. Deb. XXIII, p. 1033; 6) Peel, p. 15; 7) An. Reg. 1812, p. 390; 8) Hammonds-S. L., p. 310; 9) Peel, pp. 26-7; 10) Parl. Deb. XXIII, p. 953; An. Reg. 1812, p. 131; 11) Peel, pp. 32-33; 12) Rep. Lud. Tr., p. 94; 13) Ibid.; 14) Peel, pp. 40-1; 15) Rep. Lud. Tr., pp. 94-95; 16) An. Reg. 1812, p. 54; 17) Peel, p. 46; 18) An. Reg., p. 60; 19) Hammonds, p. 306; 20) Peel, p. 53; 21) Ibid., p. 104; 22) Ibid., p. 63; 23) Ibid., p. 64; An. Reg. 1812, p. 62; 24) Hammonds, p. 309; An. Reg. 1812, p. 55; 25) Ibid.; 26) Hammonds, p. 309; 27) An. Reg. 1812, p. 56; 28) Ibid., p. 62; 29) Peel, pp. 68-9; 30) Hammonds, p. 310; 31) An. Reg. 1812, p. 62; 32) Ibid., p. 63; 33) Ibid., p. 88; Parl. Deb., p. 1033; 34) An.

Reg. 1812, pp. 75-6; 35) Parl. Deb. XXIII, pp. 1251 sqq; 36) An. Reg. 1812, p. 75; 37) Parl. Deb. XXIII, pp. 165-7; Peel, pp. 89-90; 38) Cobbett's Week. Pol. Reg. XXII; 39) Peel, p. 87; 40) Ibid.; 41) Pellew, III, p. 86; 42) An. Reg. 1812, p. 87; 43) Pellew, pp. 84-5; 44) Hammonds, p. 314; 45) Ibid., p. 313; 46) Ibid.; 47) An. Reg. 1812, p. 83; 48) Hammonds, p. 315; 49) Ibid.; 50) Rep. Lud. Tr., p. 141; Peel, pp. 116-8; 51) Hammonds, p. 317; 52) Ibid., p. 318; 53) Preservation of the Public Peace Act (52 Geo III c. 162); 54) Rep. Lud. Tr., pp. 118-20; 55) An. Reg. 1812, pp. 104 & 115; Pellew, p. 90; 56) Rep. Lud. Tr., pp. 81-5; 57) Hammonds, p. 320; 58) Ibid., p. 322; Rep. Lud. Tr., pp. 30-3; 59) Ibid., pp. 96-8; Peel, pp. 100-1; 60) Rep. Lud. Tr., pp. 90-1; 61) Ibid., p. 16; 62) Brougham Life and letters, II, p. 76; 63) Rep. Lud. Tr., pp. 21-75; Peel, pp. 102-118; 64) Ibid., p. 121; 65) An. Reg. 1813, p. 4; 66) Rep. Lud. Tr., pp. 101-10; 67) Ibid., p. 94; 68) Brougham, p. 77; 69) Peel, pp. 149-50.

VIII. ЛАНКАШИРСКИЕ ЛУДДИТЫ

Как за морем кровью свободу свою
Ребята купили дешевой ценой,
Так будем и мы: или сгинем в бою,
Иль к вольному все перейдем мы житью.
А всех королей, кроме Лудда,—долгой!
Когда ж свою ткань мы соткем и в руках
Мечи на челнок променяем мы вновь,
Мы саван набросим на мертвый наш страх
На деспота труп, распростертый во прах,
И саван окрасит сраженного кровь.

(Байрон—Песня луддитов).

«Недовольство, проявившееся в Ноттингеме,—сообщал в своем докладе комитет палаты лордов,—распространилось теперь и на другие части страны. Собирались пожертвования для заключенных в тюрьму, а угрожающие анонимные письма становились все более обычным явлением. Вскоре после того в Стокпорте были сделаны попытки поджечь две фабрики, и дух мятежа быстро охватил все ближайшие округа»¹⁾.

Действительно, едва развернулись волнения в Йоркшире, как началось брожение в хлопчатобумажном производстве в Ланкашире и некоторых местностях Чешира.

Большинство недовольных составляли ткачи, положение которых в это время сделалось особенно отчаянным. Известные уже нам «приказы в совете» вызвали сокращение производства; как результат этого появилась безработица, а всеобщая дороговизна и низкая заработная плата довели ткачей до крайней бедности.

Существовало еще одно обстоятельство, которое окончательно переполнило чашу терпения несчастных: предприниматели начали постепенно применять механические станки, правда, количество последних было еще незначительно, но

уже открылся ряд фабрик с исключительно механическим оборудованием. Плоды фабричной системы ткачи уже видели у прядильщиков и, когда новые веяния коснулись и их производства, они решили твердо бороться за свою жизнь и свободу.

Сперва попробовали они просить помощи у правительства, но получили холодный ответ: «Машины очень нужны государству и отменить их невозможно»²⁾. Несколько позднее ткачи попытались договориться с самими хозяевами и добиться хоть какой-нибудь прибавки к заработку, но предприниматели жестоко насмеялись над ними, а заработную плату и не думали повысить³⁾.

Что же было делать? Все мирные возможности исчерпаны, оставался теперь только один выход—применять силу, и ткачи решили уничтожить машины, основное орудие господства их хозяев⁴⁾.

Почин сделали ткачи Стокпорта: разослали предпринимателям письма с требованием прекратить применение машин и стали готовиться к выступлению. Ежедневно происходили митинги, на которых вырабатывался план действий. Неожиданно на одном из таких митингов появился неизвестный человек, называвший себя «делегатом от манчестерских рабочих», и произнес горячую речь. Он рассказывал, что все готово для восстания: сотни тысяч рабочих ждут только знака для выступления, необходимо и стокпортским рабочим присоединиться к движению и сейчас принести клятву^{*)} на верность общему делу⁵⁾.

Под влиянием этих речей стокпортские ткачи организовали тайный комитет, который вступил в переговоры с рабочими других городов.

В Больтоне состоялась первая встреча; стокпортцы изложили план кампании против машин, но, вероятно, он не нашел поддержки у присутствующих, и переговоры окончились ничем. То же самое случилось и в Манчестере—рабочие не смогли договориться⁶⁾.

Тем не менее, кто-то уже успел внушить больтонцам мысль об организации тайного комитета, который через некоторое время возник в Больтоне, а затем в Манчестере.

*) См. стр. 147.

Как показывает переписка министерства внутренних дел, главную роль в этом сыграли правительственные шпионы.

Местные власти, в достаточной мере напуганные непрекращавшимися волнениями рабочих, решили заранее себя обезопасить, взять руководство движением в свои руки. Некто Бент в Стокпорте (он, повидимому, и выступал на митинге), а в Больтоне—Джон Стонз развили особенно энергичную деятельность. Тайные комитеты находились всецело в их руках, разумеется, обо всем, что там говорили, мнимые революционеры сообщали в полицию ⁷⁾.

Между тем наступил март 1812 г. В разных местах то и дело происходили ломки машин, но никого из виновников не удалось поймать. Нужно думать, что тайные комитеты здесь не принимали участия, и потому шпионы не могли предупредить полицию. В одном только случае нападение на фабрику закончилось неудачно, но и то благодаря энергии ее владельца, Уильяма Радклиффа, который отразил собственными силами нападавших ⁸⁾.

Как ни пыталась полиция разноухать все планы ткачей, но волнения происходили так стихийно и неорганизованно, что даже провокаторы узнавали обо всем лишь впоследствии.

Так в Чешире, в местечке Тентуисль, ткачи напали на фабрику Родса, разгромили все машины, а здание подожгли. Такие же случаи наблюдались в Экльзе, Ньюкестле—под Лайном, Уигане и Уоррингтоне ⁹⁾.

Тем временем дела тайных комитетов шли плохо. Все время проходило в разговорах, в прожектировании, и часто возникали споры на денежной почве. Делегаты требовали оплаты своих расходов. В связи с этим манчестерский комитет отказался делать взносы, и его деятельность после того закончилась. Больтонцы же обратились за помощью к тому же Бенту, который с удовольствием одолжил деньги, рассчитывая тем самым окончательно подчинить комитет своему влиянию ¹⁰⁾.

В Стокпорте в это время возникли новые волнения. На улицах всюду были развешаны плакаты, призывавшие к разрушению машин и снижению цен на съестные припасы. В предместьи Чидль-Хис собралось около 2 тыс. рабочих для выработки плана ближайших действий. Затем они направились к домам наиболее ненавистных фабрикантов, побили окна и все, что могли, поломали. Через несколько дней

рабочие напали на фабрику Гудвина, сожгли его дом и разбили все ткацкие станки.

Местные власти вызвали усиленный наряд кавалерии, но слишком поздно: все нападавшие успели скрыться.

20 апреля в Мидлътоне произошли еще более серьезные выступления ткачей. Как сообщают современники, толпа в несколько тысяч человек направилась к фабрике Бертон и сыновей. Нападавшие начали обстреливать здание из ружей, но встретили отпор: Бертон приготовился заранее к защите и встретил рабочих ружейным огнем. 6 человек было убито, а остальные вынуждены были удалиться¹¹⁾.

Озлобленные неудачей ткачи через три дня разгромили частный дом Бертон. Тотчас городские власти послали в Манчестер за подкреплением. Через несколько часов прибыла кавалерия, разогнала толпу и несколько человек зарубила¹²⁾. Как потом выяснилось, было убито 25—30 человек и—рассказывали современники—«в близлежащем лесу и на дорогах нашли еще много трупов».

Кровавая расправа властей не запугала, однако, рабочих: многочисленные письма из Манчестера сообщали, что «мятежники попрежнему собираются по ночам в открытом поле и лесу и составляют планы для новых беспорядков»¹³⁾. «В Стокпорте на Чидль-Хисе состоялся митинг луддитов, целью его—как писали современные газеты—являлось не только обсуждение текущих дел, но и выработка плана более крупных действий на будущее». Митинг созвали безработные ткачи; они просили всех собравшихся выбрать делегатов на «второй конгресс», предлагали разослать уполномоченных во все промышленные округа и советовали, пока их друзья не соберут свои силы, избегать столкновений с войсками, а действовать только ночью. На этом «первом конгрессе», передавали газеты, выработали и план нападения на ткацкую фабрику Бэри и К^о. Намерение это однако не осуществилось, так как фабрика усиленно охранялась войсками¹⁴⁾.

Обстановка, в какой происходили митинги, заставила предположить, что здесь дело не обошлось без вмешательства провокаторов,—слишком уж много говорили громких фраз и преувеличивали силы недовольных.

Действительно, переписка министерства внутренних дел наглядно подтверждает эту мысль. В Больтоне, например,

по инициативе уже упоминавшегося полицейского агента Стонза, в апреле состоялось несколько собраний, на которых обсуждался план нападения на ткацкую фабрику в Вест-Хаутоне. Дело это несколько раз откладывалось, «так как — торжественно говорил Стонз — Лондон еще не готов», но в действительности ему просто не удалось уговорить ткачей.

Нападение луддитов на фабрику Бертонов.

Всех завербованных Стонз разбил на десятки, назначил над ними капитанов, которым дал вымышленные имена Оливера Кромвелля, Фрэнсиса Бердетта, лорда Грея, а самому себе присвоил имя Уитбрета. Луддиты были замаскированы, а некоторые имели фальшивые бороды ¹⁵⁾. Вся эта комедия кажется нам теперь очень забавной, но многим участникам ее пришлось заплатить за это жизнью.

19 апреля Стонз сделал снова попытку напасть на фабрику в Вест-Хаутоне, но собралось не больше 30—40 человек, а с такими силами, конечно, ничего нельзя было сделать.

Любопытно, что городские власти прекрасно знали о намерении Стонза, который заранее предупредил их. «Однажды, 18 апреля,—писал видный полицейский чиновник в Больтоне, полковник Флетчер,—мне сообщили, что в поле около моего дома должно собраться от 200 до 300 человек заговорщиков. Часть из них, предполагали, должна напасть на мой дом, другой отряд на дом и товарный склад Энсворта, а недовольные из Чоубента и нашего города должны были сжечь ткацкую фабрику в Вест-Хаутоне».

Флетчер считал, что нападение не состоялось только потому, что он вызвал отряд милиции, и нападавшие предпочли отложить дело до другого раза¹⁶⁾; но мы знаем истинные причины неудачи.

Затея Стонза окончилась очень комично: часть его приятелей (тоже шпионы) была арестована милицией; они тотчас предъявили свои удостоверения и были освобождены.

Следующие 3 дня фабрика в Вест-Хаутоне охранялась усиленным отрядом милиции, 23 апреля вооружили рабочих и передали им охрану, но последние заявили, что «нет смысла охранять фабрику, которая приносит им страдания», и разошлись по домам.

Этим воспользовались разрушители машин и 24 апреля произвели нападение. «В пятницу около 4-х часов пополудни—рассказывает современный журнал—большая толпа мятежников напала на ткацкую фабрику гг. Ро и Денкрофта в Вест-Хаутоне. Они быстро подожгли ее и через несколько времени все здание вместе с машинами и материалом сгорело до тла. Убыток достигал 6 тыс. ф. ст. Из поджигателей никто не был пойман, так как поблизости не находилось ни одного солдата»¹⁷⁾. Выполнив свое дело, Стонз, очевидно, почил на лаврах, и о нем мы больше ничего не слышим.

В то время как красный петух гулял по фабрикам Больтона и Стокпорта, волнения рабочих в Манчестере и в ближайших к нему городах приняли другую форму. Цены на съестные продукты непрерывно росли, и в конце концов голодные жены и дети рабочих разгромили в Манчестере картофельный рынок и расхватывали продукты¹⁸⁾. Такие же

волнения произошли в Аштоне, Ольдгеме и некоторых местах Чешира: возбужденные голодом и нищетой рабочие отбирали у торговцев съестные припасы, а в случае сопротивления били стекла или ломали все в магазине ¹⁹⁾; прибывшие войска разгоняли толпу и некоторых арестовали.

Одновременно с ломкой машин распространились слухи о подготовке на первое мая восстания. «Дух беспорядка» писал в своем отчете комитет палаты лордов—быстро распространялся в этих местах: расклеивались плакаты, призывающие к бунту, много лиц было приведено к незаконной присяге и упорно ходили слухи, что 1 мая или немного позднее должно произойти всеобщее восстание» ²⁰⁾. «По всему графству Ланкастер—передавал современный журнал—рассеялись делегаты луддитов, которые приводят рабочих к незаконной присяге и призывают к мятежу... В Экльзе было задержано одно лицо, пытавшееся возмутить местную милицию: оно обещало каждому солдату 5 гиней награды и 15 шилл. жалования в неделю, если они присоединятся к восставшим и дадут клятву верности» ²¹⁾.

Эту агитацию вели, главным образом, полицейские, шпионы и провокаторы. Бент говорил об этом еще в начале движения на митинге в Стокпорте, позднее в этой области специализировался отец Стонза (последний, как любящий сын, привлек к своему делу и папашу), деятельно призывавший рабочих к присяге. «За небольшие деньги—говорил он—вы сможете получить большую ковригу хлеба, только присягните сперва, и я научу вас, как это сделать; вся страна присоединилась к присяге, обещала разрушить все фабрики и поднять восстание» ²²⁾.

До сих пор все волнения ткачей протекали на экономической почве, но в Манчестере некоторые рабочие мечтали уже и о парламентской реформе.

Один из наиболее горячих ее сторонников, бывший член тайного комитета, Джон Бекли, с помощью нескольких товарищей организовал в начале апреля новый комитет, целью которого была парламентская реформа. Правительство постаралось провести своего агента и сюда: вездесущий Бент сумел войти в доверие к членам комитета и даже был назначен казначеем ²³⁾.

Новая организация занялась мирной пропагандой парламентской реформы среди рабочих и была связана с вид-

ными деятелями радикальной партии, а некоторые члены комитета иногда участвовали и в политических демонстрациях ²⁴). «В субботу на прошлой неделе—писал современный журнал—в манчестерских газетах появилось объявление о созыве 8 апреля собрания в большом коммерческом зале биржи для подготовки приветственного адреса принцу-регенту... Это объявление было подписано 150 лойальными гражданами. Оппозиция (т. е. радикалы) решила, однако, провалить собрание и подать контр-адрес. С этой целью ее представители стали распространять по всей округе листки возмутительного содержания и расклеивать на улицах плакаты... Эта мера вызвала большое возбуждение в народе, и ко дню собрания тысячная толпа собралась в городе. Встревоженные угрожающим поведением толпы сторонники адреса... объявили публике, что лестница на бирже сильно подгнила и потому позволить войти всем в здание небезопасно. В ответ на это недовольные начали бить окна и бросать в зал скамейки, стулья и другие вещи... В это же время толпа овладела сквером св. Анны; один из городских делегатов поднялся на трибуну и громким голосом прочел радикальную резолюцию, единодушно принятую всеми собравшимися при громких криках одобрения... Митинг продолжался, когда внезапно появились войска и разогнали толпу...» ²⁵). В дальнейшем деятельность манчестерского тайного комитета ограничилась мирным обсуждением петиции парламенту о реформе. 11 июня члены организации собрались для окончательного утверждения петиции, но не успел окончиться митинг, как в дом вошли солдаты и арестовали всех присутствующих, всего 38 человек.

Главным обвинителем, помимо Бента, был присутствовавший на собрании безработный ткач Сэмюэль Флеминг. Он находился на службе у полиции и получил специальное задание подстроить «приведение к присяге». После того, как это было сделано, он вышел и привел за собой полицию ²⁶).

Шаткость обвинения—ибо показания Флеминга ничем не подтверждались—признавали и местные власти. «У меня все основания думать,—писал генерал Мэтланд,—что помимо приведения к присяге против арестованных нельзя было возбудить другого обвинения, но,—добавлял он,—надеюсь, что

мне удастся путем подкупа и маленького нажима получить нужные сведения».

Как ни старалась полиция, но никакой откровенности не добилась. Даже из писем заключенных, которые аккуратно просматривались тюремным начальством, она ничего не могла извлечь ²⁷⁾.

Действительно, процесс 38 луддитов, как их называли, окончился для манчестерских властей полным провалом. На перекрестном допросе Флеминг спутался, все показания его были опровергнуты защитой, и суд вынес всем обвиняемым оправдательный приговор.

Не так счастливо обошлось дело для других участников голодных беспорядков и разрушения машин. В конце апреля и начале мая местные власти решили, что наступил подходящий момент, и отдали приказ об аресте всех участников волнений.

«В настоящее время—писал один из обывателей Манчестера—мы все здесь спокойны, единственное, что всех волнует, это—общий митинг луддитов; комитет болтонских мятежников или, вернее, делегатов назначил его на завтрашний день, об этом сделалось известно полиции, но она пока предпочла не вмешиваться. Действительно, собрание, на котором присутствовало 25 человек, состоялось ночью, местные власти немедленно явились туда и не только арестовали мятежников, но и захватили их бумаги» ²⁸⁾.

Через некоторое время были произведены аресты в других городах. Полиция имела теперь достаточный материал для обвинения, а показания провокаторов облегчили дело.

Первый процесс состоялся в Честере и продолжался с 26 по 30 мая под председательством судьи Далласа. Всего к суду было привлечено 28 человек. Большинство подсудимых были рабочие, участвовавшие в голодных беспорядках, и только трое из них обвинялись в поломке машин. Правящие классы твердо решили подавить все дальнейшие проявления протеста со стороны рабочих и потому приговор поражает своей жестокостью. «На смертную казнь были осуждены 16 человек, 8 человек—к ссылке на 7 лет; а остальные—к тюремному заключению на разные сроки. Из числа приговоренных к ссылке Томас Уайтэкер был осужден единственно на основании показаний некоего Парнеля, дошедшего на него полиции».

Приговор был приведен в исполнение только над двумя осужденными, Джоном Темплом, ткачем, похитившим несколько серебряных ложек, и Джозефом Томпсоном, обвиненным в поджоге и краже. «Когда их вывели на казнь, собралась огромная толпа и в глубоком молчании провожала их до эшафота» ²⁹).

Одновременно начался чрезвычайный суд в Ланкастере. Правительство и здесь позаботилось отомстить, как следует, несчастным ткачам: премьер-министр Персеваль специально подобрал судей, известных своей особенной ненавистью к рабочему классу. С другой стороны, местные власти в Ланкашире постарались, чтобы их «методы работы» не выплыли наружу. «Желательно—писал полковник Флетчер—скрыть источники нашей информации и не выставлять их напоказ». Поэтому такие зубры, как Стоуз или Бент, на процессе не выступали, вместо них воспользовались показаниями «сдельных» шпионов ³⁰).

Начался суд; подсудимых разбили на 4 категории: 1) участники голодных волнений в Манчестере, 2) участники нападения на фабрику в Мидльтоне, 3) виновники поджога фабрики в Вест-Хаутоне и 4) лица, приводившие к незаконной присяге.

Суд представлял сплошную комедию: улик никаких не было, кроме донесений провокаторов, которые, как мы видели, сами подбивали несчастных ткачей на самые крайние действия. И, однако, судьи не посчитались с этим и вынесли 8 смертных приговоров; наоборот, когда присяжные оправдали нескольких участников нападения на дом Бертон, судья Ле Блан упрекнул присяжных и сказал: «если подсудимые не виновны в поджоге, то их все же следовало осудить за бунт» ³¹).

Многих из приговоренных от смерти спас только юный возраст,—им было меньше 16 лет, но зато они получили или 7-летнюю ссылку или тюремное заключение ³²).

Смертная казнь была назначена на 12 июня 1812 г. «Все время—пишет современная газета—осужденные проявляли полное безразличие к ожидавшей их ужасной судьбе, и «святому отцу» неоднократно пришлось повторять свои увещания, прежде чем он вынудил у несчастных признаки раскаяния» ³³). Видимо, и здесь служители церкви не отстали от «властей предержащих» и старались выведать

хоть что-нибудь у осужденных. Последние также спокойно встретили смерть; только Абрагем Чарльсон, юноша 16 лет, а по наружному виду совсем ребенок, несколько раз крикнул: «мама, мама, помоги»,— бедняжка думал, что мать может его спасти ³⁴).

Луддизм в Ланкашире, как мы видим, представлял очень своеобразное явление: под это название правящие классы старались подвести самых разнообразных лиц: участников голодных бунтов, сторонников парламентской реформы и непосредственных разрушителей машин. Но по природе своей это движение—взрыв отчаяния голодных и обнищавших ткачей, протест против ужасов капиталистического строя. Разрушение машин вызывалось скорее озлоблением против предпринимателей, чем какими-либо другими причинами, недаром за ним следовал разгром магазинов или жилищ ненавистных хозяев.

Стараниями правительства движение это приняло, однако, политическую окраску: всеобщее восстание, тайный комитет—все это состряпали провокаторы и полицейские агенты, даже поломка машин часто бывала обязана их подстрекательству. Ясно, что в таких условиях движение так же скоро потухло, как и вспыхнуло.

Примечания: 1) An. Reg. 1812, p. 386; 2) Hammonds, p. 273; 3) Rep. Art. & Mach., p. 417, J. Sherwin's evid.; 4) Hammonds, p. 274; 5) Ibid.; 6) Ibid., p. 276; 7) Ibid.; 8) Rep. Lud Tr., p. 9; 9) Ibid., p. 8; 10) Hammonds, p. 278; 11) An. Reg. 1812, p. 59; 12) Ibid., p. 61; 13) Ibid., p. 62; 14) Ibid., p. 59; 15) Hammonds, p. 280; 16) Ibid., p. 282; 17) An. Reg. 1812, p. 61; 18) Hammonds, pp. 287-8; 19) Ibid.; 20) Parl. Deb. XXIII, p. 1032; 21) An. Reg. 1812, p. 63; 22) Hammonds, p. 281; 23) Ibid., pp. 286-7; 24) Ibid.; 25) An. Reg. 1812; 26) Hammonds, p. 298; 27) Ibid.; 28) An. Reg. 1812, p. 62; 29) Ibid., pp. 77-8; 30) Hammonds, p. 292; 31) Ibid., p. 294; 32) Ibid., pp. 295-6; 33) An. Reg. 1812, p. 84; 34) Hammonds, p. 297.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дикой ненавистью встретили правящие классы луддитское движение; эту ненависть усугублял еще тот страх, который пришлось пережить власти имущим в это тревожное время. Не было той клеветы и грязи, какой бы ни вылили на голову разрушителей машин: грабежи, поджоги, убийства и самые невероятные преступления,—все это приписывалось луддитам.

Первой начала враждебную кампанию правительственная и «официозная» пресса. «Продажные писаки», как называл Вильям Коббет реакционных журналистов, изо дня в день извергали целые потоки грязной клеветы и лжи на страницах своих газет. Призыв к мести и безжалостной расправе с «преступными нарушителями порядка» был общим кличем всех реакционеров. «Коль скоро—писал о луддитах «Таймс»—они сделались убийцами и поджигателями, тем самым они поставили себя вне закона, и правосудие должно быть совершено над ними». Остальные газеты призывали народ покинуть «революционных негодяев» и требовали немедленного принятия самых суровых мер. В «Курьере», например, появлялись статьи, в которых рекомендовались отмена Habeas Corpus и введение военного положения во всей стране ¹⁾.

Подоплека злобных выпадов печати ясна: со времени Великой французской революции «красный призрак» все время мерещился господствующим классам, и преувеличенные, а порой и раздутые сообщения перепуганных обывателей о выступлениях луддитов навели панику; немудрено поэтому, что для нарушителей «общественного спокойствия» реакционные партии и группы требовали самых страшных наказаний. Однако, ненависть буржуазных газетчиков имела

еще свои сокровенные цели, они выполняли предначертания правительства, которому нужно было подготовить почву и найти предлог для подавления революционных настроений в стране.

Задание было выполнено блестяще, и министерство, как мы знаем, не замедлило провести ряд террористических законов: объявило ломку машин и приведение к незаконной присяге достойными смертной казни и предоставило полиции неограниченные полномочия по искоренению всякой крамолы.

Подавляющее большинство парламента безоговорочно одобрило мероприятия правительства. «Наиболее знакомые с положением вещей люди—говорил член палаты общин от Ноттингемшира, полковник Эйр, по поводу применения смертной казни для разрушителей машин—одобряют этот закон, ибо все меры были приняты, опытные люди сделали все, чтобы прекратить преступления (поломку машин); призванные войска напрасно стремились кроткими мерами водворить порядок,—преступники, однако, не успокоились и продолжают свои насилия против собственности и порядка»²⁾.

Достойный депутат выразил общее мнение всей палаты,—закон был принят подавляющим большинством.

В том же духе парламент высказался и относительно чрезвычайных полномочий полиции и военного положения. «Увы—заявил лицемерно член палаты общин Вильберфорс,—я буду рад, если нынешние беспорядки зависят только от временных и случайных причин. Несомненно, высокие цены и безработица увеличивают и возбуждают недовольство. Но это недовольство и происходящие волнения исходят из более серьезного источника: листки возмутительного содержания распространяются повсюду, сеют мятеж и проповедуют презрение к законам, правительству и обществу»... В этом Вильберфорс видит основную причину луддитского движения и потому предложения правительства считает целесообразными и своевременными. «Зловредная пропаганда—заявил он—отравила сознание нашего народа,—тем более необходимо помочь местным властям направить его на правильный путь»³⁾.

Не менее категорически высказался в пользу принятия суровых мер член консервативной партии А. Смит: «существует, действительно, широкий заговор, правда, недоста-

точно ясный, но из-за этого не менее опасный, следствием чего являются настоящие волнения... Лучшим средством для прекращения беспорядков—говорил он—является сильная и крепкая власть, способная решительно и твердо облегчить действительные бедствия и прекратить недовольство и ропот». Большинство парламента поддержало обоих ораторов и тоже настаивало на принятии билля ⁴).

Иначе отнеслась к действиям правительства либеральная буржуазия. Конечно, она не сочувствовала луддитскому движению, но тем не менее во всех своих выступлениях представители ее стремились защитить луддитов от всех чрезмерных нареканий, всегда подчеркивали, что страхи правительства преувеличены.

Чем объяснить подобное явление? Нужно думать, что и либералы и радикалы рассчитывали воспользоваться защитой луддитского движения, чтобы нанести правительству решительный удар и добиться осуществления своих целей. «Волнения—отвечали на требование репрессий либералы—порождаются голодом, бедностью и безработицей; все эти обстоятельства вызвала неразумная и вредная политика кабинета министров... Карательные меры не помогут отыскать виновников беспорядков и прекратить волнения,—они вызовут большее озлобление и заставят мятежников быть более осторожными» ⁵). И тут же они дают совет, как остановить рабочие волнения. «Если бы «приказы в совете» были отменены, то теперешняя бедность сменилась бы немедленно полным благосостоянием»—говорил Хетчинсон ⁶). «Отмена «приказов в совете»—вторил ему Уитбред—исправила бы сама по себе все зло... причина для неудовольствия исчезнет, рабочие найдут работу и успокоятся» ⁷).

Таким образом, целью либеральной оппозиции была отмена известных нам «приказов в совете», что логически вело к борьбе за свободную торговлю—непременное условие развития промышленного капитализма. Но правительство, представлявшее интересы помещиков, прекрасно это поняло. «Приказы в совете»—сказал премьер-министр (лорд Ливерпуль)—здесь не при чем: волнения ведь начались недавно а запретительную торговую политику мы ведем уже несколько лет и считаем, что изменять ее не к чему» ⁸).

Но либеральная буржуазия имела в виду еще и другое: поскольку она приобрела экономическое господство, она

стремилась захватить и политическую власть. Для этого ей необходима была парламентская реформа, и реакционную политику министерства либеральная оппозиция встретила поэтому бурным протестом. В самом деле, на примере 38 ланкаширских луддитов можно было видеть, что угрожает каждому стороннику расширения избирательных прав: военное положение делало невозможной всякую агитацию за улучшение правительственной системы,—правительство всегда могло обвинить в луддизме и отправить в ссылку или даже на казнь. Эту мысль ярко выразил в своей речи сэр Френсис Бердетт, представитель радикальной группы. «Я—враг крайних мер, сказал он, ибо так поступает всегда плохое правительство: оно доводит людей до крайности и затем пользуется этим, чтобы применить репрессии... Я боюсь увеличения полномочий тех властей, которые, по моему мнению, уже злоупотребляли ими, ибо полиция во многих случаях применяла насилие и была недобросовестна. Особенно я порицаю систему шпионажа: несчастный народ подстрекают на выступления, а затем ловят в свои сети и подвергают наказанию. Такой порядок достоин одного только дьявола!» В дальнейшей своей речи Бердетт подверг суровой критике злоупотребления властей, часто провоцировавших или ложно обвинявших рабочих в преступлениях, и весьма недвусмысленно показал, что вся правительственная система должна быть изменена ⁹⁾.

Также резко нападал на правительство и член либеральной партии Генри Брум, указавший на произвол правительственных чиновников и ужасы провокации ¹⁰⁾.

Таким образом, луддиты только потому нашли поддержку и защиту в представителях оппозиционных партий, что последние надеялись этим путем достичь своих собственных целей.

Искренних защитников у луддитов нашлось только двое: знаменитый лорд Байрон и Виллиам Коббет. Первый лично объездил весь Ноттингемшир и затем произнес в палате лордов речь, в которой яркими красками описал бедствия и страдания трикотажников и горячо протестовал против смертной казни для доведенных до отчаяния людей.

«... В течение короткого времени, проведенного недавно мною в Ноттингемшире, сказал он, не проходило 12 часов без какого-нибудь нового акта насилия, а в день моего

отъезда мне сообщили, что в предшествующий вечер было разрушено 40 вязальных станков, по обыкновению беспрепятственно и без раскрытия виновных... Но хотя приходится признать, что эти эксцессы приняли угрожающие размеры, все же нельзя отрицать, что они вызваны небывалой нуждой... Эти люди не разрушали раньше своих станков, пока последние не стали бесполезными, хуже, чем бесполезными, пока они не стали настоящими помехами их усилиям заработать себе хлеб насущный. Должны ли вы удивляться, если во времена, подобные нашим, когда в общественных классах, не стоящих много ниже вашего, милорды, наблюдаются банкротство, доказанное мошенничество и недоказуемые тяжкие преступления,—должны ли вы удивляться, если низшая, хотя и полезнейшая некогда часть нации забывает из-за своей нужды о своем долге и навлекает на себя вину, которую может превзойти только вина парламентария... Люди эти готовы были обрабатывать землю, но заступ находился в обладании других лиц; они не стыдились просить милостыню, но не находилось человека, который облегчил бы их нужду; их собственные средства к существованию были отрезаны, все другие места заняты, и учиненные ими нарушения законов—как бы мы о них ни скорбели и как бы ни осуждали их—вряд ли могут быть для нас неожиданностью... Вы привыкли спешить на помощь стесненным военным союзникам, между тем как людей, бедствующих в вашей собственной стране, вы предоставляете заботливости неба или церковного прихода... Одна десятая часть того, что вы подарили Португалии, была бы достаточна для того, чтобы сделать дома излишним нежное милосердие штыков и виселицы... Я побывал в некоторых из наиболее угнетенных турецких провинций, но ни разу я, при величайшем деспотизме магометанского правительства, не наблюдал такой невыразимой нищеты, какую увидел со времени своего возвращения в нашей христианской стране. И каковы же ваши лекарства против нее? После месяцев бездеятельности, после месяцев деятельности еще худшей, чем бездеятельность, появляется наконец великолепное *specificum*, безошибочно действующее снадобье всех государственных лекарей, от времен Дракона до наших дней—смертная казнь! Если мы даже оставим в стороне явную несправедливость и несомненную бесплодность законопроекта, то разве мало угроз смертной

казню имеется уже в ваших законах? Разве к вашему уголовному кодексу прилипло еще мало крови, и надо пролить ее еще больше, пока она не станет взывать к небу и свидетельствовать против вас?.. Разве это лекарство для изголодавшегося и доведенного до отчаяния населения? Представим, однако, что билль будет принят. Представим себе одного из этих людей, какими я видел их: изможденных голодом, равнодушных вследствие отчаяния, не ценящих жизни, которую вы, милорды, готовитесь, быть может, оценить несколько ниже вязального станка, представим себе этого человека,—а таких существует десятки тысяч, среди которых вы можете выискивать свои жертвы,—влекомого на суд, чтобы держать здесь ответ за новое преступление согласно новому закону,—и тогда не хватает, на мой взгляд, еще двух вещей для его изобличения и осуждения: 12 мясников в качестве присяжных, и Джеффриса *) в качестве председателя суда»¹¹⁾.

Байрон идеализировал старые порядки ремесленного производства, при которых каждый работник мог пользоваться независимостью и благосостоянием, и, как романтик, чувствовал неприязнь к буржуазии и капитализму,—благородному аристократу был органически противен «дух наживы и мещанство», свойственные буржуазии. И раз луддиты выступили для осуществления его излюбленного идеала против ненавистного нового порядка, естественно, симпатии поэта были на их стороне. Он даже написал в честь разрушителей машин стихотворение, видя в них борцов за освобождение человеческой личности, революционеров особого типа.

Вторым защитником луддитов явился Виллиам Коббет, самый блестящий радикальный публицист того времени. В ряде блестящих статей он резко бичевал лживую реакционную прессу, беззакония местных властей и эгоистическую политику правящих классов. В то же время он старался реабилитировать луддитов от клеветы и нареканий, изображая их несчастными людьми, которых голод и эксплуатация довели до крайнего отчаяния. С удивительной сердечностью он указывал им на ошибочность их поведения и советовал

*) Джордж Джеффрис, оф Вем лорд (1633 — 1689) — известный своей кровожадностью и жестокостью судья в Англии.

вместо «бунта против машин» присоединить свои силы к сторонникам всеобщего избирательного права. «Машины представляют лучшее культурное завоевание,—они отличают цивилизованного человека от дикаря; разрушение машин только ввергло бы нас снова в состояние варварства. Если бы только порядки в стране были лучше, тогда и машины явились бы благодеянием для всех»... «Единственным же лекарством против угнетения бедных, является реформа палаты общин или народной палаты. Парламент и правительство находятся в руках небольшого числа лиц, которые злоупотребляют своим могуществом для эгоистических целей, так как заботятся только о себе и своих друзьях. Дабы эта власть у них была отнята, нужно, чтобы палата общин выбиралась народными массами,—тогда она станет зависимой от желаний нации, и народ будет свободным»¹²).

Современники, однако, так и не поняли луддитов: враги старались очернить их и нарочно искажали истинные их цели, друзья преуменьшали их сознательность и, опираясь только на внешние факты (разрушение машин), считали их несчастными, невежественными людьми, а самые действия их бесцельными и вредными.

В таком виде дошли до нас немногочисленные сведения о луддитском движении. Историки приняли их на веру и построили на этом основании ложную теорию: луддиты якобы боялись потерять заработок и потому противились введению новых машин. Обнаруженные за последние 10 лет документы показали, что это не так. Но что же такое тогда луддизм, каковы его причины и содержание?

Прежде всего, в организационном отношении он представлял точный сколок рабочих союзов эпохи законов о коалициях: та же конспирация, те же торжественные, порой комичные церемонии, переодевание, присяга, клятвы. Что касается способов борьбы, то мы уже знаем, что здесь тоже нет ничего нового: разрушение машин, поджоги фабрик, угрожающие письма и покушения на предпринимателей бывали и раньше.

Социальный состав участников луддитского движения опять-таки был таким же, как и в более ранних рабочих волнениях: рабочие домашней промышленности или мелких мастерских, как, например, стригали, рассчитывавшие при благоприятных условиях сами сделаться хозяевами. Таким

образом, движение луддитов было движением мелких ремесленников и кустарей, т. е. мелкобуржуазным и полупролетарским.

Равным образом можно сказать, что волнения, происходившие прежде в трикотажной, суконной, и хлопчатобумажной промышленности, и более позднее движение луддитов имели одинаковые причины,—постепенное порабощение мелких производителей крупным капиталом. Орудия производства все больше переходили в руки капиталистов, независимость ремесленника становилась призрачной, и едва лишь машинизм и фабричная система утвердились в производстве,—свободе мелкого производителя пришел конец и они не могли уже рассчитывать выйти из зависимого положения.

Чем были фабрика и машина, мы знаем. Естественно, рабочие стремились вернуться к старым свободным порядкам, и когда в 1811—1812 гг. экономическое положение страны сделалось особенно нестерпимым, и экономическая депрессия, вызвавшая безработицу, дороговизну и голод, бросила рабочих окончательно в объятия нищеты, последние решили или умереть, или избавиться от рабства.

Они прекрасно учитывали значение фабрики и машин для своих хозяев, понимали их силу и сделали потому вывод, может быть и наивный, что, разрушив машины и фабрики, они лишат своих эксплуататоров их мощи. Отсюда не машины, а политика механизации и рационализации труда, проводимая в целях извлечения большей прибыли капиталистами (ибо иначе нельзя ее и назвать), являлась предметом ненависти рабочих.

Так возник луддизм. Участники его надеялись на поддержку рабочих всей Англии. Расчеты их оказались ошибочными: движение локализовалось только в одной части страны, и хотя рабочие симпатии были на его стороне, к нему примкнули немногие. Часть членов рабочих союзов приняла теперь участие в движении за парламентскую реформу, остальные, придавленные правительственной реакцией и законами о коалициях, не решались выступать активно. Более же близкие к луддитам рабочие клубы и общества были разгромлены и не могли им помочь.

Разрушители машин остались одиноки. Движение их к тому же началось не одновременно,—затихнув в одном графстве, оно вспыхивало в другом. Последнее объяснилось

разобщенностью и разбросанностью кустарей. Правда, как рассказывал свидетель в Комитете о ремесленниках и машинах (1824 г.), «ланкаширские луддиты предлагали рабочим Глазго совместные действия», но все это не привело ни к чему, да и трудно сказать, были это луддиты или полицейские шпионы, орудовавшие в Ланкашире¹³⁾.

Другой случай кажущегося объединения луддитов. При-
сутствие «делегата» ноттингемских луддитов на митинге в известном нам кабачке св. Криспина в Галифаксе, если он имел место в действительности, то, вероятно, был делом личной инициативы этого «делегата», во всяком случае—он вряд ли имел какие-либо полномочия.

Всеми этими обстоятельствами воспользовались правящие классы; оправившись после первого испуга, они быстро собрали силы и буквально раздавили движение.

Из всего сказанного можно смело заключить, что луддитское движение было лишь наиболее ярким эпизодом в долгом процессе пролетаризации независимого производителя. Оно пыталось остановить колесо истории, вернуться к старым, отжившим формам социальных отношений и потому неминуемо должно было погибнуть. Попытка эта была безусловно реакционной, отсюда и самое движение, несмотря на его субъективную революционность, осталось объективно реакционным.

Процесс классового самосознания рабочих после луддитского движения шел вперед медленными, но верными шагами. Рабочие поняли, что без завоевания политической власти освобождение невозможно. Первый шаг в этом отношении сделал «чартизм»,—первое выступление, как правильно замечает Маркс, первой подлинно-классовой рабочей партии в Англии.

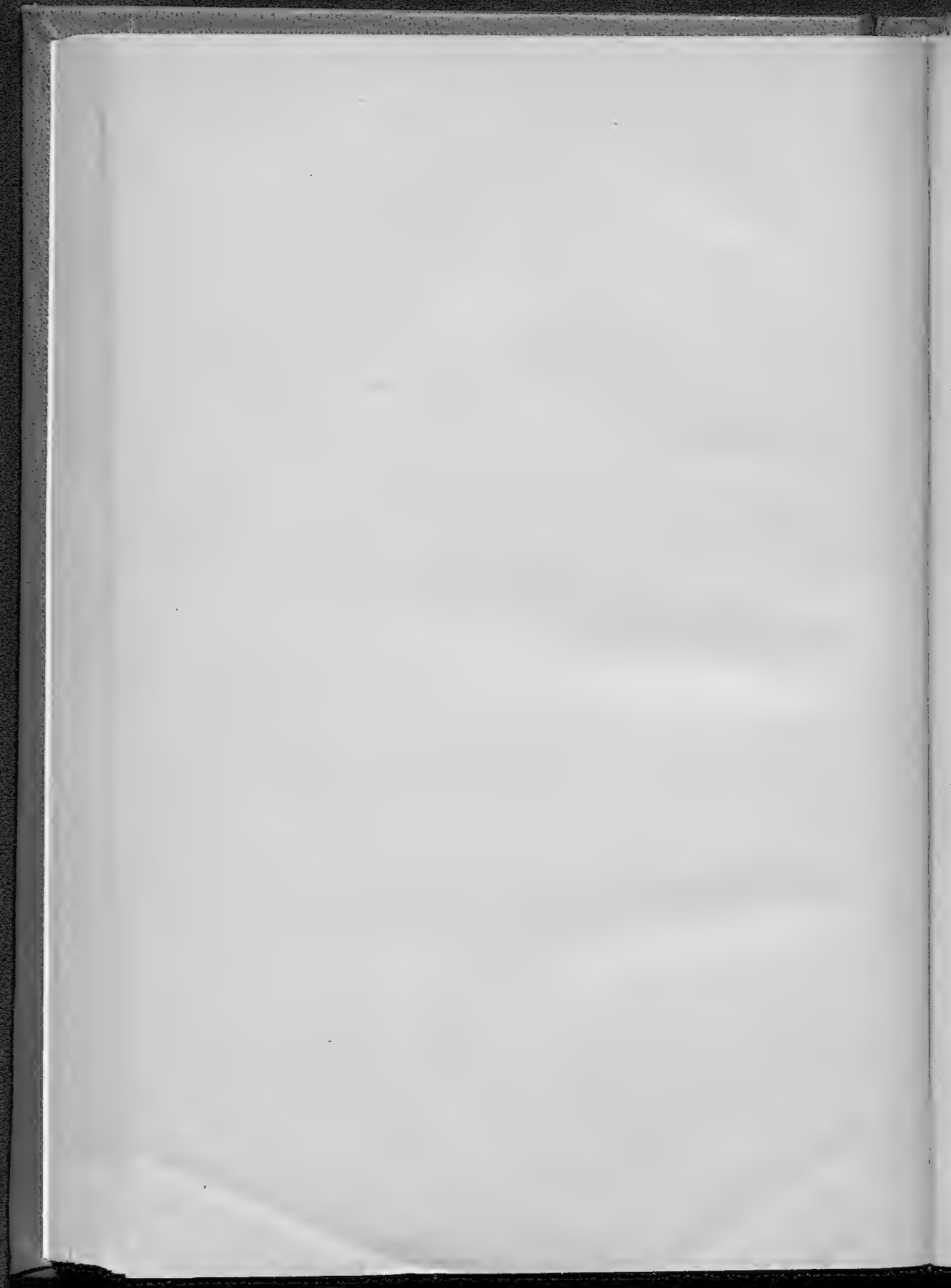
Если присмотреться внимательнее к эпохе луддизма, то мы увидим, что она, как бы ни сильны были различия, имеет много общего с положением Англии в настоящее время. Как тогда, так и теперь основной тенденцией буржуазии были рационализация производства и извлечение возможно большей прибыли. Под этим лозунгом проходила промышленная революция в Англии, с этим же девизом ведут борьбу против рабочего класса современные твердолобые.

«Капиталистическая политика рационализации,—говорит тов. Бухарин,—выражается на первых порах в непосредственном нажиме на рабочий класс, в увеличении рабочего дня, понижении заработной платы и повышении налогового бремени. Дальнейшими шагами являются концентрация промышленных предприятий, технические нововведения и все большая автоматизация и механизация производства».

Все это, хотя в меньших размерах и в иной форме, мы видим в Англии начала XIX века: налоговое бремя, согласно Коббету, возросло необычайно и превышало 70 млн. ф. ст. (1812—13 гг.); непрерывный поток изобретений все время имел в виду механизацию производства; рабочий день резко увеличился, а заработная плата упала. На ряду с этим, как правительство Питта и Ливерпуля, так и правительство Болдуина беспощадными законами против рабочих организаций думает подавить движение пролетариата.

Но если луддиты погибли, то теперь английский рабочий класс, умудренный многолетним опытом, сокрушит могущество буржуазии и отомстит за кровь луддитов.

Примечания: 1) Cobb. Polit. Reg. XXII, p. 14; 2) Parl. Deb. XXI, p. 813; 3) Ibid. XXIII, pp. 978-9; 4) Ibid., pp. 1002; 5) Ibid. XXI, pp. 974-5; 6) Ibid., p. 861; 7) Ibid. XXIII, pp. 975 & 1000; 8) Ibid. XXI, p. 1082; 9) Ibid. XXIII, p. 981 & 1007; 10) Ibid., p. 1019; 11) Ibid. XXI, pp. 966-72; 12) Cobb. Polit. Reg., 16 & 30. XI. 1816; 13) Rep. Art. Mach., p. 71.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица № 1. Рост количества вязальных станков в Соединенном Королевстве с 1669 по 1812 г. *)

1669 г.		Рассеяно по деревням и другим местам в средних графствах	
Лондон	400		1.850
Бекингем	50		
Серри	50		
Ноттингем	100		
Лестер	50		
Дублин	10		
Всего		Всего	14.000
1714 г.		1782 г.	
Лондон	2.500	Лондон	500
Серри	600	Серри	200
Бекингем	50	Тьюксбери	650
Норсемптон	150	Норсемптоншир	300
Беркшир	100	Дублин	700
Тьюксбери	50	Корк	300
Лестер	600	Ноттингемшир, Лестершир и Дербишир (включая несколько мест в Шотландии)	17.350
Ноттингем	400	Всего 20.000	
Дерби	50	1812 г.	
Мэнсфильд	50	Ноттингем	2.600
Сеттон	50	Редфорд	350
Дублин	300	Мэнсфильд	400
Рассеяно в остальных местах в средних графствах	2.350	В 74 городах и деревнях в Ноттингемшире	3.930
В других графствах	750	Лестер	1.700
Всего 8.000		Гинкли	1.500
1753 г.		Шипсхед	900
Лондон	1.000	В 100 городах и деревнях в Лестершире	9.083
Серри	350	Дерби	400
Ноттингем	1.500	Илькстон	350
Лестер	1.000	Хинорс	350
Дерби	200	В 82 городах и деревнях в Дербишире	3.600
Дублин	500	Глостершир	970
Корк	200	Девон	38
Бельфаст	100	Серри	130
		Мидлсекс	137
		Оксфорд и Норсемптон	214

*) Извлечено из Report on the frame work knitters, pp. 1550.

1812 г.		Чешир	17
Норфок	23	Стаффорд	46
Йоркшир	177	Кумберленд	50
В 38 местах в Шотландии .	1.449	Линкон	37
В 35 местах в Ирландии .	976	Уорик	50
Ланкашир	75		
Устершир	48	Всего	29.590

Итак, в среднем рост количества станков во всей Великобритании выражается в следующих цифрах:

в 1669 г. — 660; в 1714 г. — 8.000; в 1753 г. — 14.000;
 в 1782 » — 20.000; » 1812 » — 29.590;

Таблица № 2. Цены на съестные продукты в Англии 1793—1813 гг.

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Мясо	Сыр	Бобы
1793	49 ш. 3 п.	—	—	—	4 $\frac{1}{2}$ п.	4 $\frac{3}{4}$ п.	—
1794	52 » 3 »	—	21 ш. 5 п.	33 ш. 4 п.	4 $\frac{1}{2}$ »	5 »	—
1795	75 » 2 »	—	—	36 » 0 »	4 $\frac{1}{2}$ »	5 $\frac{1}{4}$ »	—
1796	78 » 9 »	—	21 » 8 »	21 » 8 »	6 »	5 $\frac{1}{2}$ »	—
1797	53 » 9 »	—	16 » 8 »	28 » 0 »	6 $\frac{1}{2}$ »	5 $\frac{1}{2}$ »	—
1798	51 » 10 »	35 ш. 6 п.	19 » 4 »	28 » 8 »	5 $\frac{1}{2}$ »	5 $\frac{3}{4}$ »	—
1799	69 » 0 »	—	27 » 4 »	35 » 8 »	5 $\frac{1}{2}$ »	6 »	—
1800	113 » 10 »	—	41 » 4 »	60 » 0 »	6 $\frac{3}{4}$ »	6 $\frac{1}{4}$ »	—
1804	62 » 3 »	31 ш.	24 » 3 »	—	8 »	7 »	—
1805	89 » 9 »	44 » 6 п.	28 » 0 »	—	7 $\frac{1}{4}$ »	7 $\frac{1}{4}$ »	—
1806	79 » 1 »	38 » 8 »	28 » 7 »	—	7 $\frac{1}{2}$ »	7 $\frac{1}{4}$ »	—
1807	75 » 4 »	39 » 4 »	28 » 4 »	—	7 »	7 $\frac{1}{2}$ »	—
1808	81 » 4 »	43 » 4 »	33 » 4 »	—	6 $\frac{3}{4}$ »	7 $\frac{3}{4}$ »	—
1809	97 » 4 »	47 » 0 »	31 » 5 »	—	6 $\frac{3}{4}$ »	8 »	—
1810	106 » 5 »	48 » 1 »	28 » 7 »	—	8 $\frac{1}{2}$ »	8 »	—
1811	95 » 3 »	—	27 » 7 »	42 » 3 »	8 $\frac{3}{4}$ »	8 $\frac{1}{4}$ »	—
1812	124 » 8 »	76 » 2 »	44 » $\frac{1}{2}$ »	66 » 3 $\frac{3}{4}$ »	8 $\frac{1}{4}$ »	8 $\frac{1}{2}$ »	74 ш. 6 $\frac{1}{2}$ п
1813	107 » 10 $\frac{1}{2}$ »	69 » 10 $\frac{1}{2}$ »	39 » 1 $\frac{1}{2}$ »	58 » 2 $\frac{1}{2}$ »	8 $\frac{3}{4}$ »	8 $\frac{3}{4}$ »	75 » 11 $\frac{1}{2}$ »

ИЗД-ВО МК ВКП (б) и МОССОВЕТА
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

МОСКВА — Центр, Кузнецкий Мост, 7. Телефон 5-20-57
ЛЕНИНГРАД — Проспект Володарского, 53-а

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

МОНОСОВ, С.—Зарождение промышленного капитализма в Англии. 2-е изд., доп. и испр. (С илл.). 94 стр. 75 к.

Марксистская история промышленной революции, происшедшей в конце XVIII — начале XIX вв. Англии, результатом которой явился промышленно-капиталистический строй во всей Европе и Америке: 1. Накопление капитала и развитие шерстяной промышленности. 2. Возникновение кадров наемных рабочих. 3. Появление машин. 4. Новая буржуазия. 5. Положение нового класса—пролетариата. Даны картины быта, цифры и хронология. Приложен указатель литературы.

СЕРИЯ „МИРОВАЯ ПОЛИТИКА“

Под ред. Е. Пашуканиса и Б. Виноградова.

АЛЕКСАНДРОВ, Г.—Капитализм и колониальная политика. 152 стр. 1 р. 50 коп.

Марксистская работа по истории колониальной политики, охватывающая период с XVI в. до 1927 г. Содержание: I. Движущие силы колониальной политики. II. Как капитал действует в колониях. III. Раздел и передел мира (история борьбы капиталистических держав за колонии). IV. Борьба колониальных народов за освобождение.

ИЛИМСКИЙ, Д.—Пути Британской империи. 163 стр. 85 к.

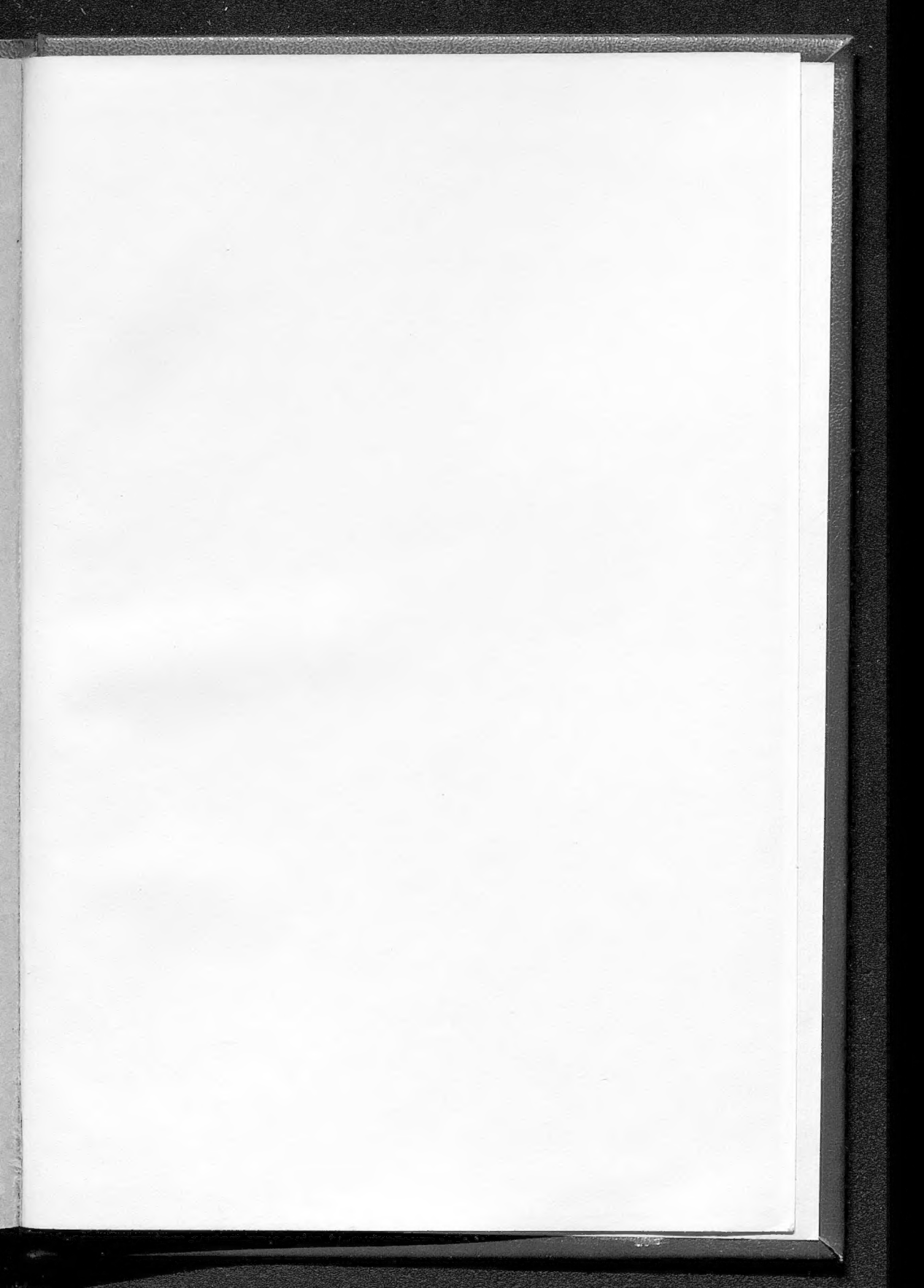
Очерк истории британского империализма—его зарождения, расцвета, начавшегося медленного упадка, в связи с развитием и ослаблением промышленного, а затем финансового капитала внутри и вне страны, с начала XVIII в. и кончая XX веком (1927 г.). Описана организация охраны и обороны империи; дана картина напряженной работы, которую ведет Англия, организуя антисоветскую блокаду; прогноз будущего Англии. В основу положен цифровой и фактический материал; приведены конкретные примеры.

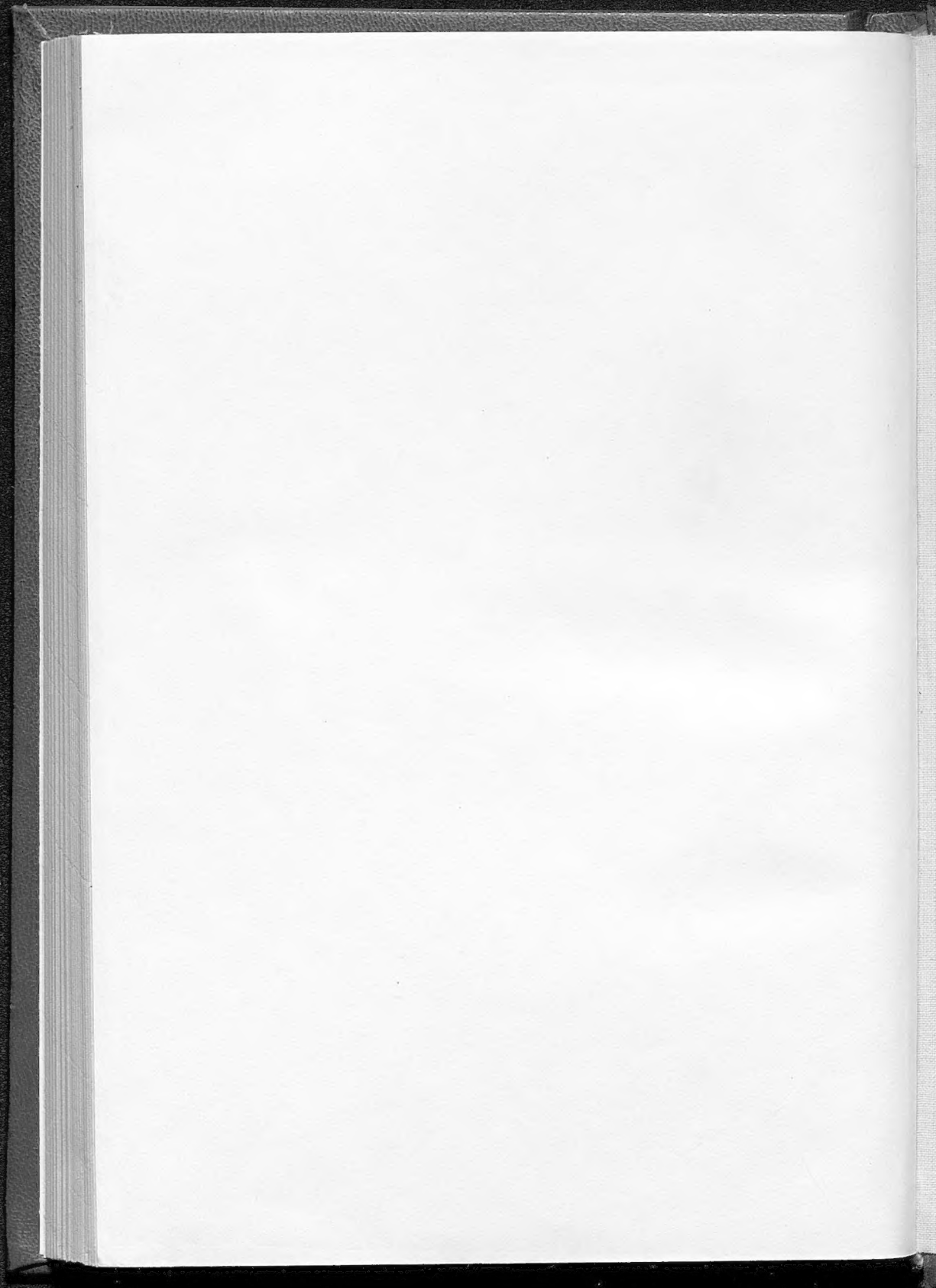

Один рубль 20 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва, Центр, Кузнецкий мост, 7.
и во все отделения и магазины Госиздата
РСФСР

585.00

KC112
B20